

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

3. 2018

9 мая 2018 года, г. Нальчик

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – Х. М. ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

**Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ**

Общественный совет:

**Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Нина Емузова
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев**

3. 2018 МАЙ – ИЮНЬ

С днем Великой Победы

9 мая наша республика, как и вся страна, отмечала 73-ю годовщину Великой Победы. Торжественные мероприятия, посвященные этому дню, начались в Нальчике в городском парке культуры и отдыха у мемориала «Вечный огонь» и памятника Героям Советского Союза, кавалерам ордена Славы трех степеней.

Отдать дань уважения воинам-освободителям пришли тысячи жителей городов и сел республики. В почетном карауле стояли представители всероссийского патриотического движения «Юнармия». После минуты молчания к монументу возложили цветы Глава КБР Юрий Коков, представители всех ветвей власти; общественных и профсоюзных объединений, духовенства, ветераны войны и труда, активисты молодежных организаций, учащиеся школ.

В 11 часов от площади 400-летия единения с Россией началось шествие участников всероссийской акции «Бессмертный полк» во главе с Юрием Коковым, который на площади Согласия обратился к участникам с речью и от души поздравил всех с Днем Победы.

По количеству участников «Бессмертного полка» было видно, что его численность в нашей республике с каждым годом растет. Да и не только у нас, данная всероссийская акция с каждым годом расширяет свое число и свою географию. Если в прошлом году у нас в республике это число доходило до 60 тысяч участников, то в этом году оно превысило 80 тысяч.

После окончания шествий праздничные мероприятия продолжились театрализованным представлением «Поклонись великим тем годам!», молодежной акцией «Вальс Победы», конноспортивными состязаниями на Республиканском ипподроме. Вечернее небо над нашей столицей украсил пышный праздничный салют.

РУССКО-КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

«Наконец, суетное желание некоторых из командовавших на линии отличить себя деяниями (забыв, что благоразумное управление и привлечение сердец народов лучше блеску подъятых военных подвигов) ввело почти в обыкновение каждый год выводить войска на линии против кабардинцев или закубанцев, либо против чеченцев, нередко без причины, и ожесточило сердца сих народов до того, что кабардинцы от своей прежней могущественности едва только пятую часть имеют и, следственно, при последнем изнеможении своем питают однако ж неодолимый дух мщениия против россиян, покоряясь увлекающей их к сему свойственной их характеру горячности и чувствуемой несправедливости».

*Александр Тормасов,
русский военачальник. 1811 г.*

«По дороге на Баксан нам пришлось переправиться через маленькие речки шириной в 10 или 20 сажень. При переправе наш командир не перевозил пехоту, но загонял ее, как скот, в воду. Мороз дал себя знать, 1500 человек отморозили себе ноги, между прочим много офицеров, но почти все исключительно из

пехоты, а не кавалеристы. Этой участи подверглись полковник Ладыжинский, подполковник Кек, 9 офицеров и более 900 человек солдат и унтер-офицеров моего полка. Вечером мы пришли к Баксану. Я никогда в жизни не видел такой быстрой реки. Мы еще не сталкивались с неприятелем, который бежал, завидев нас издали. Три солдата моего полка, которые, к несчастью, отстали, были изрублены партией неприятеля.

Мы расположились лагерем в виде трех каре, с кавалерией в середине, и провели ночь недалеко от Баксана. Снегу было больше чем на четверть аршина. На следующий день выступил весь отряд; замерзших везли на казачьих лошадях. Мы переправились через Баксан и расположились в нескольких кабардинских деревнях; хотя деревни эти были покинуты жителями, мы нашли там очень много сена и до 20 000 овец, которые раздавались ежедневно умеренными порциями. 30-го мы выступили в прежнем порядке и, сделав 20 верст, дошли до горы, у подошвы которой мы остановились в одной большой деревне. Сюда отступили кабардинские князья (в том числе Шамгар и Мисоуст) с скопищем в

одну тысячу горцев. Желая сдаться нашему губернатору, они послали к нему депутатов. Когда мы пришли, они стали просить нас еще настоятельнее, обещая подписать все что угодно и принести присягу. Переговоры окончились заключением мира: все князья принесли присягу в присутствии войск и подписали, хотя и неохотно, очень невыгодный для них договор. По этому договору границу между Россией и Кабардой должны служить Малка и Терек. Подполковник Савельев был послан с несколькими ротами егерей и казаков в Малую Кабарду, чтобы и ее подвести под русское подданство».

*Густав фон Штрэндман,
русский генерал от кавалерии. 1779 г.*

«Едва было закончено построение, как завязалась горячая перестрелка между моими стрелками и людьми тридцатью черкесов, гораздо более искусных, чем мои солдаты. Местность была для нас неблагоприятная, в одну минуту у нас оказалось четыре раненых; неприятель под прикрытием деревьев мог спокойно прицеливаться. Я приказал прекратить стрельбу, выслал вперед унтер-офицера с пятнадцатью стрелками беглым шагом для занятия поляны и последовал за ним с остальной частью своего отряда. Такой маневр не мог совершаться без новых потерь; был убит мой самый храбрый сержант, и шесть стрелков и казаков ранены муллой в зеленой чалме; его сын заряжал ружье, пока он стрелял из другого; бедняга сержант был ранен пулей в сердце в ту

минуту, когда хотел броситься на муллу; за его смерть не замедлило последовать отмщение. Воспользовавшись мгновением, пока мулла менял ружья, на него устремился казак и пронзил ему тело пикой...

Когда был разложен огонь, изнутри сакли слышались крики, указывающие на присутствие там женщин. Я приказал подать им помощь. Тридцать голов рогатого скота, шесть лошадей, полтора ста баранов, много ячменя, восемь женщин, пять грудных младенцев, трое больших мужчин (и среди них брат главы аула) достались нам в виде трофеев.

Обратив аул в пепел, я собрал добычу и двинулся в обратный путь, торопясь выбраться из леса, где небольшие силы легко могли отрезать нам отступление».

*Граф Де Рошешуар,
адъютант императора Александра I. 1845 г.*

«Для устранения недоразумений между горцами о новом их политическом отношении к России, кавказский корпусный командир граф Паскевич поручил одному благонадежному эфенди Юсуфу сделать известным во всех закубанских горских племенах означенный мирный договор с Оттоманской Портой о поступлении всего Закубанского края под державу русского государя.

По получении об этом за Кубанью прокламации графа Паскевича, в конце 1830 года на р. Адагуме, было большое народное собрание всех горских племен, на котором влиятельный в горах Сефер-бей при обсуждении политического их состояния

высказался так: турецкое правительство навсегда отказалось от черкес. Теперь остается искать защиты в собственном мужестве или добровольно покориться России. Первое средство неверно. Я знаю, продолжал оратор, могущество России. Чтобы избавить наши семейства от несчастий, считаю лучшим вступить в переговоры с русскими.

Возвратившиеся в то время из Константинополя шапсугские депутаты, посылавшиеся туда для разъяснения дальнейших отношений их к туркам, подтвердили собранию речь Сефер-бея и объявили со своей стороны, что турецкое правительство будет принимать черкес, не желающих покориться России, на переселение в Турцию до 1 марта 1831 года.

Главным средством к покорению горцев Вельяминов считал все-таки голод, который стараться всеми мерами усилить между черкесами, лишив их возможности получать жизненные потребности со стороны моря, берега которого занять особым отрядом и крейсирующими судами между Анапою и Гаграми.

Главные основания сих действий заключались в том, чтобы, с одной стороны, стеснить горцев в их землях посредством занятия русским поселением удобных к хлебопашеству низменностей, а с другой – пре-

сечение им всех путей к внешним сношениям и к приобретению им необходимых жизненных потребностей не иначе, как по непосредственному распоряжению правительства, или с его согласия и дозволения».

Проконий Короленко,
историк казачества. 1898 г.

«Никогда столько материальных и моральных испытаний не посетили страну Адыге, как в этом году. (1859 – ред.) Все лето летали тучи саранчи, опустошавшей посевы. В результате этого вскоре начался убийственный падеж скота, захвативший не только рогатый скот, но и овец, и коз, и, наконец, даже домашнюю птицу, так что в некоторых местностях почти не осталось животных. Вскоре после этого начала свирепствовать холера; смертность, особенно в долинах Кубани, была очень высока. Русские в этом году выдвинули против Абадзехии около 60 000 человек, третья часть страны находилась в серьезной опасности и была вовлечена в мирные переговоры.

В трактате, заключенном абадзехами и натухайцами с русским правительством, адыги выговорили себе условия, что, кроме ранее возведенных крепостей, русские не будут строить новых, что, кроме районов, занятых крепостями, русские ни в единственном, ни во множественном числе не будут показываться в стране и что от них не будут требовать ни рекрутов, ни податей.

Русские удовлетворились этим показным подчинением, но это было нужно русскому правительству отчасти для того, чтобы предоставить перед лицом Европы кавказский вопрос решенным, но еще больше для того, чтобы свободнее обратить войска, бывшие в Дагестане, Натухае и Абадзехии, против непокорных шапсугов, после покорения которых действительное овладение Абадзехией не представляло уже серьезных трудностей.

Весной 1860 года три неприятельских корпуса, каждый силою до 15 000 человек, двинулись на равнины Шапсугии.

Адыги – индогерманский народ численностью около 15 миллионов человек, грузино-армяне – народ численностью в 4 миллиона – могут образовать на Кавказе два государства, которые морально поддержанные Европой, проникнутся идеями западной цивилизации, быстро разовьются и создадут крепкий форпост Европы против неизбежного

нападения с востока... Сдача этой позиции для Европы равносильна самоубийству.

Когда вступаешь на землю свободной Абазии (*Абадзехии – ред.*), то сначала не можешь понять, каким образом народ, у которого почти каждый ребенок носит оружие, который не имеет писаных законов, исполнительной власти, даже начальников и предводителя, может не только существовать, но еще противостоять долгие годы такому колоссу, как Россия, и сохранить свою независимость».

Теофил Лапинский,

полковник и командир польских добровольцев. 1857 г.

«Политическое влияние Турции на быт черкесов погрешило более всего вследствие своего непостоянства и двоедушия. Если она действительно желала извлечь какую-либо пользу из учения Магомета о равенстве, то должна была, уничтожив олигархию, взамен последней дать народу демократическое правление. Порта, однако же, не сделала

этого; миссии ее действовали совершенно в противоположном смысле, поддерживая главных владетелей и стараясь всеми силами препятствовать демократическому направлению. Турция, следуя этой безумной политике и поддерживая Се-

фер-бея, Кара-Батыра и Хаджи-Кирандука субсидиями и нравственным влиянием, в то же время противодействовала Магомет-Эмину, Петру-отшельнику демократическо-магометанского принципа и единственному человеку, который мог бы сделать что-нибудь для своего народа. В Константинополе умы были затемнены до такой степени, что там не различали творимого на Кавказе, в земле черкесов, и играли судьбою целого народа с тем же легкомыслием, как с самою ничтожною вещью в мире».

Осман-бей,
адъютант Мустафа-паши, майор, 1855 г.

«Всякий благоразумный человек может рассудить, легко ли было исполнение дела, на которое беспощадно истощались в продолжение сорока лет постоянно возрастающие усилия громадной империи, несмотря на решительную волю правительства кончить как можно скорее. В течение трех десятилетий несколько раз подвигались мы вперед и были вынуждены отступить перед отчаянным и часто очень искусным сопротивлением неприятеля. Можно положительно сказать, что в 1856 г., когда началось непрерывное семилетнее наступление, заключившееся ныне безусловным покорением гор, мы стояли в том же положении, каком нас застала персидская война, не подвинувшись ни на шаг вперед. Неприятель же в это время сделал огромные успехи: развил силы, каких никогда не предполагали в нем, приобрел твердую уверенность в себе, и на долю кавказской армии выпало совершить дело в десять раз труднейшее, чем оно было вначале.

Русская печать мало говорит о Кавказе, не зная его; но по этой же причине в ней раздаются по временам голословные приговоры кавказским событиям. Не раз уже мне случалось читать отрывочные суждения об истощении горцев, о панике, распространившейся между ними после восточной войны, облегчившей их покорение. На деле мы не видели ничего подобного; горцы сопротивлялись, сколько стало их сил. Еще в 1863 г. горец, случайно отрезанный от своих и окруженный целым отрядом, не сдавался и умирал с оружием в руках.

Исключительное географическое положение черкесской страны на берегу европейского моря, приводившего его в соприкосновение с целым светом, не позволяло ограничиться покорением населявших ее народов в обыкновенном значении этого слова. Не было другого средства укрепить эту землю за Россией бесспорно, как сделать ее действительно русскою землей. Меры, пригодные для восточного Кавказа, не годились для западного.

Между восточным и западным Кавказом существовала та коренная разница, что черкесы, по своему приморскому положению, никаким образом не могли быть прочно закреплены за Россией, оставаясь в своей родной стране. Надобно было вести кровавую, продолжительную, чрезвычайно дорого стоившую войну для того только, чтобы подчинить закубанцев русскому управлению на время мира, в полной уверенности, что первый выстрел в Черном море опять поднимет их против нас и обратит в ничто все прежние усилия.

Было бы чересчур легкомысленно надеяться переделать в данный срок чувства почти полумиллионного варварского народа, искони независимого, искони враждебного, вооруженного, защищаемого неприступною местностью, предоставленного постоянному влиянию всей суммы враждебных России интересов. После отрицания Англией самого права нашего владычества на Кавказе, после бесчисленных интриг и покушений Турции, после явного пристрастия, высказанного к черкесам французским посольством в Константинополе, мы не могли рассчитывать на время».

Ростислав Фадеев,
российский военный историк, генерал-майор. 1860 г.

«План Евдокимова был совсем иной. С черкесами ужиться нельзя, привязать их к себе ничем нельзя, оставить их в покое тоже нельзя, потому что это грозит безопасности России, разумеется, не вследствие пустячного хищничества абреков, а вследствие того, что западные державы и Турция могли бы найти в случае войны могущественную опору в горском населении. Отсюда следовал вывод, что черкесов, для

блага России, нужно совсем уничтожить. Как совершить это уничтожение? Самое практичное – посредством изгнания их в Турцию и занятия земель русским населением. Этот план, похожий на убийство одним народом другого, представлял нечто величественное в своей жестокости и презрении к человеческому

праву. Он мог родиться только в душе человека, как Евдокимов. Это был сын крестьянина, взятого в рекруты по набору и дослужившегося до какого-то маленького офицерского чина – уж конечно не благодушием, а силой воли, энергией, суровостью. У Николая Ивановича Евдокимова текла в жилах кровь мужика, энергичного и чуждого жалости, когда дело касается его интересов. Имея огромный практический ум, несокрушимую энергию, свободный от всякой чувствительности, совершенно необразованный, только грамотный, он спокойно взвесил отношения русских и черкесов и принял свое решение в плане «умиротворения» посредством «истребления».

Этот план нашел полный отзвук в душе князя Барятинского, потомка создателей Руси, готовых все ломать и крушить во имя своего дела и столетия назад выработавших афоризм: «Где рубят лес, там щепки летят».

В Дагестане можно было совершить завоевание без уничтожения противника, и князь Барятинский охотно оставил лезгинам существование, явился покорителем, но не истребителем.

Относительно адыгейских народов он ясно понял, что Евдокимов говорит дело: что тут либо мы, либо они, а вместе мы жить не можем, – и бестрепетно решил: если так, то пусть они погибнут, а мы останемся жить на их месте. Но истребить целый народ – это уже деяние «сверхчеловека», деяние, перед которым могут дрогнуть и Кромвель, и Наполеон. Но так как иначе нельзя поступить, чтобы свершить свое дело и заплести до конца венки своей славы завоевателя Северного Кавказа, то Барятинский решил: быть по сему».

*Лев Тихомиров,
русский общественный деятель, 1864 г.*

«Когда русские начали, по окончании войны, свое фланговое движение для изгнания горцев в Турцию, то всюду стали разыгрываться сцены

отчаяния и скорби. В одном из аулов перед целым джамаатом старуха-мать поочередно побросала в бездну своих взрослых детей, потом внуков и, наконец, кинулась туда сама, не желая оставить места, где выросли ее дети, где выросла она сама и воспитала свою многочисленную семью. Когда русские предложили горцам поселиться на Кубанской плоскости, они ответили с негодованием:

– Мы родились наверху и не хотим спускаться в долины.

– Неприлично орлам жить вместе с волками, – отвечали в другом ауле.

Были совершенно вымершие аулы. В других оставалась треть населения, и то исключительно мужчин. На вершинах гор, в туманах и пещерах кавказских дебрей, остались шайки, обрекшие себя на смерть, они не сдавались и не оставляли аулов. Эти гибли до единого. Общий плач шел по всему горному Кавказу. Старики-офицеры, приглядевшиеся ко всевозможным трагическим моментам войны, не могли без слез смотреть на это. Матери зачастую убивали детей, мужья – жен, Очевидец выселения г. Фадеев говорит, что пустынный до тех пор восточный берег Черного моря представлял необычайное зрелище. Населенный бродячими разбойниками, торговцами рабов, содержимый в постоянной блокаде нашими крейсерами, он до тех пор казался необитаемым. Ни хижины, ни дымка на зеленом берегу, ни одного челнока в голубых заливах. Только под ночь, когда разыграется буря или начнет стлаться туман, можно было заметить на темном море силуэты крадущейся под берегом кочермы. Если она шла к земле, на ней была военная контрабанда; если от земли, то рабы. Никакое судно, занимавшееся правильной торговлей, не смело приставать к этому краю. На море его встречали пушки наших крейсеров; на суше винтовки и кинжалы горцев. Это был заколдованный берег, на который не позволялось ступить человеку. И вдруг все изменилось. Берег

разом унижался судами и покрывлся народом. На каждой версте белели паруса, подымались мачты, дымились трубы пароходов; на каждом шагу развивались флаги наших пикетов; в каждой балке толпился народ и стоял базар. Но движение редело по мере того, как пустел берег. То были похороны исчезающего народа.

Наконец было получено разрешение водворять этих несчастных на плоскость кубанскую между русскими. Горцы считали себя счастливыми, получив это позволение. Но, увы! Немногие могли воспользоваться этим правом. Более половины выселившихся в Турцию погибли там в несколько лет, остальные жили в невероятной нужде и не могли даже пройти до русской границы! Сверх того, и положение, в которое здесь поставлены черкесы, очень неприглядно. Живой и пылкий народ, ценящий выше всего свою свободу, вполне примирившийся с русским владычеством, почти прикрепощен к месту, где его поселили. Каждый черкес, желающий отлучиться из местожительства, даже хотя бы на охоту, обязан взять билет от ротного командира, облеченного и гражданскою властью. В билете подробно обозначено, когда и на какой срок отпущенное лицо отлучается, какое при нем оружие. Черкес, не имеющий такого билета, может быть задержан всяким и представлен начальству. На место ушедшего племени горных орлов явились волки и шакалы».

*Василий Немирович-Данченко,
русский военный историк, журналист. 1878 г.*

*Материал подготовила Марианна Керимова
Иллюстрации из личной коллекции Жанны Бицуевой*

МУДРОСТЬ И БЛАГОРОДСТВО, ПРОНЕСЁННЫЕ СКВОЗЬ ВЕКА

21 мая в Нальчике, у символического «Древа жизни» в сквере Свободы – памятника жертвам Кавказской войны 1763–1864 годов, – состоялся традиционный митинг, приуроченный к 154-й годовщине ее окончания.

Мероприятия, в которых приняли участие несколько тысяч человек, начались с традиционного конного шествия 200 всадников по проспекту

Ленина в Нальчике. Вслед за всадниками последовало шествие жителей республики, большинство из которых были одеты в черкесскую национальную одежду.

У монумента «Древо жизни» митингу памяти предшествовала обширная литературно-музыкальная композиция, составленная из исторических адыгских песен и сказаний на тему мухаджирства в исполнении мастеров искусств Кабардино-Балкарии.

Открывая митинг, министр культуры Кабардино-Балкарии Мухадин Кумахов отметил, что, как и любая война, Кавказская война сопровождалась страданиями и лишениями всего адыгского народа.

Затем представители Духовного управления мусульман КБР совершили обряд по исламским канонам, посвященный жертвами Кавказской войны.

В церемонии возложения цветов к подножию «Древа жизни» приняли участие депутаты Парламента республики во главе со спикером Татьяной Егоровой, Председатель Правительства КБР Алий Мусуков, руководитель администрации Главы Кабардино-Балкарии Мухамед Кодзоков, мэр г. Нальчика Таймураз Ахохов, председатель Союза «Объединение организаций профсоюзов КБР» Фатимат Амшокова, руководители федеральных структур в Кабардино-Балкарии, главы администраций районных муниципалитетов и городских округов республики, лидеры национальных общественных организаций и движений, ветераны войны и труда, представители общественности, а также черкесских диаспор из ближнего и дальнего зарубежья.

По сложившейся традиции, в полдень по московскому времени участники митинга почтили минутой молчания память жертв Кавказской войны.

С краткой речью на русском и родном языках к участникам митинга обратился президент Международной черкесской ассоциации (МЧА) Хаути Сохроков, который отметил, что история – эта сокровищница человеческих деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего.

– Сегодня мы вновь обращаемся к нашей памяти, к нашим предкам, к истории нашего народа во имя того, чтобы никогда не повторялась трагическая судьба адыгов в период столетней Кавказской войны, ко-

торая завершилась 154 года назад. По утверждению историков, в мире за все время цивилизации было много войн, но Кавказская война 1763–1864 годов, которая длилась 101 год, была самой трагичной, жестокой и беспощадной. В результате этой войны наши соотечественники оказались за пределами своей исторической родины, и сегодня они разбросаны в более чем 50 странах мира. Будучи законопослушными гражданами государств их компактного проживания, черкесы (адыги) сумели сохранить свой родной язык, свою богатую историю и свою самобытную культуру. Мне приятно констатировать, что на данном мероприятии присутствуют представители черкесских диаспор из Турции, Иордании, Сирии, Израиля, Объединенных Арабских Эмиратов и других стран.

Никогда и никому не удалось остановить бег времени или повернуть вспять ход истории. Прошлое легче порицать, чем исправлять. Поиск причин и последствий этой трагедии, здоровое и адекватное рассуждение на данную тему преследуют одну цель: однажды и

навсегда дать правдивую оценку трагическим событиям, которые имели место 154 года назад. Потому для адыгов, как трезвого и мудрого народа, крайне важна объективная и взвешенная оценка факта трагедии целого народа со стороны профессиональных и до конца объективных историков и политиков, а также морально-нравственное осуждение самой Кавказской войны. И это нужно не только для торжества исторической правды и справедливости, но и для утверждения национальной идеологии и самосознания, как составляющей демократического будущего нашего светского Российского государства.

Хаути Сохроков высказал убежденность, что и поныне новые поколения адыгов свято чтут величие духа своих предков. Вместе с тем, оказавшись на чужбине, потомки мухаджиров нашли в себе силы сохранить свой этнос, язык, богатую национальную культуру и традиции. Бесспорным фактом остается и то, что представители адыгского народа достойно влились в общественную, политическую и социальную жизнь как России, так и тех зарубежных стран, где они оказались волею судьбы. Во все времена представители черкесского мира славились и гордились своими этническими военачальниками, государственными, политическими и общественными деятелями, одарёнными учёными, гениальными музыкантами и художниками, известными чемпионами мира и Олимпийских игр по различным видам спорта

Как подчеркнул президент Международной черкесской ассоциации, русско-черкесские отношения имеют многовековые корни и традиции. Трезвый и адекватный взгляд на судьбу адыгского народа подтверждает верность единственно правильному пути, избранному нашими предками пять веков назад, – дальнейшее созидательное развитие в составе великой России.

В рамках программы, приуроченной ко Дню памяти адыгов, также были организованы выставки в Арт-Центре Мадина Саралып и в Республиканском музее изобразительных искусств им. А. Л. Ткаченко, показ в Государственном киноконцертном зале фильма «Чужбина», встреча студентов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова с соотечественниками.

Борис Бербеков

ЭКСПЕДИЦИЯ – 2516

Главы из научно-фантастического романа¹

Объект, как мы стали понимать, становился все более и более таинственным и производил впечатление невидимого. Но невидимость не была визуальной, в общих чертах он был виден, скрытыми оставались его энергонасыщенные контуры и энергоструктура тела. Должно быть, все это охраняли компоненты собственного поля, не допуская

проникновения в глубинные тайны этого загадочного объекта. Из земной науки мы знали, что структура любой модели, имитирующая динамику системы, не уступает или не должна уступать ей по внутренней сложности. Вот и космический классический пример тому – объект, глубоко зашифрованный в самом себе, материальная диковина с поразительно загадочными свойствами...

Мои размышления о нем становились все навязчивее, преграждая путь другим насущным мыслям по многим прочим вопросам, входящим в обязанности и командира корабля, и начальника экспедиции. И с этими мыслями я переключился к Харите и к проблеме разбудить Тхагуримаго, с тем чтобы ввести его в полную силу, в рабочий режим для выполнения своих прямых обязанностей.

В этот момент загорелась кнопка связи с главным врачом, я нажал ее:

– Слушаю, Тим Мил Ана.

– Командир! Мы приступаем к выведению Тхагуримаго из глубокого сна.

– Вам нужна дополнительная помощь или справитесь со своей медицинской группой?

– Справимся сами, командир. Наша группа отлично справится с этим.

– Хорошо, ждем ваших результатов.

За время подготовки Хариты к решающему сеансу Тим Мил Ана со своей медицинской группой приступила к процедуре выведения Тхагуримаго из глубокого сна. Специальный блок, где находился он, был скорее похож на санаторную палату с медицинской аппаратурой и множеством специальных приборов. Кровать интересной, сложной конфигурации, на которой он лежал лицом вверх, напоминала царское

¹ Продолжение. Начало см.: № 6, 2017; № 1, 2018.

ложе древних правителей земли, накрытое сверху свисающим куполообразным прозрачным шелком.

Процедуру проводили, соблюдая все правила и приемы поэтапной активации его мозга. Затем провели все необходимые процедурные мероприятия по восстановлению жизнедеятельности организма, и спустя некоторое время он тяжело, но постепенно пришел в себя. Несмотря на долгий и глубокий сон, на его лице не было видно изумления или же изменения внутреннего покоя.

Он самостоятельно и сознательно корректировал все действия организма, подчиняясь обстоятельствам. Все это проявлялось в нем через органы чувств, и вскоре внешний вид его выразил удивление. Человеческое любопытство, от рождения присущее нашему виду, взяло верх, и после того, как Тхагуримаго почувствовал себя немного лучше и осмотрелся в большой уютной палате, он несмелым голосом выдавил из себя:

– Где я? Почему вы все смотрите на меня так удивленно?

Он медленно повернул голову и еще раз осмотрелся вокруг, медленно встал, увидел рядом стоящий стул, привстал на кровати и перелез на стул, предварительно ощупав еще не окрепшими пальцами.

Недолго посидев с отрешенным видом, приподнял правую руку с полусогнутыми пальцами, видимо, хотел что-то сказать, но резко схватил голову двумя руками и начал сдавливать, будто в мозгу происходило нечто страшное. Вся медицинская группа, участвовавшая в реанимации, ринулась к нему. Но Тим Мил Ана подняла руку и остановила коллег. Они замерли. Главный врач корабля поняла, что, находясь долгое время в

глубоком сне с начала пути, мозг Тхагуримаго мог «забыться» от долгого бездействия, и синдром сонливости может держать его еще некоторое время. В таких случаях выздоровление, как правило, постепенное, и организм, не получающий команд от сознания, не управляет психическими процессами, протекающими в нем.

Из всего этого Тим Мил Ана заключила, что пациент находится в зоне промежуточного состояния: начало бодрствования и заторможенное сознание. «Видимо, чип, вживленный в его мозг еще в детстве, на Земле, воспринимает не родной ему космос как иную природу, жесткую и чужеродную структуру», – подумала она.

Отсюда вытекали неявные признаки проявления в нем пассивности, нарастающая безучастность и вялость тела. При этом в его организме активно поддерживались все необходимые жизненные функции.

И все же сквозь текущую картину опытный глаз врача уловил то, что быстрая утомляемость и вялость Тхагуримаго не являются патологическими реакциями. И это было самым главным в данной ситуации. А то, что он хватался за голову и сдавливал ее с болезненной гримасой, было знаком активизации его мозга, проявляемой внутричерепным давлением, возбуждением множества различных мозговых структур, а также из-за усиления потока активирующихся импульсов. Точнее сказать – запускался вновь после долгой спячки механизм мозга. И она подумала: «Его мозг зашевелился, значит, скоро он начнет управлять телом, затем пойдут интеллектуальные импульсы и активизируется воображение. А его истощенность – это мы быстро поправим, после чего вернется осмысление, ориентировки, мышление и эффективность трудовой деятельности. Все идет по заранее намеченной программе», – повторила она себе еще раз, подошла к пациенту и волевым голосом врача спросила:

– Как вы себя чувствуете? Можете говорить?

Услышав давно не звучавший рядом человеческий голос, Тхагуримаго внутренне вздрогнул и, стараясь не проявлять растерянности, что-то ответил невнятно.

Тим Мил Ана не поняла, что он ответил, и вновь спросила:

– Как вы себя чувствуете? Можете говорить?

Услышав второй раз тот же голос и те же вопросы, пациент начал приходить в себя и, складывая слова, медленно ответил:

– Да... Могу...

– Как вы чувствуете себя?

– Голова болит... Голова раскалывается...

– Можете говорить?

– Могу, наверное, – ответил он медленно и растянуто.

– Тогда скажите, вы меня узнаете?

Он медленно отпустил голову, уронил руки вниз, затем так же медленно приподнял голову и, глядя исподлобья, произнес:

- Наверное, нет.
- Подумайте все же, – настаивала врач. – Попробуйте вспомнить.
- А мы что, знакомы?
- Напрягите память.
- Мы знакомы?
- Да, мы знакомы, и очень давно знакомы.
- И как давно?
- Со школьных лет.

Услышав эти слова, Тхагуримаго немного оживился, как-то повел плечами, медленно, будто разгибаясь от усталости, и мутным взглядом окинул женщину:

- Если я не ошибаюсь, ты похожа на Ану, медсестру, которую я видел когда-то. Так?
- Так! Вспоминайте дальше. У вас хорошая память.
- Не жалею на память.
- Это хорошо. Даже очень хорошо. Думаю, вы скоро поправитесь. А пока необходимы некоторые процедуры, чтобы восстановиться полностью.

– Я, что, ваш пациент, сестра... кажется, все же Ана?

– Вы не больной, просто спали долго. И то, что я Ана, тоже верно. Но не сестра давно, а главный врач корабля.

Он снова медленно взялся за голову, сдавил ее, смял обеими руками будто хотел выдавить из нее нечто, видимо, мысли, память, и не мог. Пробыв некоторое время в таком состоянии, отпустил голову, и, глядя исподлобья на врача, спросил жалостно:

– Скажите, пожалуйста, где я сейчас, что со мной и кто все эти люди около меня? Я что-то ничего не соображаю.

– С вами все в порядке, не тревожьтесь, здесь ваши друзья. Вы все узнаете позже, после проведения некоторых обязательных процедур.

– Где я все же... Прошу...

– Вы на корабле.

– На каком корабле?

– На том самом звездолете, который вы знаете еще с Земли.

Услышав эти слова, Тхагуримаго снова обхватил голову ладонями и, сдавливая ее, начал шептать слова «звездолет»... «Земля», затем мгновенно замер и резко посмотрел на врача вопросительным взглядом. Она поняла, что к нему вспышками возвращается память, и ответила на этот взгляд:

– Да, да. Все верно. Это так. Вы на том самом звездолете. А теперь успокойтесь. Вам необходимо следовать указаниям врачей.

– Я вспомнил! – обрадованно вскрикнул он. – Вы Тим Мил Ана, медсестра, которую называли «Легкая рука». Так ведь?

– Все так. Вы молодец. У вас хорошая память. Это хорошо, – повторила она, радостно глядя на него. Затем, обернувшись к коллегам, движением руки велела им приступить к делу и направилась в кабинет-лабораторию, где было определено работать Тхагуримаго после полного выздоровления. Данное помещение, скорее, было кабинетом, но его почему-то называли лабораторией. Видимо, из-за того, что Тхагуримаго здесь должен был в одиночестве думать, размышлять, анализировать.

Оглядев помещение, она убедилась в хорошем состоянии кабинета и тут же через внутреннюю связь вызвала меня:

– Командиру и ЦИБ! Пациент пришел в себя. Состояние удовлетворительное. Память возвращается. Медицинский персонал приступил к необходимым профилактическим процедурам. Если не будет каких-либо отклонений от нормы, то пациент скоро может приступить к своим обязанностям. Его будущую лабораторию проверяю в данный момент и считаю все подготовленным для его работы.

– Принято. А теперь возвращайтесь обратно к нему и плотно займитесь его восстановлением.

– Я поняла, командир! – ответила главный врач и вернулась к коллегам, занятым процедурой с Тхагуримаго.

Между тем, Харита, отключив все посторонние отвлекающие от основного занятия чувственные восприятия, стала вглядываться внутренним взором в даль космоса, переносясь медленно от далекого к близкому, приближая к себе объект.

Сосредоточиваясь на этом объекте, она усилила свой генерирующий поток психической энергии, корректируя и направляя его к предполагаемому центру энергетических структур объекта, где, возможно, содержится информация о целом. Ее естественное биоизлучение, имеющее сложную полевую организацию, распространялось свободно в пространстве за бортом звездолета, но на пути к объекту какая-то сила перегораживала, не допуская прохождения ее мыслепотоков, разделяющее их пространства будто какой-то сверхвысокочастотной субстанцией, активировала свои энергоузлы и кодировала пространство вокруг себя.

Тогда Харита начала усиливать интенсивность информационно-энергетического потока мыслеизлучения, собирая в себе воедино резервы психозапаса и закольцовывая их в бесконечное множество неуничтожимых форм полевых энергоструктур. Но и это не помогло. Ей показалось, что среда, в которой она работает, имеет более сложный многоликий состав организации и более тонкие свойства его составляющих, нежели те, которые были известны ей до сих пор. И вдруг она поймала себя на том, что, генерируя поток своих мыслесгустков, одновременно и бесконтрольно в глубине души думает о постижении содержания глубинных информонесущих механизмов объекта. И что такая дробность в себе возбужденной мыслеорганизации мешает достаточно плотной концентрации мыслеобразов на объект.

Одновременная активность подсознания и сознания ослабляла уровень фокусирования волнового пакета мыслеформ и стабилизации биоэнергии как по частоте импульса, так и по фазе. По этой причине она не могла полностью превратить человеческий мозг в резонатор нужного типа волн и полей, формирующий барьер проникновения в зону существования объекта. Для того чтобы поправить подспудно возникшую ситуацию, надо было остановить собственные импульсы сознания и полностью положиться на подсознание. «А для этого, – думала она, – необходимо заставить замолчать ум, чтобы услышать руководство подсознания».

Но интуиция, взращенная земной действительностью, требовательно подсказывала, что нельзя отключать сознание. И Харита, подчиняясь внутреннему голосу и человеческой логике, продолжала свою мысль: «... тогда прекратится наше общение с командиром и, чего нельзя совсем допустить, – с ЦИБом. Ведь ЦИБ контролирует полный процесс моих действий и поступков через мой мозг, через мое сознание, которое связан с ним биоквантовой динамикой, каскадом зашифрованных определенным образом кодов. Что же мне делать? Как же мне поступать?» – мучилась она, одновременно удерживая постоянное плотное напряжение и высокий строй мыслей. Она понимала, что у нее сейчас нет времени с разумной терпеливостью выбрать что-то одно из них – надо было действовать незамедлительно, не снижая накал напряженности. И она выбрала, выбрала, не теряя контроля над собой и здравого рассудка – держать связь с командиром и ЦИБом во что бы то ни стало! А значит – быть во власти сознательного и бессознательного одновременно. А значит – контролировать в себе действия механизмов сознательного и бессознательного как рычаг управления мозгом.

Такое неожиданно возникшее смутное душевное беспокойство так же внезапно исчезло в итоге спонтанно возникшего выбора. Видимо, и здесь сработал инстинкт самосохранения и великая «выручалочка» – условный рефлекс, защищающий нас, людей, в самых сложных ситуациях.

Она еще не успела проанализировать закономерность своих действий, как вдруг почувствовала в себе нарастание вибрирующего потока энергии жизни, приливом огромной силы активизируя биоэлектрические потенциалы мозга, формирующие программу непрерывно действующего принципа сознания. И такая приливная сила с усиливающимся импульсом превращала ее организм в комплекс сложных систем из волн и биополей физического тела, распространяя в пространство устойчивые структуры психофизических полей. Чем дольше она держала себя в напряжении, тем яснее ее негибемая воля и решительность идти до конца становились сгустком энергии, напряженным пучком волнового пакета, адресно уходящим к объекту. Но объект не приоткрывал свои «окна» и «двери», оставаясь таинственным маленьким телом в большом космосе. И в который раз возвращался один и тот же вопрос: замечает

ли он людей или же не подает вида, что замечает? Но то, что он неотступно сопровождал людей в незнакомом мире глубокого космоса, было неспроста. Харита изо всех сил напрягала внутренний слух и проникала всем своим существом в глубину реального мира в поисках каких-то ответных реакций от объекта, пусть даже непонятными символами, хаотически разрозненными обрывками. Из них ЦИБ мог бы слепить что-нибудь внятное, подчиненное нашему сознанию.

Не выдержав долгого, как мне показалось, молчания Хариты, я обратился к ЦИБ:

– Как идет сеанс, Дружище? Фиксируется ли наличие когерентной связи, или действия Хариты вновь остаются очередным экспериментом?

Мое нетерпение скорее узнать о происходящем толкало меня вперед и рождало многоликое состояние: сердце колотилось необычно, внутренний взор устремлялся в непонятную даль. Ожидание тревожило совокупностью противоречивых чувств.

– Командир! Отвечаю на твой вопрос: импульс, посылаемый Харитой, наталкивается на непреодолимое препятствие и отскакивает от объекта, дробясь в пространстве. Такое явление можно наблюдать лишь от материи высокой плотности, на многий порядок превышающей известные мне сверхплотные состояния вещества.

– Дружище, настройся на ее генерирующие импульсы и сопровождай прямую и обратную связь сенсорной и телепатической активностью. Особое внимание необходимо обратить на возможные скрытые формы энергии со стороны объекта, если возникнут таковые.

– Я понял, командир, все это отслеживается.

Я душой устремлялся вперед, а сердцем и умом оставался вместе со всеми проблемами, возникающими перед нами. Человек – существо интересное: в минуты опасности в его голову лезут всякие мысли, чтобы, перебирая их, он нашел спасительную ниточку, за которую мог бы зацепиться. Земная жизнь научила на основе эксперимента, экстраполяции опытов вырабатывать способность в той или иной мере моделировать ситуацию, что позволяло заблаговременно принимать решения. Видимо, отсюда идут истоки удивительного дара человека Земли. Но здесь, здесь, в необъятном пространстве, где не за что зацепиться мыслью или интуицией, где требуется упорный и незамедлительный поиск единственно верного умозаключения, – не знакомая нам природа отказывает в помощи. Или, может, так нам кажется? И во всем, что мы видим, нам просто не удастся протянуть логическую цепочку, связать лежащие в его основе исходные процессы и явления? И что бы я там ни придумывал, все же в мировой многоуровневой структуре мышления, где логика главенствует над субъектным построением картины мира, существуют свои парадоксы. И каким образом в действительности мир логики сосуществует с миром парадоксов в причинно-следственной

цепи – нам это неведомо. В них присутствуют некие правила или переплетающаяся система сложных явлений, имеющая связь с близкими и далекими соседями, где все вместе образуют существование единой, непрерывной связанности неповторимой структуры. А если заглянуть еще дальше, то мы поймем, что эволюционный фундамент находится на более значительной глубине, которая разделяет наш разум с носителем первопричины, определяющей последующие уровни постижения.

И все это – комплексный интегрированный запечатанный информационный узел, у которого полевая геометрия – язык символов.

– Командир, докладываю: генерируемое Харитой непрерывное напряжение биоэнергетического накала не встречает ощутимого взаимодействия. Информационный вакуум вокруг объекта поглощает ее психофизические поля безвозвратно. Воля Хариты негибаема. О целостности и гармоничности внутренней самости говорит исходящий от нее непрерывный поток информонесущих звеньев. Но объект молчалив.

– Значит, отсутствует ответная реакция, – повторил я вслух, информируя всех присутствующих.

– Можно, командир? – подала голос Нурупх. – Раз не происходит взаимодействия, может быть, предложить Харите изменить окраску мысли? Или же попробовать изменить тональность, сделать волновой пакет мягче или жестче, или подобрать вибрацию и длину волны в другом диапазоне, резонируя в унисон с окружающим космосом? Если весь ее испускаемый биоэнергетический комплекс поглощается в пространстве, значит есть и поглотитель!

– Твои предложения и предположения справедливы. Но сейчас вмешиваться в ее настроенный ритм ни в коем случае нельзя. Можем разрушить амплитудный резонанс устойчивых импульсов Хариты.

– Разрешите, – обратилась ко мне Элен Жорж, – можно спросить ЦИБ?

– Прошу.

– Я говорю как исследователь структур физических объектов: зарегистрированы ли Базой какие-либо волны энергии или неопознанные излучения со стороны объекта? Есть ли подтверждения или отрицания тому, что объект представляет собой мертвое тело, или все же он не является таковым? С момента его появления мы все высказываем разные версии о его природе и не можем прийти к однозначной трактовке, объясняющей его появление и поведенческие реакции, точнее сказать, полное отсутствие реакции на наши сигналы.

– База не может вынести однозначное предположение или суждение о незнакомом объекте.

Я внимательно слушал команду и перебирал в уме разные предположения. И каждый из нас делал то же самое.

– Но помилуйте, – продолжала дальше свои размышления Элен, как бы обращаясь не только к ЦИБу, но и ко всем нам, – не может быть, чтобы

материальное тело в природе не испускало хотя бы небольшой тепловой энергии. Так не бывает, чтобы в природотворном материальном теле не происходили события и невозможно было бы оценить характеристики протекающих в нем явлений, количество движения хотя бы, если уж совсем отсутствуют причинно-следственные свойства.

– Ты хочешь сказать, – вмешался Тхаз Да Мир, – что если таковое не наблюдается, это говорит о его искусственном происхождении?

– Да, Мир, конечно.

– И тогда это связано с разумным творением?

– Совершенно верно. И мы все внутри себя жаждем этого, – Элен опустила в свое кресло, добавив: – Каково там сейчас Харите... и ничем не можем ей помочь, бедная...

Мне не понравилось ее минорное настроение, и я взглянул на нее с некоторым недовольством. Она уловила это краешком глаз – женские глаза, как говорят, – всевидящее око, но ничем не выдала своих чувств по этому поводу.

Увидев мое гнетущее состояние, командир спецгруппы Диса Даха встала и тоже высказала свои соображения. То ли меня пожалела, то ли хотела придать иное направление нашим рассуждениям.

– Может, наши представления о структуре сущности объекта упрощены? – спросила она. – И наше неоднозначное представление о нем вводит нас в заблуждение, присущее человеческой природе? Мы никак не можем освободиться от человеческой правильности и рассуждать по-иному: реальность превратить в мираж, перешагнуть непонимание сразу, незамедлительно, свойства вещей признать недиалектичными, подобие и тождества – несущественными.

– Но это полное отрицание сущности и содержания принципа организованной материи, – возразила ей с недоумением исследователь всех видов материи в пути Алия Аскерли Доду.

– А как иначе! – с улыбкой обернулась Диса Даха к Алие. – В чужом мире – чужие определенности, и в основе всего должно покоиться действие. И действие нужно сопровождать с позиции смысла и принципа, обеспечивающего преимущественные права во взаимоотношениях.

– Конечно, человек с такой подготовкой и такого ранга может высказать свое видение по данному вопросу с позиции силы. Но в нашем случае, не зная содержания материального объекта, не стоит рубить с плеча, – возразил Амир Алоко.

На эту реплику Диса Даха не стала отвечать, но то, что она недовольна, было выражено ее резкими движениями, когда она опускалась обратно в кресло.

Все это время я слушал, принимая высказывания тех и других неоднозначно. Конечно, эти разговоры имели под собой основу и можно было позицию каждого аргументировать справедливости ради. Но

все-таки они носили характер философского взгляда на вещи земного человека с высоты далекого межзвездного пространства, где в нашем понимании всеобщая причина непонятным образом поглощалась неустойчивым состоянием материальных носителей информации без проявления причинно-следственных возможностей. Здесь можно было продолжать дальше философскую линию разговоров на эту тему, где следствие вообще не принималось во внимание, а причина все же складывалась из хаоса, имея определенную меру неравновесного порядка. И я бы от себя добавил: в такой среде мера беспорядочного хаоса все-таки выступает многоликим образом. Анализируя услышанное, я понимал, что все они были правы, но, к сожалению, обходились без предложений и выводов, что превращало все это в философский диспут.

Я их слушал, слышал и вновь рассуждал, но мое второе «я» находилось там, где Харита. Да и все, которые находились рядом со мной, были одновременно там всем своим существом, хотя говорили между собой и рассуждали о проблемах.

Неожиданно перед моим внутренним взором появилась молодой воин Диса Даха в великолепных доспехах, какой она была в те молодые годы, когда влилась в нашу группу после возвращения с удаленных планет Солнечной системы, где она выполняла важную дипломатическую миссию Большого Совета Земли.

За время нашего совместного полета, бывало, она предлагала в критических ситуациях разрешить конфликт силой, в надежде, что у звездолета хватает для этого боевого снаряжения. Но я не давал ей поступать жестко. Да и таких критических моментов у нас особо не возникало до сих пор, не считая некоторых естественных факторов.

Она как великий воин представляла себе разрешение всех конфликтных вопросов через силу, как я сказал, и в любом конфликте видела отправную точку для немедленных действий. И поэтому реальная действительность для нее всегда была эмоциональной сферой, где факторы вызывали изменение иерархических отношений. Взаимосвязь и зависимость для нее были антагонизмами.

Диса Даха напоминала мне своей великолепной статью и решительностью легендарных воительниц племени амазонок, некогда живших на Кавказе, вблизи двуглавой горы Эльбрус. И одну легенду я ношу в себе как память моей крови, передающуюся из века в век, от поколения к поколению, будто наш род начинает свои корни от них – амазонок.

Еще в раннем возрасте Диса Даха достигла больших успехов на пути служения миру и порядку землян, выбрав охранную службу планеты. При тщательном отборе членов экипажа звездолета ей было поручено возглавить службу охраны и всего боевого арсенала корабля. Так она стала первой на планете, получившей звание командира спецгруппы огромного звездолета и космопилота галактического ранга.

Все же во всем ее великолепии преобладала женственность, женская суть. Ее черные густые волосы, полные дружелюбной теплоты глаза, наблюдающие проникновенно за всем происходящим вокруг, пленяли всех любопытствующих. А естественная уверенность выдавала развитую мускулатуру, не подчеркивая при этом малозаметную полноту талии.

Суровость и настороженность лица мешала проявлять присутствие в ней доброты и улыбку мирно благоухающих губ. Все это отличало ее от сверстниц.

Рано усвоив понятия чести и порядочности, она закалила свой самоотверженный характер до степени самопожертвования. Поэтому в ней сосуществовали решительность без оглядки и женское душевное обаяние.

Уже являясь командиром спецгруппы охраны звездолета, она установила строжайший порядок в своем подразделении во всем – от несения службы до ношения специальных форменных знаков.

Сама она одевалась, как вылитая амазонка: шлем золотистого отлива, одежда, похожая на ту, которую носили в походах эти воительницы, с отблеском матово-серебристого сияния, пояс-меч, обхватывающий строгую крепкую талию.

Шлем был непростой. Он был сделан по ее заказу, туда были вмонтированы всевозможные микроаппараты связи и арсенал мощного боевого снаряжения как для защиты, так и для отпора. Все это было скрыто в самом шлеме, что невозможно было обнаружить визуально.

Особым оружием был и меч. Из особого сплава. Материалы этого сплава были собираемы годами любителями-путешественниками по ближним обитаемым планетам и астероидам и продавались как редкоземельные элементы. Он был изготовлен на Земле по ее заказу одним из славных мастеров знаменитой династии Глепш. Как и в шлем, в меч было вмонтировано множество разнообразных систем, предназначенных для защиты и отражения враждебной атаки. Длинный и тонкий, упругий и эластичный обоюдоострый клинок сверкал переливами необъяснимых лучистых оттенков, во всю длину проходили тонкие волокна-каналы, через которые проецировались мощные энергетические импульсы, системы многофазовых переходов с чрезвычайно убедительной характеристикой, представляющие собой протоплазменную пушку с узкопучковым излучателем большой проникающей силы и регулируемой интенсивности.

Рукоять напоминала работу мастеров далекой старины – с красивой узорной гардой и округлой формой эфеса. Только гарда и эфес этого меча имели специальное предназначение: в гарде была заключена в потаенных местах, только ей известных, сверхновая энергия, блокирующая и рассеивающая все генерируемые виды энергии, приходящие извне во враждебных целях. В эфесе с тыльной стороны, по центру, виднелся пирамидальный красивой огранки рубин, куда был спрятан протонный генератор нурыс – лазерный тип мини-оружия.

В ее спецодежде было упрятано еще множество других тайн от чужих глаз. При полном параде она становилась грозной воительницей с бесповоротной решимостью, чей меч был послушен только рукам хозяйки, имея систему чувственного распознавания. Глядя на этот меч, я ощущал какое-то многоликое предвосхищение, многозначный символ кольцеобразующего соединения прошлого, настоящего и будущего в цикле времен, и что этот меч – не меч уничтожения, а оружие защиты и символ правосудия.

Вдруг мое видение исчезло, я почувствовал чей-то взгляд и увидел только что вошедшую Тим Мил Ану, которая спешила сообщить что-то важное. Я тут же спросил, будто ждал ее появления:

– Что случилось, Ана? Ты встревожена.

– Да, есть немного. Я хочу сообщить, что Тхагуримаго пришел в себя и просит объяснить происходящее с ним и вокруг него.

– Вовремя пришел в себя и кстати, – сказал Залим-Гери Даур.

– Может, его возможности нам сейчас пригодятся, – поддержал его Алим Де Алоко и посмотрел на Тим Мил Ану, видимо, обращаясь к ней.

Тим Мил Ана, нахмурившись, обернулась к нему:

– Я думаю, это еще рано.

– Почему же? Сейчас, наверное, Харите тяжело, и она ждет какую-то помощь.

Я в душе тоже хотел оказать помощь Харите каким-то образом, пусть это будет Тхагуримаго, ЦИБ или какое-то чудо, но все это было иллюзорно, потому я сказал:

– Нельзя сейчас призвать Тхагуримаго в это дело. Во-первых, наш главврач сказала, что он еще не совсем восстановился, ему рано, во-вторых, его неожиданное вмешательство может перебить налаживание контакта. И, в-третьих, мы не знаем, как он поведет себя в экстремальной ситуации. Ведь его мозг, работая в паре с чипом как симбиоз, неизвестно как ощущает себя здесь, в этой многоликой и многоголосой природе, где нелегко, а порою и невозможно подслушать основные ритмы Вселенной и скрытую суть вещей. Земные эксперименты, проводимые учеными на околоземной орбите с вживленными в человеческий мозг чипами разного назначения, не были всесторонне изучены во временных интервалах и в разных средах обитания человека даже в ближнем космосе. А здесь, в далеком космосе, где природа имеет свои, не изученные еще нами законы и явления, как может повести себя Тхагуримаго и в какую сторону – добра и зла? Сможем ли мы сопровождать всплески его мозга, да еще усиленные действием чипа, силами нашего исследования и дистанционным контролем? С кем в унисон он может работать в этом чужом мире? Можем ли мы контролировать силу чужой власти и непредсказуемую волю, случись непредвиденное? И я отвечаю: у нас нет власти над неизвестностью. Поэтому мы сейчас не можем пойти на риск в такой

трудный и ответственный момент нашей экспедиции. А пока главврач Тим Мил Ана займет его другими восстановительными процедурами, которые помогут нам испытать его возможности на других направлениях.

– Командир, разрешите, – попросила слова Тим Мил Ана.

– Да, мы слушаем.

– Я хотела известить всех о том, что восстановление Тхагуримаго идет медленнее, чем было рассчитано по заранее составленной программе его реабилитации. В нем наблюдаются разнохарактерные несоответствия привычному реагированию, хотя реакции – в пределах ресурсов личности. Признаки неоднозначного реагирования на ситуации отсутствуют. На этом фоне существенно то, что интервалы вспышек зон памяти мозга стабильно постоянны, и величина яркости характеризует неуклонный рост укрепления психического состояния и просветления сознания, – доложила она.

Взглядом попросив моего разрешения задать вопрос, Диса Даха спросила:

– Наблюдается ли в нем иногда психомоторное возбуждение или вообще отсутствует таковое?

Диса Даха постоянно следила за реабилитацией Тхагуримаго, больше других интересуясь им как неблагонадежным экспериментом, не имея полной уверенности в постоянстве его поведения. У нее было любимое универсальное выражение: «Лучше не ошибиться два раза, чем непорочно ошибиться один раз».

На ее вопрос Тим Мил Ана ответила, тоже зная о ее отношении к Тхагуримаго:

– Такие реакции не наблюдаются. Видимо, на фоне восстановительного периода организма возвращаются его защитные свойства.

– Все это хорошо, – начал я задумчиво. Почему-то в последнее время задумчивость стала моей спутницей и старалась уводить меня от реальности. Но, преодолев ее тяготение, я продолжил: – Конечно, все это хорошо. Это то, что нам надо в рамках эксперимента в далеком космосе. Но я не могу допустить использования его в этом сеансе. Харита должна исполнить свою миссию, показать убедительно по ту сторону определенную норму поведения человека, поймут это они или нет, нашу развитость, наличие в нас общих поведенческих норм разумного существа и притом необособленного вида. Я уверен в том, что ее видят и слышат и все сопровождаемые ею мысли до них доходят. Но вопрос в том: выразительна ли она для них? Понимают ли они человеческое эмоциональное напряжение как выражение своих чувств, как характер, как волю? Понять все это – для нас сейчас самая большая проблема.

Рассказывая о происходящем в малом командирском зале, я ни на мгновение ни отпускал нить связи с ЦИБ, а через него – и с Харитой. Но пока она продолжает попытки налаживать связь с объектом, я должен

вас и дальше знакомить с Тхагуримаго, так как на меня была возложена еще на Земле вся забота о нем.

Земные ученые данного направления догадывались на своем чувственном уровне, что человек с инплантантом особого назначения в далеком космосе может повести себя неадекватно. Земной человек со своим несовершенством мышления по отношению к высшему разуму да и плюс еще к этому со вживленным в мозг инплантантом, имеющий возможность восприятия несметного количества информации, может не выдержать поток всевозможных физических полей и волн, разнородных и скрытых от нас явлений, локальных неоднородностей пространства, силы светлых и темных сущностей, могущих генерировать когерентные колебания, не присущие нашему мозгу. Каждый из них в мозгу может оставлять свой исчезающий след. В многомасштабной среде космоса все возможно. Кто знает, учитывая троичность сути человеческого сознания, что именно родственно этому пространству, этой области космоса: надсознание, сознание или подсознание? Как проследить суть их здесь? Поэтому, случись непредвиденное с Тхагуримаго, его поведенческий мотив было бы трудно распознать. Дело в том, что одни ученые полагали, будто чипизация людей принесет благо человечеству. А другие противостояли им, рисуя мрачную картину из всевозможных отклонений развития человека от родной природной сути самосовершенствования.

У тех и других не было окончательных доказательств своей правоты. И не могло быть – из-за недостаточной изученности поведения испытуемого как на Земле в разных экстремальных ситуациях, в ближнем космосе на продолжительный период, так и в далеком космосе. Результаты такого эксперимента требовали не только продолжительного времени, но и географического масштаба.

Полному пониманию этой идеи на земле мешало и то, что мало усилий и времени прилагалось к доскональному изучению возможности симбиоза мозга с инплантантами. Им предъявлялись большие требования приемо-передаточной функции и превращения организма человека в послушного исполнителя сигналов приказчика.

Те ученые, которые отстаивали направление чипизации людей как блага для человечества, не задумывались или же не принимали во внимание многие обстоятельства, которые встанут на пути осуществления их идеи. Задумывались ли они тогда, что значит слепое вмешательство в ход событий саморазвития и самосовершенствования человека в родной живой природе вопреки многим табу высших сил?

Видимо, они думали опередить само время со всеми его объективными формами материи, не думая о будущих последствиях, лишь бы «бежать вперед» сломя голову и опережая временную шкалу, данную самой природой на саморазвитие человеческого вида. Оттого и многие беды происходили на Земле.

Рассказывая о Тхагуримаго сейчас, мы тоже не знали, как он поведет себя здесь, уже выполняя работы, намеченные для него специально. Мы только потом столкнемся с печальными результатами эксперимента далеко от дома, когда он станет невольным проводником недоброжелательных сил, явлений, полей и волн самого страшного во всем этом сонмище – сущностей низшего плана бытия, носящихся везде по космосу в целях лазейки, чтобы подселиться к кому-то, к чему-то, проникнуть через посредника в более высокие энергетические сферы. А подселиться они могли лишь к тем сущностям, у которых частота колебаний, генерируемая мозгом, будет близка с их частотой колебаний. Поэтому мозг Тхагуримаго с его инплантантом оказался бы для них открытым каналом доступа.

Инплантанты – идеальная лазейка в мозг для разнообразных пороков и страстей, от энергетических чудовищ до простейших вампирических форм, и питающиеся чужой энергией могут посещать мозг везде и всюду в виде астральных, ментальных и витальных тел, некогда развоплощенных из разных видов разумных существ. Когда и кем были представители разнуровневых миров в их прежней жизни – непредставимо. Но существует, видимо, единый закон в природе: кто был в жизни злым, мстительным, алчным, жаждущим поглощать силы и энергии другого – останется таким же, пребывая в ином мире сущностью низшего плана бытия.

Эти всегда ищут лазейки в мозг для проникновения туда, чтобы захватить мысленесущие энергетические потенциалы, разблокировать их единство действия, затем пополнять свою энергетическую мощь за счет энергии донорского мозга и совершать злодеяния. А инплантант как творение человеческих рук не имеет природотворной естественной защиты, оберегающей от проникновения или же фильтрующей то, что переступает порог энергетических цепей мозга. Поэтому инплантант волей-неволей становится идеальной лазейкой, подготовленным каналом, «проходным двором» в мозг, внося туда свой порядок и свои требования.

Во все времена существовали сущности низших планов из околоземного пространства с низкой духовностью, не успевшие завершить при жизни свои темные дела в плотном теле. И они, уже находясь на ином плане бытия, стремятся мстить кому-то или чему-то за свою духовную отсталость в облике человека, за свое природное несовершенство ума и тела, и, подсеялись разными способами к человеку, стараются постепенно раскрыть свою сущность: подлость, алчность, властолюбие. Их цель – погрузить мир во мрак, превратить порядок в хаос, сделать насилие торжествующей вершиной. Такие силы не убивали и не убивают, а совершенствуются при определенных условиях – через своих жертв, «оберегая» их от отклонения высокой духовности, которая неминуемо рассеет невидимый образ тьмы.

В нашей родной природе все исключать невозможно – мир огромен и велик своей поступью, и населяющих его существ и сущностей на раз-

ных ступенях эволюционной спирали – тьма тьмушая. Их восхождение и падение подготавливаются всем космическим равновесием бытия, существующей Волей Великого Разума Мира.

Трудно отрицать, что упорядоченные энергетические цепи Вселенной не посещают нас, всех существ живой природы, всеми своими измерениями в разные цивилизационные планы и периоды.

Несмотря на долгое изнурительное напряжение силы воли, опустошающее всю энергетику тела, то напрягая усиленный поток мысли, вкладывая всю мощь, то ослабляя его, Харита создавала поле резонансной цепи, надеясь вызвать ответный импульс. Все было тщетно. Но она даже не думала отделиться от объекта, ослабить напряжение, чтобы не нарушить спокойный и дружелюбный тон посылаемой мысли. Даже наоборот, помыслы становились чище, а намерения ярче. Мы все вместе с ЦИБом ждали в оцепенении, что будет дальше. Это было такое состояние, когда нет больше сил ждать и в то же время ты абсолютно беспомощен и не можешь оказать хотя бы малую помощь тому, о ком переживаешь.

Я не смог более удержаться и обратился к ЦИБу:

– Ну что молчишь, Дружище? Как она там, что происходит?

– Понимания друг друга не наблюдается. Харита не сбрасывает напряжение, чтобы не прервать сеанс.

– Сможешь ли ты вмешаться, чтобы хоть как-то помочь ей?

– Нет, командир. Она в трансе. Ее строго фиксированный самоконтроль и непрерывное напряжение по сохранению ритма сеанса может разрушить мое вмешательство и причинить ей психический надлом, переходящий в телесное страдание.

– Из этого следует что?

– А то, командир, что объект непроницаем.

– Да, Дружище, ты прав. Притом объект высокой степени непроницаемости. Структура любой материи, имитирующая определенные особенности, не должна уступать ей по внутренней сложности.

– Это так, командир. Так оно и есть. Ваша версия, хотя это не версия, а, скорее всего, вывод, имеет под собой основание, так как его непроницаемость должна быть охранена как некая тайна, куда допуск закрыт. А значит – там скрывается нечто от чужих.

– А вокруг него наблюдается что-либо или пространство пусто?

– И вокруг него пустота, будто он замкнут в информационном вакууме.

– Мне не верится, что он является неприступной крепостью, куда невозможно проникнуть, хотя бы уловить его частоты соответствующих вероятностей. Значит, мы что-то недопонимаем.

– Я предполагаю с уверенностью на восемьдесят восемь процентов, что он – не мертвое тело, а упакованный в неизвестную нам энергетиче-

ческую среду зашифрованный конструкционный модуль, который обеспечивает целесообразное поведение, чье конкретное значение нам не удастся расшифровать.

– А среда, с которой он взаимодействует, характеризует его поведение.

– Похоже, что так. Здесь не наблюдается существования моих законов, по которым я взаимодействую с окружающим миром. Та истина, что во мне, не совпадает с комбинаторной конфигурацией состояния определенного объема пространства, в котором мы находимся или которое нас окружает.

– Видимо, Дружище, универсальной конструкции истины не существует. Возможно, она матрична. Одна истина спрятана в другой бесконечной вереницей до самой истины бытия, где она сама мотивируется абсолютностью. Но это наши домыслы, Дружище.

Вдруг голос ЦИБа мгновенно переменялся и прозвучал не свойственным ему тоном:

– Командир! Харита посылает мне мысленное обращение, докладывая ситуацию.

– Выводи, Дружище, ее сообщение в малый командирский зал, переводя на наш язык, – обрадованный известием, трепетно скомандовал я. Находящиеся со мной здесь члены Командирского Совета оживились и с нетерпением стали всматриваться куда-то вглубь тишины, будто оттуда сейчас прозвучит голос Хариты, и она появится, улыбаясь, довольная результатом своего эксперимента. И в этой полной надежды тишине зазвучал приглушенный голос Хариты с не характерной для нее тембровой окраской:

– Наладить связь с объектом не удастся. Между мной и объектом начинают сгущаться подобные теням многочисленные фрагменты, приобретающие многослойные клеточные структуры с многочисленными нитевидными фосфоресцирующими связями...

И вдруг неожиданно пропал ее голос. Я почему-то сразу подумал: то, что она нарисовала, похоже на мозг. Будто некая сила рисует в пространстве модель биологической структуры мозга примерно в том виде, как ее сформировала природа в нас. Может, это мыслящее пространство демонстрирует таким образом себя? Или показывает существование здесь мыслящих существ?

Но я беспокоился о внезапном исчезновении голоса Хариты.

– ЦИБ! Что с Харитой? Почему оборвался ее голос? – не выдержал я.

– С ней ничего не случилось. Она переключила свое мысленное внимание на трансбиопеленгацию единого энергетического поля в надежде найти там помощь. Но ее попыткам выйти на этот уровень мешают возникающие перед ней разрушающие дислокационные образы в виде прозрачных массивных крупы с высоким коэффициентом поглощения.

– ЦИБ! Направляй ей напрямую все мои мысленные команды.

– Делаю, командир!

– Харита, прошу, не молчи, говори, что видишь, что слышишь. Ведь ты можешь работать на прием и передачу мысли. Мы волнуемся, мы с тобой. Что бы ни случилось, постарайся не воздействовать агрессивной силой мысли на источник. ЦИБ! Тебе необходимо оказать всевозможную помощь по поддержанию ее энергетического поля, создавая вокруг нее мягкое дружелюбие, равновесие исходящих от нее амплитуд энергоинформационных пакетов.

– Понимаю, командир! Действую мягкими импульсами дружелюбия. – И ЦИБ обратился к Харите: – Харита, я с тобой, я тебя слышу. Нарисуй мне все, что ты видишь и чувствуешь. Я помогу тебе, только дай знать, где ты и что с тобой. – И ЦИБ замолчал в ожидании. Мы тоже стали прислушиваться к каждому шороху тишины, и вдруг вновь зазвучал тот же голос Хариты:

– На экране моего внутреннего зрения появились неизвестные мне конфигурации материи и картины излучения каких-то бегущих и стоячих волн спиралевидной формы. Не могу вычленить из их разнородных действий информацию. Длина бегущих волн бесконечна в узкой частотной полосе, а стоячие волны пронизывают все пространство вокруг корабля, пытаюсь проникнуть вовнутрь. Я их сдерживаю, но подстроиться под их ритм колебания не удается. – И ее голос снова пропал.

Мы это все слышали, волновались, переживали. И как только ее голос пропал, я подумал, анализируя ее слова: нас окружают какие-то неведомые силы и они настроены серьезно.

– ЦИБ! Что с Харитой?!

– Она своими мощными импульсами мысли продвигается через все это к объекту. Она внедряется в охранную среду объекта, но не может дальше проникнуть в саму материю. Многообразие частотной ниши объекта не дает считывать внутреннюю природу. Но она настойчива: движение ее мыслеформ, преодолевая напор сопротивляющихся защитных сил объекта, все больше активизирует свой потенциал. Но та же защитная среда структуры объекта не пропускает информонесущий энергопакет Хариты вовнутрь. Напротив, проявляет активное противодействие по его нейтрализации.

– А что Харита? – спросил с волнением у ЦИБа Тхаз Да Мир.

– Она напряженно вцепилась в объект и держит его в своих мысленных клещах, – ответил ЦИБ.

– А объект реагирует на это воздействие? – спросил я.

– Объект не проявляет заметных действий, но вокруг него пространство сгущается, образуя темные участки, имеющие комбинированную среду с синхронным излучением различных сфероподобных образований. Идет тенденция формирования структуры совмещением группы форм частиц и полей неизмеримо более высокой сложности по сравнению со

знакомыми нам аналогичными видами энергии в нашем астрофизическо-морфологическом ящике, – доложил ЦИБ, будто отрапортовал.

– Это эффект или явление? Можно определить свойства? – спросил я ЦИБ, но сам подумал: чудеса да парадоксы...

– Это не парадоксы, командир! – ответил ЦИБ на мысль, пробежавшую в моей голове. – А действия с намерениями. Сгущающееся воедино подобие сферы проявляет способность хаотично вибрировать и совершать колебания, находясь в состоянии столкновения с другой такой же сферой, образуя некую промежуточную фазу перехода от хаоса к строгому порядку.

– Это, Дружище, похоже на неупорядоченную структуру блуждающих квазиформ свободно мигрирующих пространств! – воскликнул я, будто услышал известие о появлении чуда из чудес. И подумал: воистину человек везде человек, и его удивлению нет границ.

– Оно, меняя свою форму, командир, проявляется в различных состояниях, отличающихся друг от друга по степени плотности. Все это происходит динамично, и исходящие из них различные явления и подобию превращаются в виртуальные частицы, образуя вокруг объекта взаимосвязанные овалы кольца, вытянутые большими осями в разные направления. Все это взаимодействие вращается в противоположные друг другу стороны, образуя в единстве сложную систему с одинаковым моментом движения.

– Не напоминает ли, Дружище, то, что ты рисуешь, свойства химического элемента в материальном мире, состоящего из ядра и электронов?

– Есть аналогия, если объект сравнить с ядром их центра.

– Пожалуй, Дружище, впечатление определенное.

Сидящие со мной в зале даже, можно сказать, не сидели, а от волнения не находили себе места, схватывая каждое слово нашего разговора с ЦИБом, так как в зале был установлен режим громкой связи.

– Командир! Может, это кодированная шифровка для нас? – вступила в наш диалог с ЦИБом Нурупх. – Может, этот некто проявляет символ какого-то общего составляющего в природе мира для всего сущего?

– Я присоединяюсь к идее Нурупх. Рисуемая ЦИБом картина и динамика похожи на прямое указание разумного проявления, – поддержал ее Уван Черный.

– Я согласен, какая интересная гипотеза или догадка, представляющая интерес для рассуждения!

– А ты что молчишь, Дружище? Скажи свое видение, может, это будет более существенно?

– У меня не складывается условное представление о природе этих явлений, как вы это делаете произвольно с характерной импровизацией предположительных переменностей.

– И ты прав, Дружище! Гипотетическое рассуждение сидит в нас крепко. Тебе, чтобы судить, необходимы сведения, ты должен получить представление о физических свойствах.

– Да. Природа моя такова: отождествлять и охарактеризовать, соблюдая главную последовательность без применения эпизодических впечатлений.

– Хорошо, Дружище, оставим пока наши характерные различия. Доложи, что происходит там по поступающей информации.

– Картина происходящего меняется незаметно для наблюдателя, и у меня нет его физического объяснения.

– А Харита что?

– Она держится цепко за объект, но противоборствующая сила нарастает, – ответил ЦИБ с тоном сожаления. – И я не могу помочь ей усилить или хотя бы поддержать напряжение.

– Ты ситуацию оцениваешь как критическую? Если да, то может ли такое нарастание противоборствующей силы быть началом каких-то конкретных действий со стороны объекта? Сможешь быстро ответить на это, чтобы нам не потерять время?

– Мое впечатление необъяснимо в связи с тем, что все это не укладывается в мою логическую концепцию. Но в действиях Хариты... – он замолчал и сразу же продолжил: – наступил переломный момент и... – он выкрикнул: – Она вошла в контакт с объектом!

– Дружище! – соскочил я с места. – Поддержи ее психоэмоциональное состояние, создавая вокруг нее новые очаговые зоны в ее полевой структуре. Направь все наши возможности туда для помощи и, возможно, ее спасения.

– Я предпринял все возможности, чтобы защитить ее от непредвиденных обстоятельств.

– Спасибо, Дружище! – не удержался я и поблагодарил его, будто это был человек.

Наступило тягостное молчание.

Все члены командирского совета от неожиданности будто онемели. Я как соскочил, так и остался стоять, всматриваясь в монитор в ожидании – даже не понимая сам чего. То ли я обрадовался этому долгожданному известию, то ли испугался, не помню это мгновение, но машинально нажал кнопку общей тревоги и отдал приказ:

– Всем членам Большого Совета и их подразделениям активизировать свое внимание ко всяким возможным неожиданностям и соблюдать спокойствие на корабле. Все приказы, исходящие от командира корабля, исполнять немедленно без обсуждения. ЦИБу неотлучно находиться рядом с Харитой и докладывать все происходящее в режиме взаимного общения. Нурупх контролировать психическое равновесие Хариты и диагностировать ее состояние через динамику поведения, докладывать постоянно мне и ЦИБу.

В это время вновь зазвучал голос ЦИБа:

– Внимание! Командиру! Недалеко от корабля стали появляться импульсы объединенных волн, подобные сверхбыстрым частицам. Наблюдается изменение их частоты с периодическим размыванием амплитуды.

– Можно ли определить степень их отношения к действиям Хариты? – спросил я.

– Нелинейная акустика регистрирует совокупность смешанных синусоидальных протомагнитных полей с различными частотами.

– Связана ли вся эта демонстрация многоуровневых сил с действиями Хариты? – переспросил я снова ЦИБ, неудовлетворенный его пространственным объяснением.

Мой недвусмысленный критический повтор вопроса прозвучал требовательно. И он, не ждавший от меня такого тона, на мгновение замолчал, но затем ответил удрученно:

– Думаю, да. Возможно она пробилась панцирь непроницаемости объекта, и в ответ регистрируется появление его загадочных импульсов с различными частотами всеволновых компонентов.

– Немедля и решительно сосредоточить все свое внимание на Харите и образовать прочное единство с ее полем действия непрерывного излучения информонесущих структур!

– Выполняется, командир. Командир... – повторил он в спешке, передавая что-то важное: – Начинается генерация различных групповых волн в виде амплитудно-модулированных потоков необычной формы. Излучение оставляет свой исчезающий след несинусоидальным гиперболическим проявлением.

– Характер проявления структур локальный, или...

– Локальная неоднородность перемещается в пространстве между объектом и кораблем, отделяя от себя другую такую же и, полагаю, двойственной природы.

– И что это значит? – спрашиваю я, и сам же мысленно себе отвечаю: «Проявление воли одним из тех, которых мы ищем».

– Командир! Речь, видимо, идет о биорезонансном эффекте передачи информации от одного объекта живой и неживой природы к другому, – вклинился в разговор Жан Ибн Арсени. – В большом космосе большие неожиданности. Мы сразу не сможем определенно оценить значимое влияние величины исходящих полей на действие Хариты. Может, они поняли друг друга?

– Если бы... Если бы мы могли распознать различные влияния всех этих полей и волн, и что там еще, как информонесущую связь...

Все члены Совета слушали меня внимательно, ожидая от меня чего-то спасительно неординарного, но не успел я закончить свою мысль, как ЦИБ заговорил взволнованным голосом:

– Нас окутывает интенсивный магнитоидный процесс из сложных синусоидальных составляющих с различными частотами и различными фазовыми скоростями с векторной направленностью, – доложил ЦИБ обеспокоенный, но не давая понять это своим голосом.

– Это что, угроза кораблю? – воскликнула Диса Даха, готовая ринуться на защиту.

– Источник этих различных частот – не сопровождающий нас объект, а нечто совсем другое. Они не несут угрозу нам. До меня доходит учащенная частота дыхания чего-то единого, целостного, изображенного подобно голограмме, картина многосложного волнового эффекта. Я это оцениваю как символ самой природы, означающий опасность.

– И это означает? – спросил я.

– Думаю, в сеанс вступило Единое поле мира, чтобы предупредить Хариту о чем-то. Она же пыталась войти в это измерение. Вот и думайте...

В это мгновение он прервал свое сообщение и закричал несвойственным ему голосом:

– Командир! Нашествие призрачных шаров! Они окутывают корабль... Харита уходит! Она втягивается в свой звездный экран! Что делать?! Не могу помешать ей! Игнорируются мои указания

– Куда уходит? – не понял я ЦИБ и взволнованно переспросил: – Как уходит? Куда уходит?

Все, кто это слышали, соскочили с мест. И вдруг мы все услышали истошные крики о помощи. Харита сопротивлялась какой-то схватившей ее невидимой силе. Муки и страдания в ее голосе ужаснули всех. Жалобные всхлипы сопровождались звуками, похожими на беспорядочные глухие удары кулачками. И я скомандовал ЦИБ:

– Схвати ее в свои биомагнитоидные капканы и держи! Не отпускай! Слышишь, хватай и не отпускай! – кричал я в замешательстве.

В зале тоже никто не знал, что делать, в суматохе одни что-то предлагали, другие – другое. Но я их не слышал, даже не различал в обуревавшем меня шокном состоянии. И все же, почти телесным ощущением, я уловил в этом непонятном гвалте голос Дисы Дахи, предлагавшей, даже требовавшей от меня отдать приказ обстрелять объект нейтронной пушкой. Все это происходило одно мгновение. Услышав слова Дисы Дахи, я оглянулся и резко поднял руки в знак всем замолчать. Все притихли, и я сказал:

– Нет! Ни в коем случае! Слышишь, Диса Даха, ни в коем случае. Не атаковать объект. Может, он этого и ждет. ЦИБ! – скомандовал я твердым и уверенным голосом: – Отключить звездный экран Хариты и экранировать ее помещение от всех видов проникновений энергетических и других всевозможных полей.

– Все сделано, командир! Я отключил все энергонесущие рабочие линии в кабинете Хариты.

– Хорошо, Дружище, – сказал я и сам понял, что вхожу в рабочее состояние после психологического шока. И добавил: – Закрывать временно, до моего особого распоряжения, и все остальные звездные экраны, кроме

тех, которые работают под моим личным секретным кодом. Но их тоже необходимо экранировать от внешних нефильтрованных полей и волн.

Теперь предстояло пройти в кабинет Хариты, и я потребовал пройти туда Тим Мил Ане, Нурупх, Тхаз Да Миру, Элен Жорж, Кондо Руслани и Алия Аскер Доду, а остальным оставаться на месте и ждать моих распоряжений.

– Командир! – зазвучал вновь голос ЦИБ. – Может, временно отключить и экранировать все другие звездные экраны, пока не разберемся со случившимся с Харитой?

– Хорошо. Делай! Все связи перевести на внутренние линии.

Мы зашли в рабочий кабинет Хариты, откуда она вела свой сеанс. Бездыханное тело лежало на рабочем пультовом столе, упершись головой со взлохмаченными волосами в экран. На лице – ярко выраженный глубокий отпечаток ужаса. Нижняя половина тела свисала со стола, доказывая, что ее тянула в экран некая сила. Казалось, ее ватное тело только что выпало из экрана.

Увидев такую ужасную картину, не удержавшись, зарыдали Нурупх, Алия Аскер Доду и Элен Жорж. Я хотел оглянуться, сказать, чтобы держали себя в руках, но не стал этого делать, подумав: «Женщина везде женщина, суть ее не меняется от обстоятельств и условий».

Мы бросились к Харите, подняли и уложили тело на диван, где Харита отдыхала порой от утомительных забот. Попытки Тим Мил Аны привести ее в чувство не дали результатов. Глаза ее были закрыты как-то напряженно, лицевые мышцы сжаты в конвульсии, а мимика выражала отпечаток неожиданного ужаса. Совсем недавно она стояла перед нами – такая волевая, красивая женщина, готовая на все... И вот перед нами ни живое ни мертвое опустошенное тело.

Нельзя было терять время. Пожурив плачущих подруг, Тим Мил Ана распорядилась перевезти ее в лечебный корпус. Сделав ей несколько распоряжений, я вернулся в зал командирского Совета, где ждали меня. Я вкратце обрисовал увиденное, затем дал команду ЦИБ, чтобы он восстановил картину произошедшего накануне в кабинете Хариты и вывел на наш внутренний экран.

Без утомительного ожидания монитор засветился, и показалась Харита, сидящая перед своим звездным экраном и напряженно устремленная куда-то в даль, в экран и через экран куда-то, где вдалеке виднелся невозмутимый объект.

Со стороны трудно было догадаться, что она сейчас ведет сеанс с этим объектом, мысленно и напряженно собрав всю силу воли, чтобы узнать о нем все возможное и передать наше послание. А для этого необходимо было проникнуть в энергоинформационный каркас, где таится его тайна тайн...

Мадина ХАКУАШЕВА

АДЫГСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

(о тенденциях русскоязычной адыгской литературы конца XX – начала XXI вв.)

В современных условиях глобального культурного трансфера невозможно избежать влияния общих тенденций даже в пределах устойчивой традиционной культуры, какой еще до недавнего времени принято было считать адыгскую (эндоэтноним), или черкесскую (экзоэтноним). Кроме собственно национального социокультурного влияния, современное художественное сознание адыгских авторов испытывает интенсивное воздействие других культурных моделей: русской, советской, западной, восточной. При этом каждая из них уже не существует в «чистом виде» и может быть названа так лишь весьма условно. На этом фоне закономерно усложнилась семантика художественных текстов современных адыгских авторов. Мыслеобразы зачастую пребывают не в одном, а в нескольких когнитивных полях, которые взаимно налагаются или противоречат друг другу.

Особенно важно влияние древнего, богатого мифофольклорного наследия черкесов. Фольклорные элементы и структуры, ассимилируясь, превращаются в литературные образы, мотивы, сюжеты, которые говорят не только языком символов, становятся структурообразующей, семиотической фигурой.

1980–1990-е годы явились переломным этапом. В это время кризисное художественное сознание в поисках утраченной целостной картины национального космоса усиливает связи с мифом, фольклором. Оно испытывает серьезные трансформации, приближаясь к основной характеристике мифологического мышления, – его креативности, способности к литературному мифотворчеству. Так возникает роман-миф в стихах «Мывэ лъэхъэнэ» («Каменный век») Хабаса Бештокова (1985). Вслед за этим формируется целое направление современной адыгской литературы – неомифологизм, которое вряд ли можно рассматривать как спонтанное самостоятельное явление, не связанное с закономерностями общемирового литературного процесса.

В 1851 году вышел роман-миф Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит», предвосхитивший целое направление в мировой литературе начала XX века, которое в течение 30–40 лет почти одновременно появилось в Европе, России, США, странах Латинской Америки. Достаточно упомянуть знаковые произведения этого жанра. «Процесс» Ф. Кафки был

написан в 1915 году и издан десять лет спустя, уже после смерти автора. С 1918-го по 1920 год в американском журнале «The Little Review» публиковался роман «Улисс» ирландского писателя Д. Джойса. С 1926-го по 1943 год издавался роман-тетралогия «Иосиф и его братья», в основу которого Т. Манном положен известный сюжет Ветхого Завета об Иосифе Прекрасном. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» был окончен в 1940-м, опубликован в 1966-м. В 1963 году в США вышел в свет роман Д. Апдайка «Кентавр»; в 1967-м – «Сто лет одиночества» колумбийского писателя Г. Г. Маркеса. Из произведений советского периода можно отметить повести-притчи Ч. Айтматова «Белый пароход» (1970), «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977), роман «Плаха» (1986) и др.

Этот процесс У. Б. Далгат обозначается как художественный мифологизм, рассматриваемый ею весьма широко: «Художественный мифологизм отмечался исследователями в «Фаусте» Гете и в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, оживлению мифов отдали дань и поэты-символисты. Андрей Белый и Вячеслав Иванов понимали миф как искусство слова. А. Белый считал, что «метафора включает потенцию мифа», что первоначальное слово «мифично».

В современной мировой литературе тоже наблюдается интенсивное реконструирование мифов в свободном переложении в так называемой литературе «фэнтези», использующей мифы в остросюжетной прозе и различного рода полумифических произведениях типа триллеров и т. п.» [6:127].

Тенденция неомифологизма в адыгской литературе связана с появлением целого ряда художественных произведений: романов «Каменный век» (1985) Хабаса Бештокова, «Сказание о Железном Волке» (1993) Юнуса Чуяко, «Всемирный потоп» (1994), «Ночь Кадар, или Который справа» (2009) Мухамеда Емкужа, «Вино мертвых» (2002) Нальбия Куека. К жанру повести-притчи относится «Черная гора» (1997), «Лес одиночества» (2011) Н. Куека, «Давай улетим на облаке» Юрия Шидова и др.

Новый литературный жанр привнес в творчество адыгских авторов сложные приемы организации художественного текста, такие, как аллюзия, интертекстуальность, реминисценция, код, символ, мифологема, архетип. Поэтика нового литературного мифа отличается не только усиленной онтологической рефлексией, но и выраженным мифофольклорным влиянием. Подобные особенности национальной литературы обусловлены не только художественным сознанием, но и авторским бессознательным, за которое, в первую очередь, отвечают мифологический и фольклорный элементы. Этой же особенностью можно объяснить преимущественно архетипический способ художественного мышления черкесов. Часть авторов художественных текстов отказывается от былых функций, столь актуальных для недавнего советского времени, – воспитательной, образовательной и т.п. Это связано с осознанием невоз-

возможности «объяснить» или даже художественно отразить «реальную действительность». Некоторые адыгские авторы тяготеют к фрагментарности сюжета, например, в упомянутых выше произведениях: романе «Вино мертвых» и повести «Черная гора» Н. Куека, что свидетельствует о влиянии постмодернизма на мироощущение автора. Главной задачей ряда современных произведений становится деконструкция как ответ на общенациональный кризис.

В историческом бессознательном адыгов золотой век связан преимущественно с эпохой нартов – аналогов атлантов: «тогда, когда все начиналось» и происходило первый раз, когда Бог создавал свои первые творения и не было еще грозного, всепожирающего дракона Хроноса. Именно он, согласно первобытному сознанию, искривляет божественные деяния и деформирует сущности. Поиск совершенного общественного устройства и образа гармоничной счастливой личности как совокупной точки опоры побуждал создавать величественные памятники устного народного творчества. Так в каждый исторический период создавалась своя утопия.

Однако в настоящее время отношение к «золотому веку нартов» не столь позитивно и однозначно. Так, литературный метод русскоязычного адыгского писателя Джамбулата Кошубаева связан с радикальным переосмыслением художественных особенностей и нравственных категорий Нартиады. Современный кризис национальной культуры получает закономерный резонанс в его творчестве. Эволюционный этап переосмысления, низвержения прежней, неоспоримой шкалы ценностей через смеховую стихию был замечательно объяснен М. Бахтиным: «Разрушение эпической дистанции и переход образа из далекого плана в зону контакта с незавершенным событием настоящего (следовательно, и будущего) приводит к коренным перестройкам образа человека в романе (а в последующем – и во всей литературе). И в этом процессе громадную роль сыграли фольклор, народно-смеховые истоки романа [3:422].

В романе Дж. Кошубаева «Абраг» литературные персонажи с именами своих мифологических прототипов помещаются в сюжетные рамки, соответствующие нартскому эпосу. «Проигрывая» литературный текст через мифологический сюжет, автор применяет к нему современную культурную парадигму, начиная с решения основного художественного конфликта, кончая авторскими комментариями. Поэтому у читателя остается ощущение, что перед ним – тот же старый миф, только «откорректированный» новым временем. Имена литературных персонажей служат знаками, которые позволяют соотносить опыт героев-современников с опытом «прошлых судеб» их мифологических матриц. В этом случае оказывается неминуем конфликт двух несовместимых нравственных систем – новой, неоднозначной, сложно-структурированной, и старой, более примитивной, но и более цельной, ставящей значительный акцент

на магическом. Автор придерживается определенной установки, которая исключает понятное дистанцирование от современной морали, тем самым он отказывается от обычного пафоса романтизации и героизации Нартского эпоса. Авторское отчуждение приобретает форму пародии, гротеска. Это вполне объяснимо, так как наложение современных нравственных установок на старый миф вызывает комический эффект.

Обращаясь к смеховой стихии – пародии, сатире, иронии, Дж. Кошубаев впервые применяет метод деконструкции, который разрушает структуру почти всех нравственных концептов адыгского мифа, приводя их к своей противоположности. Трансформируясь из фольклорного в литературный, адыгский миф в романе превращается из утопии в антиутопию. Писатель традиционен в использовании нартского героического эпоса как материала для романа, но с точки зрения метода он является постмодернистом. Роман «Абраг» относится к жанру романа-мифа, вместе с тем в истории адыгской литературы это первая пародийная антиутопия.

Повесть кабардинского писателя М. Емкужа «Всемирный потоп» соответствует определению повести-притчи, одновременно это и антиутопия. Появление жанра антиутопии кажется нам вполне закономерным в русле общего направления современной национальной литературы. Объективно существующая тенденция снижения реализуется за счет десакрализации, дегероизации, демифологизации (в творчестве Н. Куека, Ю. Чуяко, М. Емкужа, В. Мамишева), а также благодаря применению этих методов в пародийной и сатирической формах (роман «Абраг» Дж. Кошубаева). Кроме существенных трансформаций поэтики, это косвенно свидетельствует еще и о серьезных аксиологических сдвигах общественного сознания, которое впервые от идеализации «абсолютного эпического прошлого» и настоящего подошло к их критическому переосмыслению.

Кроме серьезной трансформации поэтики, формирования новых жанров, национальный кризис предопределил отчетливую тенденцию возвращения к народным корням, истокам. Одним из возможных объяснений причин кризиса явилась слабая совместимость традиционной культуры с методом соцреализма, – противоречие, которое проявилось особенно остро в последнее десятилетие существования советской эпохи. В связи с этим кажется актуальной проблематика круглого стола, прошедшего в рамках форума журнала «Вопросы литературы» (1989, № 10) «Национальные культуры и межнациональные отношения»: «Литература всегда национальна. То же самое и сегодня происходит с понятием «интернациональное» как категориальным или просто научным. Интернационализация культуры или литературы... содержательно отпускает от себя необходимость высокого развития данной культуры и литературы, а потому и национального сознания в целом. Думается, сегодня вместо лишнего

конструктивного смысла понятия интернационализации следует исповедовать идею консолидации культур, национальных литератур и национальных самосознаний... Если признать, что консолидация национальных культур и самосознаний предполагает их высшее развитие, то окажется, что именно развитие национального (а не какой-то искусственный выход за его пределы) есть единственный путь достижения общечеловеческих высот и содержание любой культуры и любого национального самосознания. К тому же само понятие консолидации (а не интернационализации) опирается на феномен культуры, а не сиюминутной политической конъюнктуры, – культуры самой по себе, культуры национального самосознания и, наконец, культуры диалога, общения народов» [7:20–21].

В соответствии с новыми принципами поэтики и жанровой системы расширяются требования к методологической базе научных исследований. Для цельного постижения композиционной структуры, жанровых особенностей современных произведений требуется соответствующая новая методология, которая призвана не только понимать, но и декодировать художественный текст. Чтобы в той или иной степени отразить состояние современного сознания и окружающей действительности, художнику требуется особый шифр – знак, а исследователю – понятийный терминологический аппарат.

Дефиниция «современная русскоязычная адыгская литература» сложилась во многом спонтанно, но оказалась наиболее приемлемой для обозначения данного направления. Для сравнения подобное определение оказалось оптимальным и для РЯОЛ – русскоязычной осетинской литературы. «Только такая формулировка уточняет ее специфику: русскоязычная осетинская литература – это результат определенного культурно-исторического синтеза... России и Кавказа, в известном смысле она возникает по поводу отношений Запада и Востока, Европы и Азии...» [12:4–5].

Тема «маленького» человека воплощалась в мировой и отечественной литературе на разных исторических этапах...

Образ героя-аутсайдера переместился и в адыгскую литературу. Им становится маргинал, житель российского региона в постсоветское время, который впервые начинает осознавать свою экзистенциальную и социальную роль или миссию, освобождается от навязанных идейно-политических и нравственных стереотипов. Таковы, например, герои повести «Всемирный потоп» кабардинского прозаика М. Емжуа. Ничем не примечательные, а порой странные люди со своими мелкими повседневными заботами при проекции на героическое прошлое оказываются архетипическими двойниками героев, духовных лидеров или пророков прошедших легендарных времен, но при этом они «дегероизированы» и деморализованы ущербной современностью.

На закате советской эпохи собственно адыгская литература все еще достаточно уверенно обозначала рамки национального литературного процесса, на фоне которого черкесская русскоязычная литература занимала маргинальное положение. Но в последующие годы мейнстрим смещается в сторону русскоязычной литературы. В настоящее время трудно найти автора, который наряду с родным языком не владел бы русским, поэтому национальная художественная литература ныне формируется на основе билингвизма. У адыгских авторов-билингвов, пишущих на родном языке, доминирующим (или языком мышления) оказывается один из адыгских диалектов; соответственно, у русскоязычных адыгских авторов ведущим является русский. При этом часть русскоязычных авторов родным языком владеет плохо или не владеет вовсе. Таким образом, билингвизм, типичный для современных адыгских авторов, отличается нестабильностью, ибо сопровождается заметной тенденцией к деградации и утрате родного языка. Таким образом, термин «билингвизм» мы употребляем условно, потому что «двужычие в его лингвистическом понимании требует свободного знания двух языков. Если же билингв владеет контактирующими языками не в одинаковой степени и дифференцированно пользуется ими в различных речевых ситуациях, то следует иметь в виду двужычие в социолингвистическом толковании» [14]. (Примером лингвистического билингвизма можно считать творчество Н. Куека, который писал на одном из диалектов западных адыгов и переводил свои произведения на русский.)

Автор-билингв пребывает в полифоничном многослойном языковом пространстве, различными способами синтезированном духовном мире. Именно на стыке разноязычных миров и культур, в самой нестабильной конфликтной зоне формируются порой наиболее интересные художественные произведения. К ним относится поэтическое наследие русскоязычной кабардинской поэтессы Инны Кашежевой, яркий поэтический мир которой удивительно органичен и вместе с тем трагически раздвоен.

Слияние двух и более культур становится повседневной современной приметой, что позволяет говорить об аккультурации как о знаковом, упрочившемся феномене: «Неслучайно сложилась точка зрения, что культура способна жить только на грани культур, в диалоге с ними, когда общение культур выступает как их взаимное порождение [Бахтин, Библер, Бубер, Сорокин]. При этом происходит не только передача-прием сформированных смыслов, но и совместное смыслообразование, то есть то, что Р. Барт называл «текстом культуры», Ю. Кристева – «интертекстуальностью», а Ж. Женетт – «палимпсестом» (в значении: текст, пишущийся поверх иных текстов)» [8:16].

Следует различать понятие общего и художественного билингвизма. Очевидно, билингвизм национальной литературы, как и феномен на-

ционального писателя-билингва, может возникать только «при контактировании языков, которому предшествуют социально-экономическое общение и длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках», и если «билингвизм – это результат межцивилизационного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации совершенно иной или родственной языковой культуры...» [2:31], то «феномен художественного билингвизма проявляется прежде всего в том, что на основе взаимодействия двух языков и культур создается оригинальное творчество» [11: 31].

Примерно ту же идею формулирует Б. Дадье: «Двужычный писатель не прибегает к переводу: язык произведения рождается где-то в глубине его сознания. Он... представляет собой как бы точку, где в результате слияния двух потоков рождается нечто новое... Это ставит его в известной мере в положение вне избранного языка, позволяет ему увидеть этот язык новым, сторонним взглядом... Многоязычие... служит... делу распространения человеческой мысли, делу взаимопонимания и солидарности» [5:248].

Сложный процесс транслингвизма (художественного билингвизма) конкретизируется в работе Л. А. Каракуц-Бородиной: «Транслингв сталкивает в своих произведениях единицы разных языков, и новые единицы (транслингвемы) органично инкорпорируются в систему идиостиля, в то время как иноязычные элементы в текстах писателей-монолингвов всегда остаются инородными. Транслингвемы имеют особую природу: они являются отражением бикультурного видения мира и проявлением бессознательного начала... служат конструированию новой реальности» [15].

Современный транслингвизм формирует новую, более важную особенность современного художественного сознания, так называемое «бинокулярное» зрение, позволяющее оценивать и воплощать художественный взгляд как *изнутри*, так и *извне* национального космоса. К данной ситуации применим тезис А. Д. Тойнби о том, что «национальные истории неумопостигаемы в пределах собственного пространства и времени» [10:98]. Художественный билингвизм современных адыгских писателей, основывающийся на нескольких культурных моделях или кодах, включает в качестве источника доминирующего художественного влияния, в том числе произведения мировой литературы, что обуславливает наличие интертекста, и побуждает исследователей апеллировать ко множеству соответствующих источников.

Идею необходимости различий как прецедента, генерирующего как когнитивный, так и сугубо индивидуальный процесс художественного сознания, подчеркивает А. М. Гутов: «Различия заложены... для познания неведомого, отличного от того, что знакомо и понятно. Значит, жизнь, многообразие ее проявлений и само познание взаимообусловлены. Не

знать друг друга и не быть познаваемым – это то же, что не существовать, а для знания важно иметь различия» [4:62–63].

В КБР преобладание русскоязычной художественной литературы над адыгоязычной в первую очередь связано с кризисом национальных языков, который обозначился в 1960-е годы после языковой реформы, когда Н. Хрущевым был подписан закон по реформированию программы обучения родным языкам. В то время никто не выдвигал альтернативного щадящего метода обучения русскому языку. По сути, это была принудительная реформа, связанная с переходом обучения детей начальных школ республик Северного Кавказа на русский язык, которого они почти не знали. С тех пор учащиеся полвека изучают родные языки как предмет, вместо того, чтобы изучать школьные предметы на родных языках хотя бы до 5-го класса, как было прежде. В итоге выросло несколько поколений кабардинцев и балкарцев, не знающих своего языка. Порочная языковая реформа привела к деструктивным изменениям национальных языков в Кабардино-Балкарии и шире – северокавказском регионе. Эта ситуация сказалась на состоянии литературного языка – кабардинского, который имел заметное преимущество в сравнении с другими адыгскими диалектами.

Стагнация литературного языка повлияла на состояние художественной литературы. Так, в 2014 году в Союзе писателей КБР не было зарегистрировано ни одного нового прозаика, пишущего на родном языке, самым молодым оказался 40-летний поэт. По представлению ведущих кавказоведов, при сложившемся положении существование кабардинского языка продлится не более 30–50 лет. Общая тревожная картина подтверждается данными ЮНЕСКО, которая причисляет северокавказские языки к умирающим. Кризис национальных языков – один из самых важных факторов, влияющих на изменение литературного процесса, однако он далеко не исчерпывает и не объясняет всю ситуацию в целом. Тенденция усиленного развития русскоязычной литературы закономерно обострила проблему ее идентичности.

Русскоязычные адыгские авторы оказались в состоянии неопределенности: специалисты-кавказоведы причисляют их произведения к русской литературе, остальные российские литературоведы – преимущественно к адыгской. На этом фоне проблема самоидентичности, как правило, не вызывает особых затруднений – почти все адыгские писатели позиционируют себя как национальные. Некоторое распространение получила идентификация художественных произведений по языковому принципу, однако пока еще не существует сколько-нибудь разработанной концепции, учитывающей целый комплекс необходимых критериев. Однозначное отнесение любого русскоязычного литературного произведения адыгских и других иноязычных авторов к русской литературе вызывает серьезные сомнения не только с точки зрения очевидной утраты прин-

ципа целостного подхода. Последний включает, в частности, критерии тематической специфики, авторского архетипического бессознательного, тесно связанного с непосредственным влиянием национального мифо-фольклорного компонента.

Идентичность с позиций языковой принадлежности, кроме прочего, включает в себе некоторые противоречия. Так, среди всех адыгских литературоведов давно установился полный консенсус по поводу определения русскоязычных адыгских просветителей как адыгских писателей. К ним относятся просветители первой волны, среди них автор «Черкесских преданий» С. Хан-Гирей. На русском языке написаны другие художественные произведения, такие, как «Долина Ажитугай», «Персидский анекдот» С. Казы-Гирея, о которых восторженно отозвался Пушкин, когда в 1836 году опубликовал их в «Современнике». К русскоязычным адыгским просветителям относится Шора Ногмов, автор первой историографической версии «История адыгейского народа». Эти просветители, получившие прекрасное образование в Петербурге, были офицерами кавказского горского полуэскадрона при Николае I. Из выпускников широко известной в свое время Ставропольской гимназии, свободно владевших литературным русским языком, вышли писатель, публицист, главный редактор региональной газеты «Терские ведомости» Адиль-Гирей Кешев, писатель, публицист, лингвист Кази Атажукин; Крым-Гирей (Инатов), проживавший в Екатеринодаре (ныне Краснодаре), писал художественные произведения на русском. Кажется вполне очевидным, что адыгская русскоязычная литература ныне выступает преемницей давней традиции, сформированной еще адыгским просветительством. Тогда что мешает относить к адыгской литературе современных русскоязычных авторов, представляющих разные адыгские субэтноты?

Определение идентичности художественных произведений с точки зрения языковой соотнесенности раскрывает другое противоречие. Художественные переводы на русский язык, как известно, являются аналогами оригиналов и причисляются к той же национальной литературе, которой принадлежит сам оригинал. Следуя же логике языковой идентичности, русские переводы должны относиться к русской литературе (тогда как оригиналы – к соответствующей национальной).

На одной из переделкинских встреч, организованной журналом «Дружба народов» в 2007 году, при обсуждении проблемы идентичности художественных произведений от участника форума И. Абузярова прозвучало предложение исходить из авторского принципа самоидентификации, а после смерти писателя руководствоваться объективными особенностями его творчества [9]. Возможно, в решении этой проблемы требуется учитывать всю совокупность объективных и субъективных факторов.

Современная русскоязычная адыгская литература представляет собой сложный, неоднородный феномен, в котором сосуществуют произведения с ярко выраженным национальным компонентом и те, которые смело могут быть отнесены к произведениям постсоветской российской литературы без заметной национальной манифестации. Например, роман М. Емкужа «Ночь Кадар, или Который справа» подчинен сугубо адыгской тематике, в ее основе – типичные мифофольклорные мотивы. Художественные произведения Вл. Мамишева, А. Макоева принадлежат адыгской литературе лишь с учетом сюжетных деталей, реминисценций, следов. С таким же успехом можно говорить об условно национальном характере ряда других художественных произведений северокавказских литератур, в частности повести «Синь» современного осетинского прозаика Д. Бугулова. Главный герой вспоминает о «зеленом городе», в котором лишь некоторые посвященные могут распознать Владикавказ. Этничность русскоязычной литературы Северного Кавказа варьируется в широком диапазоне – от ярко выраженной до латентной, почти неприметной. Но при этом «русскоязычная проза северокавказских писателей... представляет собой исключительный акт поликультурной коммуникации, вбирающий этнокогнитивный характер северокавказской культуры, выраженный с помощью интертекстуальных знаков и приемов... формирующий современную языковую картину мира» [8:88–90].

Критерий этничности является лишь особым маркером, адресом, свидетельствующим о специфике национальной культурной почвы, особой укорененности в ней, истоках происхождения того или иного художественного произведения.

Вместе с тем, проблема национального находится на самом начальном этапе научного осмысления, включая метафизическое. Национальное, согласно концепции представителей немецкой классической философии, оказывается одной из фундаментальных онтологических категорий, тесно связанной с другой универсальной, ключевой, – *свободой*. С точки зрения концепции Гегеля, «история, включающая все стороны человеческой культуры, служит познанию Богом самого себя. Изучение прошлого приобретало в этой связи особую значимость для людей. Понятие духа включало в себя три составляющие: общее, единичное и особенное. Общим был сам Божественный дух. Под единичным понималось его воплощение в отдельном человеке; особенным подразумевался дух отдельного народа. *Именно народ рассматривался как герой всемирной истории.* В разные периоды, по мнению Гегеля, на первый план выходили те или иные народы с собственной миссией, раскрывшейся в определенное время.

Согласно взглядам немецкого философа, историю творили не герои, не великие личности: правители не изменяли произвольно ход истории.

Она, история, подчинялась не зависевшей от отдельной воли объективной закономерности, которую можно было достигнуть рационально. *В истории народов такой внутренней закономерностью был, по мнению Гегеля, прогресс в осознании свободы (курсив мой. – М. Х.).*

Поступки, добрые или злые, обусловлены проявлением свободы. Но свобода не дается, как утверждает французское Просвещение. По Гегелю, свобода приобретается через воспитание и дисциплинирующее знание. И в этом смысле свобода не обязанность, а определенная «дисциплинарная матрица», предполагающая определенную меру ответственности. Это еще одно косвенное свидетельство веры Гегеля в победу добра и шествия истории как саморазвития Мирового разума» [16].

Таким образом, национальное, по Гегелю, – это своеобразная форма (возможность) обретения свободы. Именно эта идея, преломленная в художественном дискурсе, перманентно актуализирует национальное, в первую очередь как способ освобождения, представленного в самом широком диапазоне – от национально-освободительной борьбы до индивидуальных интенций, способствующих духовной эволюции личности как пути к достижению экзистенциальной свободы.

Одной из актуальных проблем национальных литератур Северного Кавказа, в том числе адыгской, остается проблема художественного перевода. Советская переводческая школа перестала существовать после 1990-х годов. Но, несмотря на общий высокий уровень переводной литературы, даже лучшие ее образцы грешили этнографическими, точнее, психоэтнографическими несоответствиями, очевидными лишь для носителей аутентичных культур. Поэтому насущным становится вопрос обучения переводчиков из национальной среды. Решение этого вопроса возможно только на общероссийском уровне, например, путем выделения целевых мест на переводческом отделении Литературного института им. А. М. Горького.

В системе важнейших координат художественных произведений современной адыгской литературы можно определить новое, чаще глубоко драматическое видение исторического прошлого и будущего своего народа, роли личности в новом мире. Появляется и актуализируется новая шкала этических и эстетических ценностей, значительно усиливается постмодернистская чувствительность и экзистенциальное восприятие, которые инициируют темы абсурда, неприкаянности и одиночества, ощущения расколотого времени, пространства, общей мировой дисгармонии, усиление апокалипсических мотивов. Для отражения насыщенной картины изменившегося мира и художественного сознания современные писатели вынуждены находить иные, значительно более сложные формы художественного дискурса, который унифицируется с мировыми тенденциями и приобретает черты, свойственные произведениям современной мировой литературы. Это доказывает универсальный

принцип развития национальных литератур, в частности, доминирование мифопоэтики. Такие общие типологические схождения кажутся отнюдь не случайными: в них проявляются некие общие универсальные закономерности мирового литературного процесса.

В рамках обширной жанровой системы роман остается наиболее чутким синтезатором, способным отразить семантический диапазон художественного национального сознания, поэтому вряд ли приходится говорить о «кризисе больших нарративов» в поле современной русскоязычной адыгской литературы. По словам Т. С. Элиота, роман всегда был «выражением века, не утратившего еще собственных форм настолько, чтобы появилась нужда вводить его в какие-либо рамки» [13:57].

Большой нарратив был и остается «эстетической реальностью», творимой художником. «Роман не просто сложившаяся, на века установившаяся форма, так как его жанровая «канонизация» действительно означала бы его конец... В первую очередь жизнеспособность романа связывается с его постоянной возможностью и способностью к обновлению литературной формы и языка романной прозы... Со временем возникло представление о том, что понятие жизненной правды шире, чем реализм, и многие другие методы: романтизм, натурализм, наконец, модернизм, – каждый по-своему раскрывает различные стороны действительности, многообразной и не до конца познанной. Теория реалистического романа подвижна, как и богатейшая практика не отстающего от развития мира и человека искусства слова, она развивается, обогащается, разрушая догмы дефиниций и узость критериев, и приобретает... разнообразные, порой уникальные формы» [1:57–58].

Несомненно и то, что унификация литературного процесса осуществляется посредством русского и английского языков, открывающих доступ к глобальному информационному пространству. Русскоязычная адыгская литература, интегрировавшая элементы художественных методов мировой литературы, достигает нового уровня в средствах выражения национального образа мира и сознания. Однако эта ситуация представляется нам относительно нестабильной, и в условиях постепенного нивелирования родного литературного языка кажется неизбежной утрата национального художественного своеобразия, если только не будет предпринята серьезная попытка к реформированию национальных языков на государственном уровне.

Бурхан БЕРБЕРОВ

Бурхан Абуясуфович Берберов родился 8 мая 1961 года в селении Терезе Малокарачаевского района Карачаево-Черкесии.

В 1978 году окончил терезинскую среднюю школу. После службы в рядах Советской Армии в 1981 году поступил на режиссерское отделение музыкального училища (город Черкесск), которое успешно окончил. Позднее окончил ГИТИС (1988), Литературный институт им. А. М. Горького (1992) и специальный факультет Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова (1993). Участник IX совещания молодых писателей СССР (Москва, 1989). Работал учителем в средней школе, корреспондентом республиканской газеты «Заман», преподавал историю балкарской литературы и фольклора в Кабардино-Балкарском государственном университете.

Зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ИГИ КБНЦ РАН, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук. Член Союза журналистов РФ, член Союза писателей РФ.

ЗАПЕЛЁНУТЫЕ ЯЙЦА

Рассказ

Над городом в глубоком осеннем небе плещется круглолицая луна. От её движений повсюду расходится золотая рябь. Золото влажно мерцает на крышах домов, золотом застеклены окна верхних этажей. Лунный свет, пробившись сквозь густую крону ореха, скользнул в оконный проем и оказался в комнате Айки. Выхватил из темноты очертания стола, кровати и стал подбираться к лицу девушки.

«Правду говорит моя бабушка, – подумала Айка, – в лунную ночь сон бежит прочь». Вздохнула, подошла к окну и распахнула его настежь. Безмолвный ночной мир, звезды, луна – на расстоянии вытянутой руки. В осеннем воздухе смешались запахи дыни и поздних цветов, растущих где-то внизу, в небольшом палисаднике.

Луна, которая с тем же бесстрашием смотрела на лица людей, обращенные к ней и сто, и тысячу лет назад, была так близко, что девушке показалось – она слышит ее тревожные мысли: «Что знаешь ты, луна, о моей жизни? Что я могу рассказать, встретившись с тобой лицом к

лицу? Ты переживаешь одиночество на небе, я – на земле. Ты знаешь, где мой Омар? Когда вернется? Прошу тебя, не разлучай меня с Омаром, он для меня – как свет восходящего солнца. Неужели тебе нет никакого дела до меня?.. А может, тебя утомили просьбы людей, таких же потерянных между голубым небом и зеленой землей? Ты молчишь, как будто в сговоре с этой тихой ночью. Почему мир такой молчаливый и скрытный, почему ты отводишь взгляд? Такое же лицо, наверное, у моей мамы. Вот бы знать, какой она была... ах, если бы я её знала... Почему в этом мире кто-то купается в счастье, а кого-то оно обходит стороной? „Сколько звезд на небе, столько и страданий на земле“, – говорит моя бабушка. Почему на сердце навалилась тяжесть, как камень, не сдвинуть? И воздуха не хватает, хоть и открыто окно. Не закрывали бы тучи луну... Вернулся бы ко мне Омар живым и здоровым...»

Должно быть, что-то сдвинулось в мире – порыв ветра качнул крону ореха, вершиной упирившегося в небо, и сверху стали падать листья, рассекая тишину. «Это не листья падают, это частички моей жизни, увядшей от холодного дыхания осени. Один... два... три... – считала Айка листья, не видя их, но угадывая на слух. – Осень – пора отчаяния. Есть ли сила, способная удержать эти листья на дереве. Есть ли бессмертие? Жизнь проходит мимо, и что же мне делать? Куда бежать? Да куда тут сбежишь... Что за странные мысли? Не надо мне никуда бежать. Боже, огради мою голову от подобных желаний! Если такая мысль поселится в сердце – от нее уже не избавиться. Вслед за осенью придут холода, зимние холода...»

Кыш-куш, зима, орел... Бедная бабушка, она так беспокоилась за своих цыплят, когда они забредали в огород, а в небе появлялась хищная птица – орел, ворона или проворная сорока. Хватала что под руку подвернется и грозила пернатым хищникам: «У, ненасытные, прочь от моих цыплят!». Вместе с бабушкой караульную службы несла и курица-несушка. В чем-то они были похожи, беспокойные и не желающие смириться с налетами этих разбойников. «Золотая моя курочка, гроза орлов», – хвалила наседку бабушка. Чем она, бедная, сейчас занимается? Когда я уехала в город учиться, сколько раз ее гостинцы – свежие куриные яйца – были щедрой прибавкой к небогатому студенческому столу. Я не одна их ела, конечно, – с друзьями и подругами. Всякий раз, когда приезжала домой, бабушка первым делом доставала старинное медное ведро и наполняла его яйцами. «Это – чтобы не разбились», – приговаривала, аккуратно заворачивая каждое яйцо в бумагу. Как она умела любить, приласкать, как баловала. Находила самые нежные слова. Какие у неё чуткие руки, каждое яйцо в этих руках, наверное, чувствовало себя драгоценностью. Как ловко и умело она управлялась с любой домашней работой. Это я, неловкая, однажды зазевалась и уронила на землю полное ведро с яйцами. Человеческая жизнь, наверное, такая же хрупкая... Бабушка забывала обо всем на свете, когда, выходя во двор, я звала ее:

«Аммака¹, аммака!». Бросалась ко мне с радостным криком: «Луна моя, родившись, идет ко мне! Солнце мое, улыбаясь, светит мне!» – и крепко обнимала. А когда я собиралась в дорогу, напутствовала: «Девочка моя, да умру я раньше тебя. Учись хорошо, без ученья теперь никуда. Возьми с собой эти яйца, отборные, одно к одному. Денег у меня нет, ты знаешь, да и в город мне ехать не под силу, чтобы продать их. А ты поешь, или обменяешь на что-нибудь, или продай. Главное, чтобы не испортились. К следующему приезду снова насобираю. Ты мне только привези из города бумаги, старых тетрадок каких-нибудь, а то моя уже вся закончилась...»

Я, хоть и стеснялась ехать в город с полным ведром в руках, старалась не огорчать сердце аммаки. И угощение её, конечно, не пропадало. Мои однокурсники, привыкнув к такой «гуманитарной помощи», и провожали меня дружно в такие поездки, и не без интереса поджидали назад. Я никогда не жадничала, угощала и от души желала, чтобы на пользу шло, на здоровье. Они тоже делились со мной, как говорится, кто чем богат. Омар, возвращаясь из поездок к родителям, привозил сушеное мясо. У Мариам всегда и для всех была картошка. Маслом же, сыром и айраном обычно угощала нас Аминат... Да разве все перечислишь...»

Однажды Айке действительно пришлось продавать яйца. У них с бабушкой в доме не осталось ни копейки, и тогда, думая, как бы немного заработать, Айка вспомнила, что яйца тоже ходовой товар. Первым утренним рейсом с полным ведром в руках приехала из села, устроилась на городском базаре, выбрав место подальше от центральных рядов, чтобы случайно не попасться на глаза знакомым. Села и в который раз удивилась бабушкиным умелым рукам: каждое яйцо в ведре было завернуто в бумагу, и так заботливо, словно это была хрустальная посуда. «Хорошо бы продать поскорей, – думала Айка, освобождая яйца от бумаги и выкладывая их перед собой на деревянный прилавок. – Лишь бы не встретить знакомых...» Она даже старательно повторила несколько «молитв для торговли», услышанных когда-то от бабушки. Ей было неловко, она боялась поднять взгляд и была готова отдать первому же покупателю весь товар, за любую цену, вместе с ведром.

Долго никто не подходил, и она уже понемногу стала осваиваться в этом месте, разглядывала людей, подходивших к другим продавцам, прислушивалась к их разговорам, старалась понять – у кого дело идет лучше и каким образом это происходит.

– Почем десяток, девочка, которая торгует яйцами? – неожиданно и поэтому резко прозвучал мужской голос. Она вздрогнула и поспешно обернулась, чтобы назвать цену... Омар! Её однокурсник Омар. Это он

¹ *Аммака* – ласковое обращение, означает – бабушка (*карач.-балк.*).

пришел спозаранок на базар и теперь стоял перед ней с таким видом, словно собирался забрать ее душу. Его глаза цвета черной смородины насмешливо поблескивали. Девушка не знала, куда деваться от смущения. Забыв про яйца, забыв обо всем, она вдруг бросилась бежать, пытаясь затеряться в толпе, которая в этот час заметно прибавилась. Люди сновали взад-вперед, громко переговаривались, толкались, не обижаясь друг на друга, и никому до нее не было никакого дела. Она приостановилась – перевести дух и поправить волосы, выбившиеся из-под косынки.

– Вот так-то лучше, – снова настиг её знакомый голос. – Остановись, наконец, Айка. Я сегодня в новых туфлях, если ты не заметила, и мне в них за тобой не угнаться – жмут, как волчий капкан. Ну что ты, в самом деле, как ребенок. Да и ведро с яйцами бросила очень неосмотрительно...

Услышав об этих злосчастных яйцах, она снова вспыхнула и устремилась было дальше. Но крепкая рука Омара уже легла на ее плечо, лишая возможности бежать. Как он успел за ней? И, главное, ведро не забыл прихватить с собой. Айка всхлипнула.

– Не нужны они мне. Видеть не хочу эти яйца! Бабушка попросила продать... их слишком много, портятся. Она даже кур ими кормит... – слезы текли по ее щекам.

– Стоило из-за этого плакать. Ты действительно боишься, что они испортятся?

Айка не знала, что ответить, как унять слезы. «Если узнают наши однокурсники, будут дразнить, придумают какое-нибудь дурацкое прозвище, – думала девушка в отчаянии, – и рты им не закроешь, и как мне с ними дальше учиться?..»

Омар молча увлек ее назад, направляясь к свободному прилавку в ближайшем к ним ряду. Усадил на скамью, затем деловито разложил товар. Она испуганно смотрела на однокурсника, а он, словно всю жизнь только тем и занимался, начал выкрикивать, на зависть любому базарному зазывале:

– Яйца! Яйца! Свежие яйца, только что из-под несушки! Экологически чистый продукт! Цена договорная!

К прилавку, улыбаясь, подошла женщина с большой хозяйственной сумкой.

– Сынок, мне бы десяток...

Омар обернулся к Айке.

– А, кстати, сколько их у тебя всего?

– Сотня, наверное, – нерешительно ответила она, все еще не принимая его новой роли. Она не могла и представить, что из этой затеи что-нибудь получится, казалось – это игра, которая может закончиться не очень весело.

– Сто штук? Ну, значит, жизнь удалась! – воскликнул Омар и, не меняя тона, но уже обращаясь к покупательнице, продолжал:

– Знаете, я не умею мелочиться. И родители меня учили по-другому. Что нам с вами считать на десятки: есть сто – вот и забирайте все разом!

Женщине, в отличие от Айки, эта игра понравилась. Шутливый и доброжелательный тон продавца, его белозубая улыбка располагали к общению, да и поговорить она была не прочь, тем более – с таким симпатичным парнем, который изо всех сил старался, как она поняла, чтобы поднять своей девушке настроение.

– Все сотню, говоришь? Нет, сто, пожалуй, будет многовато. Я ведь одна сейчас в доме. Сын с невесткой на курорт уехали, где-то на берегу Черного моря...

– Счастливые. А я даже и не знаю, в какой стороне это море находится – заработался совсем. Ну, нет – так нет, базарный день только начинается, – Омар незаметно подмигнул Айке. – Будут и другие покупатели... Яйца домашние, отборные, подходите, не стесняйтесь...

В глазах девушки отчаяние и испуг сменились радостным удивлением. Она во всем готова была соглашаться с этой женщиной, которая хвалила и Омара – за обхождение, и его родителей – за то, что воспитали такого молодца, и во всеуслышание заявила, что – будь у нее дочь на выданье – лучшего жениха, чем Омар, для нее бы не пожелала. Привлеченные этим разговором, шутками, веселым смехом, подходили другие люди, приценивались, покупали, а девушка смотрела на своего однокурсника с нескрываемым интересом. Кто бы мог подумать, что у Омара и в торговле такая легкая рука. И с людьми он знает, как разговаривать – к каждому мгновенно находит особый подход. И, действительно, он такой симпатичный... Айка снова покраснела, кажется, он ей нравился... очень нравился.

Омар тем временем едва успевал доставать из ведра яйца, вручать их покупателям и считать вырученные деньги. Когда последний десяток оказался в сумке очередной домохозяйки, он сложил купюры аккуратной стопкой и протянул Айке.

– Если снова понадобится хороший коммерсант, – он победно улыбался, – обращайся!

– Да, после такой распродажи я уже ничему не удивлюсь. Спасибо тебе, даже не знаю, как бы я справилась со всем этим. – Она потянулась за счастливым бабушкиным ведром, но Омар придержал его в своих руках.

– А вот вернуть тебе пустое ведро я не могу, извини. У нас так не принято, ты и сама должна знать.

– Но если я вернусь без ведра, бабушка меня и на порог не пустит...

– Передавай от меня бабушке привет. А ведро я пришлю вам не раньше, чем наполню его еще чем-нибудь. Договорились?

В ряду, где торговали медом, он отыскал знакомого пасечника, поговорил с ним о чем-то вполголоса, и тот клятвенно пообещал, что на

обратном пути обязательно заедет в село к бабушке Айки и лично передаст ей ведро, наполненное сотовым медом. Сам же Омар взял такси и повез однокурсницу в кинотеатр «Восток», где в тот день была премьера нового фильма – «Пролетая над гнездом кукушки»...

За всё время, оставшееся до получения диплома, никто из её группы ни словом, ни даже взглядом не дал ей понять, что знает об этой истории. Она осталась между ними, их с Омаром маленькой тайной, забавным приключением, о котором так весело было вспоминать потом. Как и те дни, наполненные общими заботами, общей радостью, ожиданием чего-то светлого, необычного... А этой ночью, стоя у окна, Айка думала совсем о другом, безрадостные, тревожные мысли сменяли одна другую: «Какая долгая ночь. Когда же рассвет? И почему так бьётся сердце, вот-вот выскочит из груди. А листья все падают и падают, я сбилась со счета – мысли путаются... А где же моя кошечка, бедняжка? Кис-киса... Вот она, моя Акчык¹, белая, как снежный комок, появляется из черной ночи. Ты не похожа на других кошек, ты так забавно качаешь головой, ты так грациозна... даже сейчас, когда уже рожать пора, ты так необыкновенно красива...»

Акчык – не просто кошка, она – подруга, настоящая подруга для Айки. Когда тоскливо на душе, она выслушает, им даже слов не надо, настолько они привязаны друг к другу. Иногда вместе смотрят телевизор. Постоянную заботу о ней Акчык возвращает нежностью и теплом.

Раньше эта кошка жила у Омара. А когда он собрался уезжать, далеко и неизвестно – надолго ли, оставил Акчык ей, чтобы не было так одиноко.

– Белое легче пачкается, – сказала тогда Айка.

– Не волнуйся, – ответил ей парень, – настоящая дружба цвета не меняет. Она всегда останется белой, чистой...

И действительно, Акчык всегда остается белой. А вот как с Омаром?.. Если бы Айка знала, где он, сама бы отправилась к нему. И кошку бы взяла с собой. Но куда, где он, за какими морями-границами?.. «Душа моя, Омар, тебя никакая преграда не остановит, никакие границы не помешают. Ты ничего не боишься... Тебя пугала только пустая комната. Не волнуйся, твоя комната не будет пустой. Возвращайся! Я не знаю, где ты и чем занимаешься, но в деньгах ты никогда не нуждался. Купил себе машину, огромную, сверкающую, как твой взгляд. Потом – и хорошую квартиру в центре города. А однажды, помнишь, ты сказал мне: «Сейчас такое время наступило, все, что пожелаешь, исполняется. Я хочу купить самолет, чтобы летать в небесах. Мне нужен корабль, чтобы плавать по морям. И вот после этого ты станешь невесткой для моей мамы!» Чем отличалась от самолета твоя машина? Разве что крыльев у нее не было...»

¹ Акчык – Беленькая (карач.-балк.).

В темном углу слышалось слабое мяуканье. Айка включила свет и у стены, на мягкой подстилке, обнаружила свою Айчык, рядом разглядела несколько темных комков – новорожденных котят. Айка присела на корточки перед кошкой и, поглаживая ее по голове, запела на мотив колыбельной из своего детства:

*«Бёлляу, бёлляу, бёлляу,
Кошечку запеленаю.
Бёлляу, бёлляу, бёлляу,
Омар вернется, знаю...»*

Ох, сердце... Как колет в сердце. Такой боли в моей жизни еще не было. Даже вздохнуть полностью не получается, – девушка попыталась встать. – Прилечь бы на кровать... нет, не смогу... Сил не осталось, чтобы присмотреть за котятками, спеть им колыбельную. Счастливая моя кошечка, никого она не дожидается, собрала вокруг себя котят и безмятежно спит. Видит светлые сны. Такова её природа... а у человека всё по-другому. Стоило ли мне столько времени ждать Омара?.. Жизнь идет, и что я видела, чего смогла достичь? С глазами, обращенными к краю неба, потухшими от слез...»

Свет в комнате Айки горел до самого рассвета. Живое тепло в ней сохраняли только белая кошка и облепившие ее котята.

Родные похоронили Айку в селе, на родовом кладбище. В тот день в округе выпал небывалый, ослепительно красивый снег.

Про Омара говорили разное. Кто-то клялся, что собственными глазами видел его в Америке.

– Омар, если и уехал, то в Европу, – утверждал другой.

Третий, призывая в свидетели каких-то знакомых, доказывал, что Омар обосновался где-то на севере России и давно уже обзавелся там семьей.

А бабушка Айки каждую пятницу, поднимая за деревянную ручку свое ведро, повторяла: «Да дарует Аллах моей девочке райскую пищу», – и, обходя в селе дом за домом, раздавала соседям запелёнутые яйца.

Джамбулат КОШУБАЕВ

Джамбулат Пиимафович Кошубаев родился в 1962 году в Майкопе.

Автор книг «Логос без имени», «Абраг», «Палимпсест», «Иное небо», «Прозрачные тени», «Обратный переход: штрихи к портрету Георгия Яропольского».

Живет и работает в Нальчике.

ИДУЩИЙ СЛЕДОМ

Рассказ

– Куда меня везут? – спросил отец, растерянно и беспомощно глядя на дочь.

Его голоса она почти не расслышала, скорее прочитала по его бескровным губам.

Она бежала за каталкой, – потом ей так будет вспоминаться – бежала, – а на самом деле еле-еле переставляла вдруг ставшие ватными ноги, наступая на пятки санитару. Она бежала за каталкой, пока широкая спина медбрата не скрылась в полутемном бездонном лифте. Двери бесшумно закрылись перед ней, и кабина с лязгом и скрежетом поехала вниз. По бесконечно тянущемуся и удаляющемуся звуку можно было подумать, что лифт падает в пустоту, вслед за ее замершим и упавшим сердцем.

Н. ехал хоронить отца. Еще утром они разговаривали, а вечером Н. услышал рыдания сводной сестры в трубке и прорвавшийся сквозь всхлипы вскрик: «Папа!..». А дальше – гудки.

Н. не знал его молодым мужчиной. Отец впервые появился в его сознательной жизни, когда ему исполнилось шестнадцать. Прибыл по случаю юбилея какого-то народного писателя. И теперь в памяти возник образ: они возле реки, оба в плавках, осторожно переступают по острой речной гальке. Белотелый, с небольшим брюшком, сорокапятилетний чужой мужчина. И худой, словно сложенный из острых велосипедных спиц, подросток.

Разговор не складывается. Отец закуривает, с шумом втягивает дым.

– Куришь? – спрашивает он.

Сын кивает.

Отец протягивает пачку «Родопи».

Н. только теперь понял, что отец тогда сильно нервничал – он не мог, не знал, как начать разговор с сыном.

– Красиво тут у вас.

Н. кивнул.

– У нас на Белой еще лучше. Ты помнишь, как мы ходили на Белую? Это прозвучало так, словно они только и делали, что ходили на речку.

Н. напряг свою память, но ничего не вспомнил.

– Не помню. Ты же ушел, когда мне было два года.

Отец промолчал, будто тоже силился припомнить нечто. С шумом втянул дым.

– Ты очень сильно болел. Я бегал по всему городу и искал для тебя редкое лекарство. Если бы я его не нашел, ты мог бы умереть.

Ему представилось, как этот белотелый мужчина в плавках, с небольшим уютным брюшком, бегают по городу от одной аптеки к другой. Вот он берет прохожего за руку и спрашивает мягким баритоном: «А у вас нет этого редкого лекарства? Мой сын...»

Н. смутился. Неприлично представлять отца в таком виде. Но именно в таком облики он сейчас стоял перед ним.

– Не было и дня, чтобы я не думал о тебе.

– Что же не приехал хоть раз?

– Не все так просто.

– А ты скажи, почему?

– Ты сейчас не поймешь.

– Я и потом не пойму.

Он понял. Потом. Вторая жена, маленькая женщина с угольными глазами.

Не было и дня... А сам он – думал ли?

Они уехали из одного небольшого городка в другой – такой же невзрачный и тихий, еле-еле пульсирующий своей единственной главной улочкой, именуемой горожанами «Брод». Не в смысле переправы, хотя это было бы и точнее и живописнее, а в смысле – Бродвей.

В этом городке он и услышал впервые: безотцовщина. Значения слова не понял, прибежал домой и спросил у матери:

– Ты меня сама родила?

– Да... – удивленно ответила мать.

– Тогда почему мне говорят, что я – безотцовщина?

Одной матери ему было достаточно.

Разговоров об отце не велось, имя его не упоминалось. Кругом были одни женщины: бабушка и мать со своей младшей сестрой.

Ему навсегда врезался в память день их приезда, когда все семейство отправилось в баню, поскольку в крохотной квартире еще не была установлена ванна. В густых клубах банного пара три женщины и маленький мальчик, едва достающий им до колена, больше похожий на

лягушонка. Движения женщин неспешны – они устали после долгой дороги. Чугунные ванны кажутся ему огромными лодками – он с бабушкой в одной лодке, мать с сестрой – в другой. Плеск воды, голоса и тихий смех звенят, умножаясь эхом от синих кафельных стен.

И все-таки чуть позже он спросит:

– Где мой отец?

– Он нас оставил.

– Почему?

– Вырастешь – узнаешь.

Все откладывалось на потом.

Отправившись в первый класс, он подпишет свою тетрадь корявыми огромными буквами: фамилия матери и отчество, произведенное от ее имени. Мать вызвали в школу. Когда она вернулась, он понял по ее лицу, что она гордится им. Но услышал вместо похвалы:

– Ты не должен так подписывать свои тетради.

– Но ведь ты же меня родила?

– Да... – она снова как бы удивлена. – У тебя есть своя фамилия и свое отчество.

– А ты?

– Я твоя мать.

– Я хочу твою фамилию и твое отчество. Я же твой сын?

– Мой. Но это – потом. Потом, если не передумаешь, сможешь взять мою фамилию.

– А отчество?

– Нет.

– Почему?

– Странный вопрос. Это уже будет не отчество.

– А что? Матчество?

Она рассмеялась. Редкий смех, негромкий, рассыпающийся на множество смешинок.

Разве он сказал тогда это слово – «матчество»? Нет, не мог сказать. Это сейчас ему придумалось. Вернее – нашелся ответ.

За окном автобуса бежало бесконечное вспаханное поле. Земля, ломтями вывернутая наизнанку, блестела и отливала на солнце.

Н. подумалось, что некоторые диалоги так и не заканчиваются.

– Чем будешь заниматься? – спросил отец. – Слышал, ты пробуешь писать?

– Да. – В его голосе прозвучал вызов.

– Это очень тяжелый труд, сынок.

Слово «сын» полоснуло. Произнесенное этим мужчиной впервые, показалось чужим – не его словом.

В глазах потемнело. Он взял еще одну сигарету.

– Много куришь, – заметил отец, но без осуждения, просто констатируя. – И что пишешь, стихи, прозу?

– Все пишу.

– У меня есть замысел одной повести, – оживился отец, – там главные герои – ноты.

– Ноты? – заинтересовался сын.

– Да. Ноты. И еще – дизезы, бемоли, бекары. Какую-то ноту повышают, какую-то – понижают, а то и вовсе – отменяют, одни – фальшивят, другие поют в унисон. Я смогу сказать обо всем, о чем боятся говорить. Это будет философская сказка-притча для взрослых.

– И чем все закончится?

– Какофонией.

Эту повесть отец так и не написал. Но поехал за «музыкой» в разрушенный Грозный, когда женился в третий раз. Его последняя жена бежала из города, где служила в театре аккомпаниатором. Ее страдания по оставленному инструменту были столь велики, что отец был вынужден взять грузовик и отправиться в дорогу, хотя мог бы купить ей любое приличное фортепиано. Впрочем, почему – вынужден? Это была пора глубокой влюбленности, и, несмотря на свои пятьдесят, он чувствовал себя молодым и сильным.

Когда они въехали в Чечню, он увидел, как побелели от напряжения костяшки пальцев водителя, намертво приклеившись к рулю. Бои в Грозном уже закончились. Город тлел и дымился, словно покрывался смертельной испариной. С трудом нашли полуразрушенный дом. Фортепиано, вопреки всякой логике, уцелело – ни единой царапины. Отец видел какие-то серые тени, мелькавшие среди развалин. Мимо пробежала собака. Он не сразу понял, что она тащит – из пасти торчала человеческая рука. Когда инструмент при помощи трех солдат (и ящика водки) грузили в кузов, что-то чирикнуло рядом – «фью-ю-ю!..». «Си бемоль», – подумалось ему. Позже сообразил – пролетела шальная пуля. Шальная! Не могли же в него целиться всерьез! А по возвращении с ним случился первый инфаркт.

Эту повесть отец так и не написал... Написал другие. А когда не стало цензуры – необходимость в эзоповом языке отпала. И несколько листов бумаги, озаглавленных «Фортиссимо», так и остались в ящике рабочего стола.

- Почему вы расстались?
- Твоя мать страдала расстройством психики.
- Это неправда!
- Правда, сынок. И она тебя не любила.
- Ты врешь. Я помню, она любила меня.
- Ну, потом, может и любила. Ты не можешь знать и помнить, но она тебя не любила и не хотела, чтобы ты был. А что до болезни, так она лечилась в больнице, если ты мне не веришь, это легко проверить.
- Ты ей изменил.
- Ошибки молодости, сынок. Все ошибаются.
- Нет, не все!

Н. клокотал от избытка осознания своей правоты. Но он не думал тогда, что в той же степени, что и отец, мать ошиблась в своем выборе. Она принадлежала к редчайшей породе людей, которых нельзя обманывать, нельзя даже пытаться это делать. Их нельзя назвать патологическими правдолюбцами или же ханжами. И ни то, и ни другое. Свет истины озаряет их сердца раньше, чем пробуждается разум. И свет этот для них дороже собственно чувств, страданий и самой жизни.

Он вспомнил, как однажды, по-детски, попытался обмануть ее. Реакция матери была страшной:

– Это не мой сын! – воскликнула она и тут же кинулась собирать вещи. – Я ухожу от тебя!

Н. плакал и хватал ее за ноги, а она кидала свои вещи в чемодан...

Они уже оделись и стояли друг против друга. Отец был невозмутим. Он приехал со своей правдой.

Эта правда не давала Н. покоя долгие годы.

Часто, ночью, когда он подолгу не мог уснуть, Н. смотрел на одну звезду, мерцавшую в окне. С тех пор, как мать умерла, он придумал себе, что она – там, на этой звезде. И эта уверенность сохранилась в нем на всю жизнь. Н. всякий раз, глядя на звездное небо, механически отыскивал и находил именно ее, и свет его звезды был особенно мягок и приветлив.

Второй раз они встретились через год, в родном городе, куда Н. приехал к сестре бабушки на зимние каникулы. В день приезда, после ужина, ее муж позвал его к телефону и, передавая трубку, сказал:

– Это отец.

– Откуда? – нелепый вопрос.

– Я ему позвонил. Вы должны встретиться.

Этот грузный, но подвижный и энергичный мужчина, бывший партизан, считал право отца священным. Спорить с ним было бесполезно.

– Сынок, – раздалось в трубке.

Отец назначил встречу на мосту через ту самую речку Белую.

Подвесной мост скрипит под ногами и раскачивается в такт. Они идут навстречу друг другу, словно в дурном шпионском фильме. Уже смеркается. Подмораживает. Скрипит мост. Скрипит снег.

– Тут рядом – кафе. Пойдем, сынок, посидим.

Отец заказывает коньяк.

Разговор ни о чем. Неожиданно произносит:

– Я хочу познакомить тебя со своими.

Почему N. согласился? Из любопытства? Или же ожидал чего-то? Или не хотел обижать его категорическим отказом?

– Только не говори, что мы сегодня встречались.

– ?

– Она обидится, что я сразу не привел тебя.

Отец соврал. Он это понял по его завибрировавшему на слове «обидится» голосу.

А на следующий день первое, что отец ему сообщил:

– Она все знает. Скажи, что ты мне сам позвонил, просто тебя родственники сразу не отпустили, хотели побыть с тобой.

За собой отец тянул санки с девочкой лет восьми. Глаза ее блестели любопытством и весельем. N. взял веревку у отца:

– Давай, я повезу. Хочешь быстрее?

Девочка кивнула. Он побежал, и за его спиной раздался залиvistый, счастливый детский смех. Обернувшись, увидел отца, который широко шагал следом за ними и безмятежно улыбался.

Дверь им открыла маленькая женщина с угольными глазами.

– Где вы ходите? – голос резкий, высокий. – Все уже остыло. Отец сказал мне, что ты вчера не захотел идти к нам.

Отец посмотрел на него.

– Я не мог. Родственники не отпустили.

– Пойдем сынок, я познакомлю тебя с твоей бабушкой.

Они вошли в полутемную комнату. На кровати, опершись на руки, сидела старая женщина и сипло дышала. Сквозь линзы очков на него смотрели огромные голубые глаза.

– Это сын, – сказал отец.

– Сын... – эхом отозвалась старуха. Затем глухо вскрикнула, словно вспомнила что-то: – Ее сын? Сын... – и провела сухой ладонью по его щеке.

– Я хочу сделать тебе подарок, – сказал отец за ужином.

– Мне ничего не надо.

– Не надо спорить с отцом. А какой подарок? – маленькая женщина явно нервничала.

– Ты же заканчиваешь школу. Мы пойдем и купим тебе часы.

– Я пойду с вами, – нервно хохотнула его жена.

Так они и пошли на следующий день – все вместе.

– Может, все-таки не надо? – сказал он отцу, когда они остались на мгновение вдвоем.

– Нет. Надо. Посмотри, вот эти?

– Пусть эти.

Маленькая женщина говорила без умолку. Ему запомнился ее высокий пронзительный голос. Но что и о чем она говорила – стерлось из памяти. Всплыло лицо отца – довольное, почти счастливое – снова в нем мелькнуло что-то детское, – как тогда, на банкете, – когда он расплачивался в кассе.

По возвращении домой маленькая женщина крутилась рядом, не оставляя их ни на минуту одних, и, наконец, не выдержала:

– Ну-ка, надень часы, покажи.

Он надел. Браслет оказался широк.

– Дай-ка твои, – обратилась она к отцу.

Тот послушно снял.

– Примерь.

Отцовский браслет был впору.

– Вот! – воскликнула она. – Носи отцовские, это же такая память!

Он посмотрел на отца. Тот безучастно молчал.

– Почему ты молчишь? – обратилась она к нему.

– Ну, если сынок не против...

– Ты же не против?

– Нет.

Рано утром, в сумерках, уже собираясь в дорогу, он оставил часы на книжной полке.

...Спустя несколько лет отец обронит:

– Не обижайся на нее!

Он на нее и не думал обижаться. Н. не понимал тогда, почему отец молчал. Почему соглашался. Может, потому, что все уже решил для себя с этой маленькой женщиной с угольными глазами и высоким резким голосом?

Минуло еще два десятка лет. Умер тот самый юбиляр, народный. По этому случаю отовсюду съезжались делегации. Н. знал, во всяком случае, предполагал, что отец тоже должен приехать. И все равно появление отца поздним вечером на пороге его дома стало неожиданностью.

– К тебе можно? Я сказал им, что у меня здесь – сын, и я буду ночевать у него.

Теперь перед ним стоял пожилой мужчина с поредевшими волосами и вставными зубами.

Он прошел в комнату, огляделся и грузно опустился в кресло. Вид у него был смертельно уставшего человека.

– У тебя неприятности, отец?

Он усмехнулся:

– Ты назвал меня отцом.

– Что удивительного, ты же мой отец.

– Да, сын, – помолчав, спросил: – Один живешь?

– Один.

– А жена?

– Не обзавелся.

– Тебе надо жениться.

– Зачем?

– Одному нельзя. Приезжай, мы найдем, я сам найду, самую лучшую невесту.

– А та как? Слышал, опять женился?

– Да, – отец заулыбался, полез в карман, достал паспорт. В обложку была вложена фотография. – Посмотри, вот она, а это – мой сын, твой брат.

N. увидел красивую женщину с мальчиком на руках.

– Красивая? – спросил отец, предвкушая ответ.

– Красивая.

Разговор дальше не шел. Взгляд отца упал на гитару.

– Поешь?

– Так...

– Спой.

N. запел: «Пока земля еще вертится...», потом еще и еще...

– Любишь Окуджаву?

– Люблю.

Отец кивнул. То ли соглашаясь с выбором, то ли самому себе, что вот, мол, я тоже его люблю, а значит, вкусы у нас одинаковые.

– Тебе надо выступать. Приезжай, я устрою запись на телевидении, концерт...

– Не такой уж я певец. Это – для себя.

– Почему для себя? – отец начал горячиться. – Обязательно надо, чтобы и другие услышали! Чтобы все услышали!

Ему непременно надо было, чтобы он приехал. За невестой ли, с песнями ли, или же просто так, но – приехал.

N. и не заметил тогда, обхватив свою гитару, что отец – пожилой, больной человек. И что он растерян: не знает, не уверен, как себя вести и что говорить. Что он хочет быть значимым в его жизни, но не знает – как.

Было уже далеко за полночь, а N. все пел и пел, поскольку говорить не хотелось, и – как ему казалось тогда – особо говорить было не о

чем. На деле же отцу хотелось диалога, но он молчал из деликатности. А может, ему и в самом деле нравилось, как он поет?

– Я постелю тебе на диване.

И вдруг отец сказал:

– Поспи со мной, сынок.

Мысль спать с отцом рядом показалась комичной. Но отец посмотрел на него с такой надеждой, что N. удержался от уже готового было выскочить резкого отказа и просто произнес:

– Хорошо.

Отец уснул моментально. Он же долго лежал и прислушивался к отцовскому тяжелому дыханию, и смотрел на звезду, мерцавшую в окне.

N. проснулся от яркого солнца, светившего прямо в лицо – отца рядом не было. Он ушел тихо, не разбудив сына.

«Оставил, как часы на книжной полке», – подумал N. уже сейчас, в автобусе.

Позже N. узнал, что в день прощания с бывшим юбиляром, отец должен был отправиться после траурной церемонии в гостиницу вместе с Чернявым, «классиком», для которого он долгие годы, по мягкости своего характера, был редактором, переписчиком, а то и создателем его «бессмертного» образа. Но они сильно повздорили в день выезда. Отец рассчитывал на место в машине, но место заняли книги Чернявого.

– Что делать, дорогой? – неуклюже шутил «классик». – Поэзия и коммерция идут теперь рука об руку!

– Они у тебя и не расставались, – сказал отец, а затем, подумав, добавил: – Да и вместе-то никогда не ходили! Торгаш несчастный!

Уже по приезде на траурные мероприятия, на кладбище, когда на холмик падали последние комья суглинка, Чернявый взял отца под локоть:

– Поехали в гостиницу, выпьем, поговорим. Что скажут наши собратья по перу, если увидят, что в столь трагический час промеж нами нет единства?

Отец еле-еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Да пошел ты!.. Всю жизнь на тебя горбатился, правил и переписывал твои бездарные вирши!

Сквозь смуглую кожу Чернявого проступила красная краска, глаза налились кровью, ноздри широко раздулись и кулаки непроизвольно сжались. «Возбужденный карликовый бык», – подумал отец, слегка оттолкнул его, и Чернявый, не ожидавший этого, не удержав равновесия, сел толстым писательским задом на чей-то могильный холмик.

После этого случая отец не разговаривал с ним года два. Чернявый пришел, нет, приполз. Клялся в дружбе до гробовой доски:

– И, кроме того, – закончил Чернявый, исчерпав весь запас своего красноречия, – я старше тебя, а старших надо уважать.

– Поучиться бы у наших старших... – усмехнулся отец.

Брат встречал его. N. узнал брата сразу: в привокзальной разношерстной толпе резко выделялась одинокая – высокая фигура в черном пальто и шляпе.

– Ты приехал... – вздохнул брат, шагнув ему навстречу.

Его молодой голос поражал удивительным сходством с отцовским.

«Если ему достался голос отца, – подумал N., – то чей же голос звучит во мне?»

Брат рассказывал о том, как умирал отец.

N. слушал его, и ему показалось странным слушать, как болел и уходил навсегда отец, и практически не знать, как он жил.

Когда они подъехали к дому, выйдя из машины, N. ощутил внезапную тяжесть – его будто чем-то придавили. С этой тяжестью он и вернется домой и будет чувствовать ее еще сорок дней.

И вот он увидел завернутое в саван тело. При появлении N. все мужчины встали. Из всех он узнал только отцовского друга. Именно его рукопожатие было чуточку дольше и теплее остальных – так ему показалось.

Взгляд N. то и дело задерживался на отцовском теле, теперь похожем на гигантскую куколку бабочки. И в памяти всплыла фраза из радиной передачи: «Ангелы – имаго человека».

Глаза у отцовского друга были красные. По его лицу N. понял степень его отчаяния и неподдельного горя.

Старики тихо переговаривались: шел спор – кому дать слово, а кому – нет.

– Без Чернявого не обойтись.

– Он же – сволочь!

– Сволочь – не сволочь, а к нашему президенту, как к себе домой, заходит. Он, если хочешь, сволочь официальная, при должности.

Неожиданно старый друг отца громко произнес, обращаясь к старикам:

– Я прочитаю стихотворение.

– Хорошо, – кивнул самый старший. – Читай.

Он начал читать, и N. понял, что он читает это стихотворение для него и для отца.

*– Почему мы исчезаем,
превращаясь в дым и пепел,
в глинозем, в солончаки,*

*в дух, что так неосязаем,
в прах, что выглядит нелепым, –
нытики и остряки?*

*Почему мы исчезаем
так внезапно, так жестоко,
даже слишком, может быть?
Потому что притяжаем,
докопавшись до истока,
миру истину открыть.*

*Вот она в руках как будто,
можно, кажется потрогать,
свет ее слепит глаза...
В ту же самую минуту
Некто нас берет под локоть
и уводит в небеса.*

*Это так несправедливо,
горько и невероятно, –
невозможно осознать:
Был счастливым, жил красиво,
но уже нельзя обратно,
чтоб по-умному начать.*

*Может быть, идущий следом,
зная обо всем об этом,
изберет надежный путь?
Может, новая когорта
Из людей иного сорта
изловчится как-нибудь?*

*Все чревато повтореньем.
Он объятый вдохновеньем,
зорко с облака следит.
И грядущим поколениям,
обожженным нетерпеньем,
тоже ЭТО предстоит.*

Воцарилась тишина. Наконец, один из стариков произнес:
– Окуджава – хороший поэт.
Все согласно закивали головами:
– Да, да, хороший...

На улице дул пронизывающий холодный ветер. Люди все подходили и подходили, и из дома, в котором они исчезали, через определенные промежутки времени, доносились женские вскрики, словно встревоженные вскрики чаек над морем, которых то относит ветром от берега, то вновь несет назад.

Н. вспомнил то утро, когда услышал впервые этот особенный женский плач, услышал сквозь детский сон и принял его за смех. Он пребывал на грани яви и сна, и ему стало радостно от этого «смеха»:

– Мама вернулась!

Но в комнате никого не было.

Он выбежал из дома во двор, чтобы умыться, и соседка, поливая ему воду, произнесла откуда-то сверху, сквозь тяжелый протяжный всхлип:

– Твоя мать умерла.

Он мало что понял. Бабушка с теткой куда-то ушли, оставив его на попечение соседки, и он бесцельно кружил по территории турбазы. Устав бродить, сел на лавочку возле колодца, из которого набирали соленую приазовскую воду. Две девочки с любопытством смотрели на него. Одна из них не выдержала и спросила:

– У тебя мама умерла?

– Да, – просто ответил он. И неожиданно заплакал.

Накануне врач разрешил провести его к матери. Ему накинули на плечи халат, который доставал до пола, и повели по скрипучим половицам станичной больнички. Увидев мать, он застыл на пороге палаты. Она лежала под капельницей и неотрывно смотрела на него.

– Подойди к ней, – раздался голос за спиной.

Он не мог перешагнуть порог. Туман застилал глаза.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, затем чужие руки развернули его и повели обратно, а в палату уже бежали люди в белых халатах.

А потом был грузовик, обитый красным крепом – так они возвращались домой. В кузове – гроб с телом матери. Рядом – бабушка. Он с теткой – в кабине.

Последний раз его вновь повели к ней, и снова он остановился на пороге, увидел только ноги, завернутые в саван, и снова не смог шагнуть дальше. И опять его, ничего не видящего, развернули и повели обратно, и он сидел на корточках под деревом и плакал, опустив голову на сложенные на коленях руки.

Потом, спустя год, под этим же деревом, друг его игр обронит:

– Маменькин сынок!

И он бросится на него с яростью и остервенением, и они будут драться до крови.

А еще спустя пять лет он спросит у объявившегося отца:

– Почему ты не приехал на похороны? – словно ему, мальчику десяти лет, это было так необходимо.

– Не мог, – ответил отец. Это прозвучало, как «занемог».

Отец помолчал и добавил:

– Я мог бы тебя забрать.

– Меня не отдали бы!

– Твоя бабушка умоляла меня оставить тебя ей. Мы решили, что тебе так будет лучше.

Он вспомнил теперь об этом, пожимая соболезнующие руки родственников, которых видел, по сути, впервые в жизни. Двоюродные, троюродные, четвероюродные, – близкие и дальние, – они проходили мимо, словно проплывал огромный океанский лайнер, светящийся огнями, со своей бурной жизнью, а он смотрел на него с берега и следил, как постепенно исчезают вдаль огни, и все глуше и глуше становятся звуки музыки и голосов.

Какой жизни лишил его отец? И какую жизнь он подарил ему?

Его тронули за плечо. Н. обернулся, рядом стоял сводный брат.

– Тебя сестра хочет видеть.

Он ни за что не узнал бы ее сейчас – смеющуюся девочку на санках. Перед ним стояла взрослая печальная женщина. Они обнялись, скованно, неловко.

– Я знаю, на кого ты похож, – скажет она неожиданно, поздним вечером, когда в доме уже никого не будет из чужих.

– И на кого?

– Пойдем.

Они прошли в комнату отца. На столе стояла старая фотография – мужчина в гимнастерке.

– Это наш дед.

Н. посмотрел и удивился: это было его собственное лицо, только старше.

Может, сдержанность и осторожность отца в общении с ним объяснялись этим? Может, его смущало столь разительное сходство, и он невольно робел перед сыном? Отсюда и та его радость, когда он получал от него редкие знаки внимания?..

Н. смотрел на фотографию, и тяжелая горечь поднималась со дна души.

– Я могу ее взять?

– Конечно.

Тело, завернутое в бурку, вынесли во двор. Мужчины образовали полукруг. Слово взял Чернявый. До этого он препирался со стариками:

– Нет! Говорить он не будет!

– Но это же самый близкий его друг! Как ты себе представляешь, чтобы мы не дали ему слово?

Н. подумал, что если бы отец мог, он бы при первых же утробных звуках голоса Чернявого вскочил и убежал.

Последним говорил друг отца. Говорил просто – как любил, дружил, дорожил... На прощание коснулся рукой края бурки.

А перед тем один из стариков обратился к Н.:

– А ты не хочешь сказать?

– Нет.

Не потому, что не хотел. Это была невозможность сказать. Слов сейчас не было.

Они подняли носилки, и Н. подставил свое плечо, и они двинулись под протяжный женский плач к катафалку.

– Ты веришь в Бога, сынок? – спросил его отец однажды.

– Верю, что есть. Просто – есть.

Отец удовлетворенно кивнул.

Сейчас, в машине, голова его на поворотах еле заметно качалась под саваном, словно говоря: «Нет, нет, нет... Куда меня везут?»

На вокзале, уже прощаясь, сестра обняла его и быстро сунула ему в карман что-то, завернутое в носовой платок:

– Это на память... об отце... – и беззвучно заплакала.

Автобус уже трогался. Сестра и брат махали ему на прощание. Он поднял руку и тоже махнул. Больше они не увидятся. Как не виделись до этого тридцать лет.

Что-то защемило у него в груди, он глубоко выдохнул, закрыл глаза... бесшумно падают блестящие ломти земли, и исчезает навсегда то, что когда-то звалось его отцом. И наступает его первая ночь в земле, за которой – вечность.

Незаметно для себя Н. уснул и проснулся лишь, когда они въезжали в родной город.

Перед дверью своего дома он сунул руку в карман, за ключами, и вытащил небольшой сверток: в носовой платок были завернуты часы. Те самые, что отец купил ему когда-то...

2013, 2018

Амир МАКОЕВ

Весмир (Амир) Леонидович Макоев родился 2 января 1963 года в г. Терек КБР. В 1985 году окончил Саратовский институт механизации с/х им. М. И. Калинина по специальности «Гидромелиорация». Присвоена квалификация «Инженер-гидротехник».

С 1985 по 2002 гг. работал инженером насосной станции в Терской оросительно-обводнительной системе, старшим инженером в министерстве мелиорации и водного хозяйства КБР, заместителем директора

Кабардино-Балкарского отделения Литфонда РФ, специалистом в Кабардино-Балкарском общественном учреждении «Народный дом», заместителем руководителя и заведующим отдела по работе с территориальной сетью в Исполкоме Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия».

С 2002 по 2010 годы – управляющий делами Международной Черкесской Ассоциации. Одновременно был помощником председателя Парламента КБР и депутата Государственной Думы Заурби Ахмедовича Нахушева.

Опубликовал более двадцати рассказов и повестей в коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах, издаваемых в Москве и других городах РФ. Автор книг «В ожидании смысла» и «Возвращенное небо». Член Союза писателей России.

Женат, имеет сына и дочь.

ПОСЕЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

(сны, фантазии, явь)

Некто в черном

Голый и скользкий, я выпал из мглистого воздуха на холодный прибрежный песок. Ночь без звезд и луны приняла меня в свои объятия, и я услышал: «Ты – сын мой». Мир открылся мне мерным шумом морского прибоя и чьими-то приглушенными голосами. Мокрые скалы хмуро встречали рассвет, день нехотя обнажал свои очертания. От меня шел пар, прозрачная небесная влага остывала на теле быстро, становилось неприятно.

Некто в черном сидел на камне в нескольких шагах от меня и разговаривал сам с собой разными голосами. Понять, о чем он говорит,

было невозможно. При этом он что-то записывал в тетрадь, страницы которой были до того ослепительно белыми, что бросали свет на его лицо. Однако от этого лицо его не становилось ясным, казалось, оно совсем не отражает свет. Спустя какое-то время он громко кашлянул, вероятно, чтобы привлечь мое внимание, и одним из знакомых уже голосов сказал: «Ну-с, милый человек, извольте прочитать и расписаться».

Он подошел ко мне, протянул гусиное перо и, услужливо поддерживая снизу, другой рукой поднес развернутую тетрадь на жесткой кожаной папке. В ней были проставлены мои данные: имя, фамилия, национальность, пол... Но, странное дело, когда я занес руку, чтобы поставить подпись, значения слов начали меняться. Буквы подпрыгивали, словно живые, убегали куда-то, затем возвращались и складывались теперь уже в другом сочетании. Казалось, они надо мной издеваются, строя в каком-то смысле гримасы и насмехаясь надо мной. Как меня только не называли и кем я только не был: император, знахарь, воин, раб, старый, молодой, мужчина, женщина, титулованный богач, безвестный нищий, а имен и прозвищ – не счесть. И так без конца. Из страха перед тем, кто стоял передо мной, я не стал задавать вопросов и в указанном месте поставил какой-то знак, означающий, по моему мнению, согласие.

Так я случайно выбрал свою судьбу.

– Вот и славно, – произнес незнакомец уже другим голосом. – Честь имею и желаю вам благополучно провести эту жизнь.

Тогда я впервые попытался взглянуть на него. У него не было лица. Передо мной находился лишь черный силуэт: черная шляпа, голова, плащ, сапоги. Это была всего лишь зияющая дыра, имеющая человеческие очертания, а из нее шел холод, еще более леденящий, чем дуновение с моря.

– Я буду вас, – продолжил он третьим голосом, пряча тетрадь в папку, – как бы это сказать... сопровождать в течение жизни. Некоторым образом, курировать, как здесь говорят. По ходу буду взимать свои проценты – это что-то вроде налогов. А в виде чего будут эти налоги – узнаете в процессе. Но, скажу честно, не обрадуетесь. Нет, нет, и не просите. Мы не можем вам всего говорить, иначе какой интерес – сами подумайте. Извините, работа, работа, работа. Инструкции будете получать в течение вашего существования. Вы это будете называть жизнью...

– Кто вы? – спросил я, набравшись смелости.

– Меня называют по-разному, – ответил он, меняя голос в очередной раз. – Ничто, Небытие... А, впрочем, зовите, как вам будет угодно. Вот вы изволили подумать обо мне – «некто в черном». Очень удачно, я считаю. А что, мне нравится. Не нужно уточнений. Неопределенность, знаете ли, дает больше простора воображению. Если присмотреться ко мне, то можно заметить странность моей наружности и, с позволения сказать, физиологии – я ни во что не одет. Для вашего удовольствия я могу аттестовать себя следующим образом – я никакой. Можно сказать,

что я самое неопределенное существо во Вселенной. Не стройте, пожалуйста, сочувствующее выражение, мне, знаете ли, самому неприятно, что я – никакой. Некоторые позволяют себе очень нелестно выражаться в мой адрес. Ну, зачем же, спрашивается? Это, поверьте, им же потом вредит. Я ведь, замечу вам, состою на службе и, примите к сведению, в должности весьма высокой. Да мне что – вас, контингент, позвольте так выразиться, жалко. Ну да Бог всем судья. Честь имею и – до скорой встречи.

И черный силуэт растаял.

Посетитель

Где-то высоко над землей в кабине какого-то летательного аппарата я смотрел на участок поля прямо за нашим домом. Этот зеленый и ровный луг, каким он был в действительности, я увидел сверху в виде спиралевидно вспаханного поля. Не пойму, почему поле я увидел вспаханным именно спиралью? Что я мог знать о спиральях? – ничего. Где я мог видеть такого рода летательные аппараты? – нигде. Телевизоров тогда не было не только у нас, но ни у кого на всей улице, книг и газет, разумеется, я не читал в три или четыре года, и видеть даже не мог по причине их отсутствия в нашем доме. Но всего любопытнее то, что я смотрел на землю, как чужой, не испытывая к ней чувства привязанности, без мысли причастности к тем, кто на ней живет, и к тому, что на ней совершается. Это странное ощущение осталось в памяти. Более того, с этим ощущением я живу всю свою жизнь.

Ночь

Каждое мое утро – это болезненное отрезвление от сладкого пьяного веселья, которое еще только несколько часов назад казалось нескончаемым. Я боюсь утра: я не хочу вступать в освещенный им мир, я не желаю входить ни в какие отношения, я не хочу трудиться ни на какое благо, я не в состоянии творить... День же мой – это совершеннейшее недоразумение: все мои попытки изобразить свою заинтересованность в жизни, зарабатывание денег, желание быть значимым и забота о будущем столь смешны, жалки и бессмысленны, что порою хочется остановиться посреди дороги, на полуслове в разговоре, в момент рукопожатия, на пике делового соглашения или даже в самый жар романтических отношений и признаться себе и другим, что вся наша жизнь – глупая затея, кто бы ее ни придумал... Но вечером, оставив позади суету дня со всеми переживаниями, зная, что они отстанут от меня до следующего дня и мне не нужно о них заботиться, я вдруг наливаюсь желанием жить во что бы то ни стало, вопреки всем труд-

ностям и неверию в себя... И только глубокой ночью, которая каждый раз оказывается волшебной, я живу полной жизнью – мне не хватает всего мира, я не могу упиться его красотой, моему сердцу недостает силы, чтобы пережить все сладкие волнения, возникающие в нем. Мне открываются незнакомые миры, я могу совершать то, чего утро боится, день не позволяет, а вечер совершить не решается. Между мной и какой-то неведомой мне могущественной силой происходит тайное соглашение, и я получаю способность видеть то, чего прежде не замечал, знать то, о чем даже не помышлял, любить ту, которая была мне недоступна, и самому стать любимым ею, – передо мной возникает новый мир людей: красивый, загадочный, счастливый. И в этот момент приходит вера, природа которой совершенно мне необъяснима, а вместе с ней – понимание того, что много лет назад в моем появлении на свет был особый, величественный и неумолимый смысл.

Река

Мои попытки сделаться самым успешным ловцом снов и явить миру тайные движения человеческого сознания ни к чему не приводят. И сколь бы крепко я ни запоминал свои сны, отсутствие отмычки к глубоко запрятанным их смыслам не позволяют мне уловить закономерности их развития и делают мое предприятие совершенно бессмысленным. Вот и сейчас мне не удастся увязать вышедшую из берегов реку с появлением той девушки – мы с ней на каком-то вечере и нам только еще предстоит познакомиться, а я уже слышу нарастающий шум воды и вижу в витринное окно, как невдалеке могучий поток уже валит и уносит деревья. Вот вам еще одна неувязка: кроме меня, никто не замечает надвигающейся катастрофы, и гости пребывают в самом что ни на есть безмятежном состоянии.

Вероятно, я должен быть задействован только во сне с рекой, а этот красивый праздник и обаятельная девушка, которую я никогда не знал в жизни, созданы моим спящим разумом, чтобы попытаться отвести угрозу. Во внешности девушки нет и оттенка современного глянца, она привлекательна именно своей натуральной красотой, от нее идут невидимые волны природного аромата и овевают окружающих. Она в ярко-красном платье с черным поясом, распущенные волосы ниже плеч, в глазах нет ни напряжения, ни хитрости – они добрые и светятся счастьем. Я подхожу к ней с намерением познакомиться и увести ее во внутренний дворик к фейерверкам и шарам, а на самом деле хочу оказаться подальше от окна, чтобы не думать о реке, – вдруг она сама собою исчезнет. Удавалось же мне управлять своими снами: не раз я уводил себя от опасности или неминуемой гибели, сумев указать им иное направление или другой характер развития.

Она доверчиво берет протянутую руку – право же, меня подкупает это простодушие – и мы уходим в сад, где можем остаться наедине. Здесь, на освещенной цветными гирляндами аллее, я, наконец, могу отчетливо разглядеть ее лицо: оно кажется мне родным, я знал его всегда, и не является ли эта молодая женщина моей половиной, которая предначертана мне судьбой? Может быть, она даже мне жена, но я не совсем в этом уверен и боюсь ее о том спрашивать. Достаточно того, что она у меня есть, и есть, по-видимому, давно, мне не нужно больше искать, обхаживать и волочиться за другими в поисках своего счастья. Мне легко удается проникнуть в ее внутренний мир, как это возможно, наверное, только во снах: я вижу цветочные луга с бабочками, слышу ветер, разносящий запахи полевых растений, здесь витает ее светлая душа и где-то на лесной опушке бьется ее чистое сердце. А потом появляются горные ручьи, плавно перетекающие на обои роскошной квартиры с изысканным убранством, и я думаю: может, она дизайнер интерьера или просто любит комфорт и красоту, а может, это всего лишь мое желание добавить изящества к ее романтической натуре.

Но хитроумно выстроенные декорации неожиданно смещаются: деревья в саду заменяются подвыпившими гостями, усталыми официантами и добродушными хозяевами со свитой своих провинциальных родственников, вырастают барные стойки и накрытые столики, между ними начинают носиться танцоры, певцы и музыканты. Между нами возникает овальный бассейн, и сквозь возбужденные крики, музыку и шум фонтанных струй мне с трудом удастся расслышать, как строгий голос чуть ли не приказывает ей идти: куда идти, зачем идти, с кем идти? – не могу ничего понять. Обхожу фонтан, но их уже нигде не видно. Тогда я выбегаю на улицу и обнаруживаю, что нахожусь в запущенном дачном районе, который, не в пример дому, где я только что гостил, совсем не обустроен: нет ни приличной дороги, ни указателей, ни освещения. И где-то в конце улицы, перед самым ее поворотом, мелькает исчезающее ее плечо, как будто нарочно освещенное для меня лунным светом. Я скоро оказываюсь на том повороте и вижу, как эта пара успела уйти довольно-таки далеко, они уже поднимаются на пригорок, а там и окраина города. Прибавляю ходу, кричу им остановиться, перехожу на бег, но расстояние между нами никак не сокращается. Тут я встречаю пасущуюся одинокую лошадь, взбираюсь на нее и мчусь им вслед, с трудом удерживаясь на ней без уздечки, седла и стремян. Мне удастся увидеть, как они заходят в первый же на углу старинный кирпичный дом с мансардой, и я спешу застигнуть их врасплох. Даже не придаю значения большой своре рысущих возле дома одичавших собак.

А между тем все было устроено так, чтобы я вдоволь настрадался от ревности: ни на одном из окон не было занавесок, свет гасить они не собирались, моя возлюбленная раздевалась спешно, и взгляд ее, об-

ращенный к любовнику, был полон желаний и нетерпения. «Ну скорее же ты», – торопила она его, не переставая. Они легли на широкую кровать и, не прикрывшись даже одеялом, стали страстно целоваться и обнимать друг друга... Я вздрогнул, а в глазах моих потемнело: в это мгновение я, наконец, понял, что она моя женщина и ничья другая, у нас даже есть дети, и сейчас против меня совершается омерзительное преступление. Я побежал к входной двери, но нигде ее не нашел – дом в круговую состоял из одних лишь окон, за которыми виднелись полутемные комнаты, освещенные лишь лунным светом, с хламом вещей и прочим мусором, точно дом покинут жильцами давно. Сколько я ходил вокруг дома – неизвестно, но за это время исчезла луна и пошел дождь. Я вернулся к окнам, где наблюдал за ними, и обнаружил такую же картину: в той комнате и в самом деле стояла деревянная кровать, но покрытая уже зазеленевшей плесенью, а на ней – остатки истлевших от времени постельных принадлежностей и никаких следов их присутствия. Обернувшись, я увидел невдалеке, что собаки разодрали лошадь, съели ее, а теперь обглаживали кости. В этот момент я услышал шум воды, она поднялась уже на пригорок и подбиралась к моим ногам. Я бросился бежать наверх, в центр города, но сразу же за углом на меня хлынул поток ледяной воды и унес с собой.

Скоро я оказался в русле реки, а дальше, перекатывая, как валун, меня помчало неизвестно куда. Вода поступала из множества притоков, поток становился глубже, и теперь я мог держаться на поверхности, временами даже грести без особой надежды куда-нибудь приплыть – ведь берега не было видно ни с какой стороны. Луну скрыли тучи, но где бы я ни находился, меня все время освещал какой-то странный свет. Откуда он шел и что являлось его источником – было непонятно. Я отчетливо мог разглядеть в воде взвешенные мельчайшие частицы, какие не способен различать обычный человеческий глаз, а листья травы, семена полевых растений, не раскрывшиеся еще почки, собранные течением по пути, я видел даже через толщу мутной воды. Удивительно, что в том моем состоянии и, похоже, уже окончательном и неутешительном решении моей участи, мне было дело до всех этих бесполезных мелочей. Вместе с тем, я с нарастающей тревогой осознавал безвыходность своего положения – гигантская и бесконечная река не обещала не только спасения, но и достойной смерти, после которой я мог бы остаться в памяти близких как человек, героически сражавшийся за свою жизнь. Но эти переживания сразу же отпали, когда я заметил плывущие косяком вместе со мной вздувшиеся трупы людей и животных. Молния, пронзавшая небосвод время от времени, так отчетливо освещала бездыханную мою свиту, что я мог заглянуть в недоуменно раскрытые глаза каждого, пересчитать влажно блеснувшие их ресницы, вглядеться в неподвижно-маслянистые зрачки. Без сомнения, подумал я с отчаянной радостью, я участвую в

самом грандиозном событии человечества: его гибели, – мысль, не дававшая мне покоя с детства, согласно которой на отрезке своего земного существования я непременно должен стать свидетелем никем до меня не виданного зрелища.

Утро наступило сразу: без заигрываний света и теней с уцелевшими, оно, как и положено в таких случаях, было хмурым, серым и безрадостным. Отовсюду раздавались чьи-то ошалелые крики – так, думал я, могут кричать только те, кто уверен, что живут только один раз на свете. Это были люди, оставившие затопленными свои обустроенные дома, должности, деньги, важные связи, приятные знакомства – все, что придавало им значимости перед другими. Сейчас это призрачное преимущество было смыто вместе с ними, и в их криках слышалось злобное неприятие выпавшего им жребия. На их фоне я был безразличен к ожидающей меня смерти, как истинный художник, я хотел запечатлеть событие, которого ожидал всю свою жизнь, и если не придется уже никому рассказать о своих ощущениях, то, по крайней мере, хотелось сполна пережить всю интригующую и завораживающую красоту крушения моей жизни.

Чем дальше нас уносило, тем более угрожающей становилась река: было件нятно, что впереди нам уготована жестокая смерть, – не для того же она оставила нас в живых, чтобы потом банально утопить в своих мутных водах. Кое-где виднелись вершины холмов, можно было за них как-то уцепиться и переждать этот всесокрушающий потоп, если он, конечно, имел намерение когда-нибудь закончиться. Этими холмами потому и дразнят меня, подумал я, что они находятся в стороне, а не впереди, и добраться до них не представляется возможным. Но, присмотревшись, обрадовался: и хорошо же, что они не на моем пути, ведь у прибившихся к ним деревьев так заточились ветки от встречного потока, что на их острия напоролось немало людей – те, что были еще живы, торчали на них обреченно и о помощи уже не просили.

Но вдруг я безудержно захотел жить, я не желал больше наблюдать за своей гибелью, а все мои фантазии о конце мира показались глупостью, мальчишеством, нелепым героизмом – я заметил фрагмент ее красного платья! Оно единственное, что имело цвет во всем моем окружении, и, несмотря на дальность расстояния, я смог разглядеть мою возлюбленную отчетливо: от платья оставались какие-то лоскутки на левом плече, правая рука и грудь были оголены, глаза закрыты и крепко сжаты губы. Она неистово гребла, не помня себя, и, по всей видимости, была в шоке и не представляла, ни что с нею происходит, ни где она находится. У меня уже не было к ней ненависти за измену, я простил ее и прощал наперед все грехи, какие она способна совершить, лишь бы она осталась жива и была со мною – любовь, ни разу не испытанная мною за всю жизнь, настигла меня в этом ледяном потоке и обожгла сердце. Я лихорадочно стал искать способ выжить, ведь надежда возникает из определенной

причины, а раз так, то должны же быть и какие-то возможности спастись. Я стал грести в ее направлении, звал, просил посмотреть на меня – я здесь, совсем рядом, плыви навстречу, когда возьмемся за руки, мы что-нибудь придумаем, – но она меня не видела и не слышала.

Неожиданно я увидел на пути уходящую в небо огромную черную стену, в которой бесследно исчезала река. Вот оно – небытие, подумал я, а там уже ничего не будет: ни любви, ни ненависти, ни суеты, ни моей возлюбленной, ни меня. Что же это я теперь не изучаю с отчаянной радостью каждый миг своего конца, куда подевались моя смелость и безразличие к смерти? Нет, все кончено, и кончено с самым невыгодным для меня результатом: с глупо прожитой жизнью, растраченными иллюзиями, а главное, неосуществленной любовью. И тут же, как бы в подтверждение моих мыслей, я слышу нарастающий гул водопада, – водопада гигантского, неземного, немислимого, – и гул этот усиливается с невероятной быстротой. Здесь русло реки, вероятно, сужалось и теперь нас несло с ускорением, еще немного – и через какие-нибудь сотни метров поток ринется вниз, а вместе с ним упадем и навеки исчезнем мы. В последний раз я бросил взгляд в ее сторону – она все так же продолжала грести к своей гибели, по-прежнему не ведая, что с нею происходит. Что ж, тем лучше, успел подумать я, перед тем как низвергнуться в бездонный громокипящий бассейн.

Оглушенный шумом воды, я летел вниз, и в какой-то момент жизнь во мне остановилась: я так долго летел, что тело мое успело подготовиться к смерти – я не почувствовал ни удара о воду, ни боли, ни страха. Когда я стал приходить в себя, то понял, что нахожусь глубоко под водой, но насколько глубоко – не имел никакого представления. Передо мной вскипала вода и образовывались пузыри, мои легкие вздулись и готовы были лопнуть, но я устремился что есть силы вверх. В какой-то момент я даже подумал, что оказался на дне ада и мне никогда уже не добраться до земного воздуха. Тем не менее, я боролся за жизнь, я поднимался все выше и выше, но скоро вместо света увидел над собой темную поверхность с редкими проблесками. Оказывается, свет мне загораживали плотные скопления мертвых людей и животных: копыта, хвосты, рога, оскалы звериных пастей, а еще босые ноги, выпученные глаза, разинутые рты утонувших людей. Они так тесно держались на воде, что я не мог найти ни одного просвета между ними, чтобы выбраться на свет и вдохнуть воздух. Сил уже не оставалось на то, чтобы сдвинуть эти туши и прорваться между ними – еще немного, и я задохнусь. Но я снова погружаюсь в громокипящую воду, и между буйволом и вздувшейся лошадей обнаруживаю пространство величиною с мою голову – о, мне кажется, в ту минуту я разом вдохнул воздух всего мира. Каким-то образом – где только нашел силы? – я взобрался на лошадь. Где-то я разбил голову и лицо, но я дышал и счастливее

меня не было во всем мире, если только в этом мире оставался еще кто-нибудь в живых.

Впереди по-прежнему зияла черная стена, но перед нею разделительной преградой стояла уходящая в небо железная решетка из толстенных прутьев, которую я издали не разглядел. Я не мог охватить всю картину, в которой оказался: туман застилал это страшное кладбище. Кое-где между трупами барахтались раненные птицы, на рогах некоторых животных, свернувшись, висели онемевшие от холода змеи. Откуда-то доносилось рычание еще живых зверей, но в них не слышалось угрозы ни для кого, это были звуки отчаяния перед смертью. Я начинаю думать, как отсюда выбираться, куда, каким образом и следует ли вообще пытаться что-либо предпринимать в моем положении? И вдруг совсем рядом от себя слышу знакомый голос – это она меня зовет, да, конечно же, это она. На четвереньках она двигается по трупам в мою сторону: на лице и плечах ссадины, волосы слиплись, точно облиты смолой, всю ее трясет от холода, на руке – остаток ажурного рукава ее платья. «Милый, родной мой, единственный», – шепчет она едва слышно и со слезами припадает к моим кровоточащим губам.

Ловушка

Поначалу эта способность меня щедро забавляла, хотя не мог бы сказать, где и при каких обстоятельствах ее приобрел, о чем думал при этом и что испытал – я узнал о ней в самый разгар юбилейных мероприятий в чужом городе, куда был приглашен в составе делегации. За окном гостиницы, несмотря на поздний час, гремели оркестры, водились хороводы, кружил в танце праздничный народ, отовсюду доносились соблазнительные запахи уличных кухонь.

Впрочем, накануне у меня была встреча с одним незнакомым человеком, но никаких сведений о нем у меня не осталось, я бы даже не смог назвать ни одной детали его внешности. Мы долго говорили о каких-то странных вещах, кажется, даже спорили о чем-то... но нет, не получается, не так-то легко вспоминать сны задним числом, – а сколько я их перевидал за ночь, все не упомнишь. А рассвет уже близок, и не мешало бы хорошенько выспаться перед отъездом. Но отчего я проснулся и почему лежу одетый?.. Ну да – скверный гостиничный номер, вечером, как водится, праздничный ужин, а в роли командировочного я и без того обречен на беспокойный сон в чужой кровати. Надо снова закрыть глаза, думать о чем-то другом и попытаться уснуть. И, видимо, мне легко это удастся, потому что сон начинается со знакомой уже картины в моем номере – передо мной все тот же человек, и он продолжает прервавшийся накануне наш разговор. «Если не хотите, то можете отказаться от моего подарка, – говорит он обижено. – Но ведь вы сами этого хотели: гово-

рили, что вам, как писателю, он совершенно необходим... Не знаю, не знаю... сначала просите, а потом бегаєте за мной, упрашиваете забрать подарок. Не знаю, нехорошо это...» Он нехотя соглашается забрать у меня ту самую злополучную способность, о которой мы только что говорили, и теперь, следуя поставленному им условию, я должен снова выйти к людям, и будто бы среди них я окончательно избавлюсь от его колдовства, иронично называемого им подарком.

Я лечу вниз по узкой гостиничной лестнице, едва не падая в обморок от головокружения, – я счастлив, как будто с меня сейчас снимут наказание смертью. Я бросаюсь в гущу толпы, улыбаюсь людям, заглядываю им в глаза, желая удостовериться, что от моей способности ничего-таки уже не осталось. А у самого свербит внутри, рвет на части: ну скорее бы, что ли, хоть бы из меня все удалилось подчистую, без последствий и напоминаний, мне бы махом одним – избавиться и забыть. Но нет, еще не ушло, я чувствую, она все еще во мне сидит и – о, ужас! – я по-прежнему все вижу, все слышу, все знаю! Как же это становится невыносимо. Однако надеюсь, что время, определенное для моей добровольной экзекуции, попросту еще не настало, надо дожидаться спокойно, без истерики – до чего же я невыдержанный!

Но стоять на месте нет никакого терпения, и я бегу по улице, стараясь не заглядывать людям в глаза, даже головы не поднимаю. Передо мной мелькают тысячи ног, а на тротуарах – оброненные и выброшенные вещи: лиловый шарфик от плюшевого медвежонка, тюльпан, сиреневый шейный платок, монеты, вон даже крупная купюра лежит, никем не замеченная, резинка для волос, мандариновая кожура, затоптанные флажки и лопнувшие шарики, синий гуттаперчевый верблюд, пустые пачки из-под сигарет, четырехглазая багровая пуговица, песочного цвета женская перчатка... Возможно ли это вынести: каждая из этих вещей меня волнует, каждая представляет для меня историю, о каждой могу все рассказать. Вот, кстати, в чем заключается моя необыкновенная способность. Но вещи – ладно, они не причиняют мне таких страданий, как люди. А вот люди... Я вижу их мысли, читаю в душах, слышу движение крови по сосудам, даже шум от роста их волос, особенности женского организма, зарождение у людей всяких болезней, впрочем, полно и радостных переживаний, – но нет, все равно не желаю.

По всей видимости, я далеко забрел, город, можно сказать, я совсем не знаю, весь день нас, как выводок утят, повсюду водил за собой человек из мэрии. Хотел было спросить у людей, где находится моя гостиница, но оказалось, что я не только не помню ее названия, но и не знал его вовсе. Я принимаю, как мне показалось, разумное решение: идти обратно по тому же пути, по которому добрался сюда. Но ведь в том-то и дело, что и путь этот я не разглядел в гуще беспорядочных уличных шествий. Ни одно здание, ни один магазин, салон или кафе,

даже этот уютный скверик с фавном, венчающим густые перекрестные струи фонтана, – ну ничто не подсказывает местонахождения моей гостиницы. Будь что будет – я произвольно выбираю направление и двигаюсь ускоренным шагом.

Выхожу на площадь, – помнится, я и в самом деле пересекал нечто подобное, – оттуда (опять же наугад) выбираю одну из четырех уходящих от нее улиц и становлюсь на нее. Через сотню-другую шагов неожиданно сворачиваю вправо, от угла отсчитываю ровно семь минут ходьбы и прямо у сапожной будки беру влево. Надо понимать, что улицы в этих местах не совсем такие, как в центре: уже грунтовая дорожка ведет меня вниз, и после четырнадцатого дома путь мне преграждает небольшая речушка с ажурным металлическим мостиком. Перехожу ее, пугая утомившихся от любовных игр лягушек, поднимаюсь наверх, ныряю под арку между двумя старинными домами и, миновав пустынный двор, оказываюсь на соседней улице, где прямо напротив меня оказывается наша гостиница. Поднимаюсь по мокрой замшелой лестнице, взявшись за перила, пачкаю руки, скольжу и падаю, замочив штанину чуть пониже правого колена. С обсыпавшихся стен течет вонючая болотная вода, на первой же площадке меня встречает выросшее из пола хилое деревце с улитками на ветвях, рядом, устроившись у импровизированного столика – ящика, накрытого газетой, – распивают бутылку вина двое мужчин в испачканной краской спецодежде, на лестничной площадке известковые кляксы, откуда-то сверху слышится приглушенный женский смех. К двери моего номера кем-то заботливо приставлен все тот же ажурный мостик, потому что подойти к ней невозможно из-за подтопления. Захожу в номер, за мной звучно захлопывается дверь, я тут же ложусь на кровать в одежде и, засыпая, мыслями оказываюсь за столом по случаю юбилея города, угощаюсь праздничными блюдами и напитками, любуюсь красивыми женщинами, а проснувшись среди ночи, вспоминаю разговор с тем незнакомцем, более того, вижу его перед собой. Ощущение такое, что мне он знаком – но вижу только темный силуэт и чувствую идущий от него холод. Я вскакиваю и неожиданно для себя начинаю умолять его забрать у меня способность читать в человеческих сердцах: «Мне трудно, понимаете, я перестал жить своей жизнью, я перестал смотреть на мир глазами обычных людей, я перестал быть счастливым – верните, прошу вас, верните прежние мои глаза, прежнее мое простое, доброе и наивное сердце...» Здесь я, кажется, даже пустил слезу.

Незнакомец мне явно сочувствует: «Ну что это с вами такое происходит, что могло произойти в столь короткое время? Конечно же, вы вправе отказаться от моего подарка. Однако хочу напомнить, что вы сами этого захотели: говорили, что вы писатель и должны обладать такой способностью, без этого, мол, не проникнуть в природу вещей, в тайны

человеческой души – это же ваши слова? Признаюсь, я в недоумении: сначала вы просите меня, даже упрашиваете сделать вам одолжение, а потом бегаеете за мной с требованием забрать мой подарок обратно. Помилуйте, я отказываюсь понимать такое ваше поведение – нехорошо, прямо скажем, нехорошо...» Заметно, что незнакомец раздражен, не находя больше слов, он замолкает и садится на мою кровать. Впрочем, тут же наигранно вскакивает и, по всей видимости, желая уйти, кружит по комнате в поисках плаща и зонта (они у входа на вешалке), но вдруг – возможно, не желая больше слышать моих нескончаемых сбивчивых уговоров, а может, просто сжалившись надо мной, – все же соглашается освободить меня от злополучной, непосильной для меня способности. А теперь, следуя все тем же его условиям, я должен выйти на улицу, и будто бы там я окончательно освобожусь от его колдовства, которое он насмешливо называет подарком.

Я лечу вниз по узкой гостиничной лестнице, усталой новой красной дорожкой, везде чисто прибрано, цветы в больших вазах, чистые занавески и все такое прочее, я едва не падаю в обморок от головокружения, – я счастлив, как будто мне только что отменили смертную казнь. Я выбегаю на улицу, заглядываю в глаза прохожим, улыбаюсь им... И вдруг понимаю, что в который уже раз за эту ночь проделываю одни и те же бессмысленные действия. И начинаю догадываться, что, как бы я ни поступил, по какой бы улице ни ходил, какую бы дверь ни открывал в любом из домов этого города, – я снова и снова буду оказываться в этом мрачном гостиничном номере, буду встречать там таинственного незнакомца, и он раз за разом – поди узнай, по какой причине – будет отправлять меня по этому запутанному, нескончаемому и заколдованному маршруту.

Полет

Удаляясь за постельными принадлежностями в комнаты, хозяйка оставила меня в передней – возле лестницы с крутым изгибом, ведущей в мансарду. В открытую дверь я увидел приготовленную для сна кровать, куда от смущения юркнула под одеяло девушка в короткой ночной сорочке телесного цвета и, сейчас же высунув голову, с любопытством посмотрела на меня. Того, что я успел заметить – сильные красивые ноги, гибкое тело, ниспадающая на глаза челка, из-под которой на меня с интересом глянули черные глаза, – было достаточно, чтобы потерять самообладание в моем молодом возрасте, когда кровь волнуется любая симпатичная девушка. Если я верно себе представляю невесомость, то, вероятнее всего, я попал именно в такое состояние, но для большей ясности происходящего я бы перенес это состояние в область сновидений, потому что в тот же момент потерял всякую связь между моим нахождением в

том месте, девушкой и причиной, что меня сюда привела. Неизвестно, сколько я находился в бессознательности, потому что успел пережить невероятное число прекрасных видений, да и возникший вновь голос хозяйки произнес, что чего-то не находит, и вполне возможно, что это «чего-то» она искала долго. «Э-э, не смотрите, – сказала она, закрывая передо мною дверь, – не положено, утром она уезжает, каникулам конец, а то разве сдала бы вам комнату, не тут-то было, держите карман шире – знаю я вас».

Проводив наверх, хозяйка уведомила меня, что кровать поставим только завтра, одну ночь можно провести и на раскладушке, ничего со мной не случится, раз напросился. Сам виноват, что мне негде ночевать, ведь сказано же было – только с завтрашнего дня сможет принять. Раскладушку попросила у соседки, так что обращаться с ней осторожно – на край не садиться, резко не ворочаться, не прыгать, а то она всякого насмотрелась. У изголовья ночник, он достаточно яркий, при нем можно читать. Окно, если холодно будет, закроете. А книгу здесь любую можно написать, даже самую лучшую в мире, в этой части района всегда тихо и спокойно. Вот шкаф, вот стол, вот лампа настольная, вот кресло, даже ковер с осенью и улетающими птицами – что еще нужно молодому писателю для работы? – была бы голова на месте.

Я улегся и долго подыскивал телу удобное положение, вспоминая, что с детства не приходилось спать на раскладушке. В постель взял сборник рассказов Кортасара «Вне времени», но не читалось – не выходила из головы дочь хозяйки. Тогда я положил книгу на пол у раскладушки и выключил свет, с удовольствием соглашаясь с мыслью, что только женщина может отвлечь меня от чтения любимого писателя. Глядя на скошенный потолок, мастеровито раскрашенный фосфоресцирующей краской под звездное небо и таинственно мерцающий от лунного света, я подумал, что на самом деле волшебством можно назвать только ощущение от прикосновения к женщине, и ничто другое не может быть названо таковым. Во всяком случае, волшебством высшего порядка, настоящим, истинным, – ибо оно ни с чем не сравнимо, а сила воздействия на мужчину никоим образом до конца объяснена быть не может. Удивлялся, как можно быть серьезно поглощенным чем-то другим, нежели любовью к женщине, и считал всякую жизнь, даже самую героическую, лишенной смысла без женской привязанности.

Усталость начала меня одолевать, и последняя мысль, воплощением которой, без сомнения, выступала дочь хозяйки, стала смешиваться с другой, принимающей зримые очертания. Я стоял в проеме окна, окно находилось в каменной квартире, квартира была вырублена в скальной огромной стене, а в скальной той стене – невероятное количество таких же квартир. Она неожиданно появилась из сумеречной глубины комнаты, безупречно нагая, сияющая необъяснимой радостью, и пред-

ложила полетать. Только тогда я заметил, как изо всех окон вылетают пары и устремляются в небесные выси, причем все обнаженные, один лишь я одет в какое-то жалкое тряпье. Страх перед высотой был неподдельным, не из мира снов, а являлся давнишним и устойчивым моим пороком, преодоление которого не представлялось возможным. Но меня кто-то толкнул сзади, и я накренился вперед без вариантов за что-то уже ухватиться, но она в тот момент взяла меня за руку, и мы полетели. Далее я боролся уже не со страхом, а с тем неожиданным восторгом от полета, который чересчур сладко обжигал мое сердце и внушал опасение внезапной смерти.

Мы отделились от других и, взяв направление к огромному зеленому массиву, очень скоро оказались над ним. Тут она сказала мне: ну что, нырнем туда? – и, не дожидаясь моего ответа, она спустила нас вниз, под тенистые своды могучих вековых деревьев. Мы летели через летний густой лес, и мне казалось, я понимаю душу леса – всех его обитателей и всех растений, слышу движение соков, тайную жизнь зверей и все запахи цветов по отдельности. Мы неслись, не огибая стволов деревьев, а прямо через них, как будто наше счастье позволяло нам безо всякого для себя ущерба нарушать все существующие в природе физические законы. На одной из опушек мы взяли круто вверх и вмиг оказались среди застывших на небе облаков, прорезаемых лучами солнца. Здесь творилась самая настоящая жизнь: солнечный свет оживлял их становище – он играл с облаками, заставляя их то улыбаться, то грустить, то красоваться друг перед другом своими красочными подпалинами. Было не счесть обилия и разнообразия цветовых оттенков, ставших вдруг доступными нашему взору. А внизу нам открылся немыслимой величины океан, который также затевал с нами игру своими бликами. Мы приближались к самой воде, дразнили высокие волны, касаясь их гребней пальцами ног, а они неотступно повторяли за нами броски, чтобы схватить и сделать своими пленниками. Но мы без боязни их седлали и катались на них, пока занятие это нам не надоело. А потом мы встали над бушующим океаном и сладко целовались, не зная ни времени, не имея никакой иной цели, безотчетно проваливаясь в бездонные глубины наших наслаждений. И ее беззвучный голос мне любовно сообщал, что она – с земли, а я – с неба, и с меня все еще сыплются неостывшие осколки далеких космических миров.

Трудно сказать, где нам пришлось еще побывать, опасение примешать сюда воспоминания из другой жизни удерживает меня от искушения продолжить описание нашего воздушного путешествия. Невозможно забыть лишь последнее место пребывания – высоченную гору, встретившуюся нам на пути. Ночь казалась одинокой, как одиноки во Вселенной были в тот час и мы, взлетевшие по какой-то причине сюда, – должно

быть, в последний раз взглянуть на густое звездное небо и на спящий мир людей. Она поставила меня на самый пик вершины, который и в самом деле был заострен и больно покалывал мою ногу. Легко удерживая равновесие, я глянул вокруг, затем навверх – и сердце мое чуть не выскочило от красоты того, что предстало моему взору: мир, в котором я живу, и жизнь моя показались в эту минуту необъятно величественными, как воздух, как свет солнца, как звездное небо надо мной. О своем восторге я хотел сообщить моей спутнице, но ее нигде уже не было видно. И только тогда я впервые подумал о том, что в продолжение всего нашего путешествия она держала меня за руку, а сам я, оказывается, летать не умел. Я стал лихорадочно искать ее в надежде на помощь, и в какой-то момент глянул вниз – я теперь стоял не на вершине скалы, а на шатких стульях, поставленных один на другой. Они поднимались от земли, которую из-за мрака не было видно, до самого того места, где я продолжал оставаться. Разом погасли звезды, пирамида из стульев накренилась, и я начал падать в холодный бездонный мрак...

Открыв глаза, я тут же включил свет и обнаружил: раскладушка раздавлена, опорные ее ножки, сорванные с фиксаторов, пластом лежат на полу, в нескольких местах разломан сплюснутый алюминиевый корпус, а из рассеченного моего лба на обложку книги мерно капает темная кровь, быстро холодеющая на осеннем предутреннем воздухе.

Вселенский маятник

Если, как говорят, это явление не могло произойти на самом деле и является исключительно моей фантазией, то почему оно всплывает в памяти в течение всей моей жизни и каждый раз подолгу меня преследует. А ведь я точно помню (поди пойми, почему я могу это помнить), что мир в тот момент дрогнул и довольно ощутимо качнул мою колыбель. Впрочем, меня мог потревожить и обыкновенный ветер, залетевший в открытое окно и ударивший о дощатый бок моей качалки, чем привел ее в движение. А может, то был даже не ветер, а старшая сестра, которая, проходя мимо, из вредности наступила на дугообразную ножку люльки, чтобы вывести меня из безмятежного сна. Так или иначе, меня качало из стороны в сторону в такт Вселенского маятника, и увидел я мою жизнь с самого ее начала до последних своих дней. И потому имею смелое предположение, что вместе со мной – уже с взрослой ясностью – проснулся мой младенческий мозг и совершил невероятный кульбит во времени и пространстве.

А увидел я мою жизнь в том виде, в каком едва ли кто из смертных мог видеть свою: в самом невообразимом ее разрезе, с ярким строем событий, которым не суждено произойти, с густым перечнем мельчайших подробностей, которые обычно не видны даже вблизи – в момент их

проживания. Но опустим мелкие подробности за их незначительностью, хотя именно они придают аромат нашему существованию и делают его течение по-настоящему полным. И в самом деле, не таков я должен быть человек, чтобы мерить себя пригоршнями, пусть даже наполненными домашним уютом и тихой радостью – мне подавай полмира и королеву в придачу, а с ними и все удовольствия.

Поэтому я смотрел картину жизни, не веря глазам: я не находил той единственной, которую назвал своею в первую же нашу встречу и которая должна была украсить мой героический путь, – значит, она будет не моею, значит, она составит счастье кому-то другому. Не успел я пережить горечь этого открытия, как дальнейший ход маятника известил меня о том, что, несмотря на обещанную мне свыше избранность, я не буду самым умным, самым мужественным, самым любимым. Я, оказывается, внешне проживу обычнейшую жизнь вопреки бушевавшему во мне океану страстей, вопреки смелым мыслям, вопреки грандиозным планам: меня не ожидают ни олимпийские вершины, ни успешная дипломатическая карьера, ни богатство делового человека, хотя в каждом из этих направлений меня ожидала удача, решишь я им себя посвятить. Я буду чем-то вроде пороховой бочки с подведенным к ней фитилем, к которому так и не поднесут огня за всю мою жизнь.

Я внимательно следил за движением Вселенского маятника и все больше убеждался, что не будет в моей жизни ни бело-голубых яхт с красивыми девушками, ни веселых и знаменитых друзей, ни праздничных брызг шампанского в их честь. Я не найду в ней ни роскошных особняков с доброжелательными гостями на просторных террасах, ни славы, ни уважения, ни восторгов поклонников, не почувствую даже значимости своего пребывания на земле.

А что же будет? Судя по неумолимо-леденящему ходу маятника, будет то же, что и каждый день: тяжкий и неблагодарный труд, ничего в том труде не смыслящее мое окружение, непонимание близкими того, что занятие это я себе не подбирал, но осужден на него некими высшими силами, и мучения эти – всего лишь от способности составлять реестр движений человеческих душ, дарованной мне неизвестно кем и для какой цели. Но неужели, подобно Люциферу, создавшему и раскачавшему Вселенский маятник с целью узнать о самых первых минутах сотворения мира и о том, что будет после его крушения, мне тоже так и не удастся понять ни смысла своего чудесного появления на свет, ни того, что будет со мной после конца истории?..

Тakhir ТОЛГУРОВ

Тakhir Зейтунович Толгуров родился в 1964 году в селении Яникой Чегемского р-на КБАССР, учился в СШ № 2 столицы республики, окончил историко-филологический факультет КБГУ.

Поэт, литературовед, член Союза писателей России.

Живёт и работает в г. Нальчике.

НАЛОГИ, БУЛЫЖНИК, БУДЁНА

Рассказ

Всё началось с Буденного. С того самого, с Семёна Михайловича. В начале двадцатых большевики поняли, что коммунизм как-то медленно прививается на Северном Кавказе. В смысле – плевали на Северном Кавказе на коммунизм, заодно и на Маркса с Энгельсом. Зачем они нужны, если и так скотины вдоволь? Идеология у населения, соответственно, какая-то скотоводческая, пополам им мировая революция. Чтобы дело поправить, Советы решили горянкам подола укоротить. Комиссары люди тёртые – знают куда бить.

Постановили открыть в Нальчике Ленинский учебный городок. Курсанты, парады, марши, доклады, доносы, борьба с отсталостью, раскрепощение женщины, куцые гимнастические трико... По всей стране это шло, не зря через несколько лет Павлик Морозов объявился. На митинг по поводу будущего открытия Будённый и приехал. А Нальчик, как все города на Северном Кавказе, – линейная крепость, поставлена она сто лет назад. К приезду Семёна Михайловича была здесь одна мощеная, имени Воронцова, улица и несколько просек между хибарами со скромными названиями – Степная, Песчаная, Базарная...

Командарм митинг открыл, закрыл, посидел за столом с местными, повели они его красоты осматривать. Ходил, ходил по Воронцовской – она как раз от еврейской колонки и Астраханки в ЛУГ¹ упиралась, – и видно, что не допил. Молчит, усы топорщит, физиономия красная, главное, кровью всё больше наливается. Эдыкович² понять не может – что не так? Будённый, правда, быстро его любопытство удовлетворил. А ну-ка, говорит, трибуну мне на площадь, речь хочу сказать.

¹ ЛУГ – Ленинский учебный городок.

² Бетал Эдыкович Калмыков – первый руководитель Обкома Кабардино-Балкарской Автономной области.

Площадь была одна, базарная, там сейчас кинотеатр «Победа» стоит. Сколотили ему насест, людей собрали, Будённый на него взгромоздился, оглянул трудовое крестьянство выпученным глазом, начал шашкой трибуну рубить. И рычит: «Вы же горцы, джигиты, не сукины дети!»

Калмыков к нему, да ты что, Семён Михайлович, где неувязка? А тот поуспокоился и говорит: «Не город – открытка, тачанка на рессорном ходу». Ну, и?.. «Почему в таком красивом месте главная улица названа именем кровососа и эксплуататора, врага мирового пролетариата князя Воронцова?» Собрание плечами пожимает. Стукнул он по трибуне, доски проломил: «Пусть народным именем называется. Пусть будет Кабардинская!».

Веселье, танцы, стрельба. Детей тут же переименовали – штук двадцать «Будён» разом появились, старший, как рассказывают, лет четырнадцать к этому моменту Исмелем проходил. Порадовались, разбежались, и командарм уехал.

Потом начинаются проблемы. Бетал Эдыкович на такие дела очень чуткий был. С одной стороны – да, название народное. Но только с одной стороны. Без советского, нового, светлого, не народное это уже, а чистой воды национализм, за него Владимир Ильич совсем недавно столько голов снёс, что и начальники иной раз крестиком расписываются. Без всякой шашки.

Выход один – все эти песчаные и степные сделать Советскими и Октябрьскими. Это недолго. Другой вопрос – как они со своей дореволюционной слякотью по-новому называться будут, всяческому поношению власть подвергая и областное руководство под цугундер подводя. Мостить надо. Хотя на Кавказе камня много, одними субботниками его столько не натаскаешь.

Эдыкович долго голову над этим не ломал. Созвал партийную пичугу: думайте, у меня поважнее дела есть. Тут к нему подходит инструктор – Ибрагим Кангауров – из бывших. Калмыков сам хотел куда подальше его послать, в какую-нибудь СПШ¹, чтоб глаза не мозолил ни ему, ни другим урожденным революционерам, но раз напросился – почему бы не озадачить? Ибрагим спрашивает, когда эта радость с ним случится, Бетал отвечает, что Большой Малкар без персонально ответственного остался, знаешь же, пристрелили. Разовое задание: пусть они под честное слово полдюжины подвод булыжника привезут, и заодно недоимки по налогам собери. Тут же в Ростов на учёбу укажишь. На белом фаэтоне.

Он не просто так белый фаэтон помянул. У Ибрагима с Большим Малкаром отношения сложились особенные. Как-то он туда именно на таком заявился – по случаю. Фаэтон фаэтоном, чёрт с ним, но ещё и в белой паре. И пиджак белый – оно как бы ничего, балкарцы сами сверху

¹ СПШ – советско-партийная школа.

могут надеть светлое. Однако белые брюки – явный перебор, признание собственной юродивости.

В общем, в Большом Малкаре Ибрагима по имени никто не называет. От грудничков до старух, молящихся на щепки священного дерева¹, все его знают как «Белоштанного». И отбрезаться от клички можно где угодно, только не там – их языки острее. С малкарскими даже за столом не посидишь, не поешь, не попьешь, на втором тосте живот сводит от бесконечного ржанья. Вот вроде «Белоштаннный» – ничего особо веселого. Однако – кто как произнесёт. Малкарцы так выговаривают, что ишаки в голос смеются, и любая попытка отшутиться меняет и пошив, и назначение отдельных деталей.

Ещё недоимки. По недоимкам на кривой козе не подъедешь. Это же малкарские в Екатериноградской перед Первой мировой цыганам табун продали. Те Чикуку – бедолаге сельскому – мерина впихнули, он до села не доковылял, на бричке животину привезли. Люди рассердились: «Ах, так!» – и впарили табору целый косяк лошадей на выпас и на племя. Какое племя?! У них выпас называется «Прощай, Родина!» – аргамаки ноги переставляли только в направлении вечных пастбищ. Даже этого мерина перебрали, надули и вернули обратно.

Поэтому до места Ибрагим Кангауров добрался, никаких надежд не питая. Просто в порядке партийной дисциплины. Прошёлся туда-сюда, выслушал все новости про белые штаны. Выяснил, что с завтрашнего дня голодный мор начинается, налоги платить нечем, долги – не имеет смысла.

А сбор «Бийяхим»², – старый Чикук, как бывший комдив и личный друг товарища Сталина, популярно ему объяснил, – платить вообще нельзя, зря, что ли, горячую красноармейскую кровь проливая, они «биев»³ прогнали.

Про булыжник Ибрагим даже не пикнул, распрощался с мечтой об учёбе и тронулся в Нальчик. Сбоку, с кошар, Магомед Энеев спускается – второй секретарь обкома. Что, спрашивает, сын Кангауровых, грустный такой? Да вот, один-три, семь-девять. Тот бровями пошевелил, ухмыльнулся: «Ну-ка, давай обратно вернёмся».

Подъехали к сельсовету, Магомед спрашивает: «Что это у вас флаг висит, на свободном ветру новой жизни не развевается? Совсем уважение к Советской Власти потеряли?» Ему: «Ветра же нет, Магомед Алиевич!» Секретарь руки в бока упёр: «Т-а-ак... Общий сход сюда, перед сельсоветом. Прямо сейчас! Налоги собирать буду». Столик ему вынесли, перед крыльцом поставили, красным сукном, ясно, накрыли.

¹ После того как эфенди Али Энеевым в борьбе с язычеством было срублено священное дерево балкарцев – Раубазы, – многие пожилые женщины хранили в домах его щепки.

² Общество «Авиахим».

³ «Бий» – князь.

Народ собрался. Энеев маузер на столик положил и начал налоги собирать. Не все – промысловый и сборы добровольные, говорит, пока держите. А Большой Малкар место такое: здесь и киизы¹ валяют, и бурки, и кожи выделывают, и сёдла с обувью шьют, и сукно ткут, и черкески кроют.

Два часа прошло – деньги на столе. Ибрагим их в портфель сложил, секретарь маузер в кобуру спрятал. Народ стоит, Энеев всех взглядом обвёл и спрашивает: «Ему почему не сдали?» Помолчали, потом сзади кто-то: «Да он как-то мутно объясняет, чего хочет. А ты всё понятно сказал!» Тут и Энеев, и Кангауров, и сельское начальство смеяться начали, а потом весь сход в хохоте зашёлся.

Магомед отдышался и объявляет: «Промысловый налог и сборы на общества Советская Власть вам прощает!» Все замолчали, в тишине Чикук: «И «Бийяхим»?». – «И «Бийяхим» тоже!»

Объявил секретарь два дня выходных, засобирался. Ибрагиму сказал, чтоб не торопился, отпраздновал с народом и подумал о камне. «Я, – говорит – уезжаю. В Чечню. Не складывается у меня с Эдыковичем. Так что – за промысловый и «Авиахим» смело на меня вали. Всё равно – мне ещё в Безенги и Чегем, пока в город вернусь, Калмыкову десять раз настучат. А камень, – он кивнул на стариков, довольно улыбававшихся на огонь под казанами, – смотри: это же балкарцы! Чистые медведи – тяжело поднять. Зато такие же любопытные». И смотрит на Ибрагима.

Кангауров на дедов уставился, в голове у него что-то брезжит. Энеев улыбнулся: «Ладно, давай. Помни – они не просто балкарцы. Малкарские. Если к их любопытству интерес прибавить, они тебе все скалы до Нальчика выстригут и, как рафинад, распилят на плитку. Только не торопись. Подожди, пока груша не забродит». Попрощался с людьми, сел на коня и уехал.

Груша... Осенью медвежатник присмотрит одинокую грушу на склоне, пристроится где-нибудь подальше и ждёт. Медведь приходит, сгребает падалицу в кучу, садится на задницу и ест. Червивые, совсем гнилые и целенькие выбрасывает. Берёт горсть на левую ладошку – если правша – когтем правого мизинца неудобное скидывает на землю. И в пасть. Предпочитает с лёгкой гнильцой. Налопается и – в ближайший буерак, спать. Потом ищет, чем бы побуянить – камни катать, пни выдирать или песни орать, каким-нибудь расщепленным стволом себе аккомпанируя. Это значит, что груша уже и забродила, и по мозгам ему дала. В этот момент его, тёплого, знающий человек берёт – совсем без хлопот.

Советы сухой закон всего неделю как убрали, но малкарские, видать, заранее знали, что его отменят – в подозрительных количествах у них было водки выгнано, пива наварено. Так что Кангаурову до первых споров

¹ Кииз – национальный балкарский войлочный ковёр.

о способах заточки ножей ждуть пришлось всего ничего – три-четыре вопроса о белых брюках. Потом выясняли, какая награда почётнее – «Георгий» или «Красное Знамя», до обороны Порт-Артура добрались и Темир-Аксака¹ вспомнили.

Утром безбородый Ахмадия заинтересовался налогом на скотину, взбудоражил народ, и малкарские решили от РСФСР отделяться. Кангауров, как работник обкома, попытался утихомирить сельчан, но на его беду Мухаммата по кличке «Гимнас» водкой обнесли, и он ещё присутствовал.

Мухаммат ещё до того, как пегий бугай у мельницы боднул пристава, в Ставропольской горской гимназии сторожем работал – кличка оттуда. Нахвтался разного, русский язык знал и не упускал случая щегольнуть эрудицией. Только Ибрагим речь начал толкать, только по столу хлопнул, коммунизм, де, это хорошо, как сволочной дед его перебил.

– Коммунизм, – вякнула эта интеллигентская физиономия – это плохо!

Кангауров сразу подкинулся: «Ах, ты, престарелая контра!» Его схватили, тихо, кричат, сиди, человека послушаем, может, чего нового скажет, а то все вы, большевики, одно и то же талдычите. А Гимнас ещё и скривился – знаем, что он за большевик, удобно устроился – при белом царе, значит, уздень², а Советы пришли, так сразу переметнулся.

Потом встал, усы разгладил, ладонями в стол упёрся, как Серго Орджоникидзе на пленуме, и агитирует: «Кому низом это плохо! Кому верхом – вот хорошо!» Все притихли на пару секунд и как взорвутся! Ты что, старый, до детства дожил, что ли? Это слово совсем иное значение имеет. А другие – почему же иное? Слова так просто не придумываются, если есть смысл в слове, значит, неспроста он. Развернулась дискуссия.

Про Ибрагима забыли. Сидит, головой вертит и понимает, что груша забродила. В разборе, кому верхом хорошо, а кому низом плохо, до коров с быками добрались. Раз балкарцы до глубинного смысла слов начинают доискиваться – точка! Во-первых, надолго, во вторых – их на что угодно подписать можно. Выбрался он из-за стола и потихоньку спустился к речке, прямо перед сельсоветом.

Ходит вдоль кромки, камни ногами шевелит, иные в руки берёт. Постучит друг о друга, прислушается к звуку, головой покачает, бросит, новые голыши поднимет. С полчаса так ваньку валял, и вот – кроме журчанья воды, ничего не слышно. Малкарские уже не спорят, сгрудились вдоль обрыва, за Ибрагимом наблюдают.

– Что с ним? – один спрашивает. – Умом тронулся?

– Давно тронулся, – это Мухаммат свой единственный зуб выставил. – Как его партия не раскусила?

¹ Темир-Аксака – «железный хромой», Тимур, Тамерлан.

² Уздень – дворянин.

Постояли, помолчали.

– А что он всё-таки делает?

– Кто его, полудурка, поймёт... С такими штанами вместо мозгов суслики заводятся!

– Да-а... Жалко. Род хороший – и такое несчастье.

Но не уходят. Кангауров пару камней выбрал, к сельсовету поднялся, удивленно воззрился на людей – что это вы столы бросили? Все расселись. Ибрагим ещё стопку поднял, у старшего стола отпрашиваться начал. Да, спохватился, забыл спросить, как насчёт отделения, что решили? Отделяемся, власть сама сказала, что свобода, отделяемся, царю да князьям меньше отдавали. Хорошо, ваше право, а я поеду, срочно в обком надо.

Ахмадия́ ему в глаза заглянул – с ябедой торопишься? Ибрагим нахмурился, с серьёзным видом о Будённом рассказал, об огромной нужде в булыжнике – именно таком, что он сейчас на берегу подобрал – о том, как завтра в Нальчик из всех сёл люди вызваны будут, чтобы знать, какой именно доставить надо. Вздохнул, пожалел, что кому ни попадя, и собакам, и их блохам, заплатят большие деньги, а малкарским ничего не выпадет – они же теперь не в РСФСР – сделал ручкой и уехал.

Вот, собственно, и вся история. В результате двух застолий произошло множество событий. Сколько улиц! Всю революцию и Советскую власть в Нальчик вбили, как штык в тело мировой буржуазии. Новое имя прижилось. Местная ономастика и так радовала «Туземами», «Японами», «Инженерами», «Фотогенами», «Орловыми» и «Тушками». Теперь «Будёна» появился.

Все октябрьские, революционные, советские замостили. Камень-то на месте, уже привезли двести подвод. Ибрагим Кангауров в Ростов на учёбу направился. Вечером того дня, когда он булыжниками постукивал, уехал. Не на белом фэтоне, конечно, зато быстро, с гарантией не попасть под горячую лапу – когда медведь злится, героя из себя корчить не стоит. Лучше убежать.

Малкарские в стране остались. Уговорились, что сначала деньги получают, после выйдут. А там пошло, поехало – восстание¹, колхозы, война, потом выслали балкарцев, потом вернули. Строиться надо с нуля, обживаться, подниматься. Некогда было суверенитетом баловаться. Так Малкар в составе и пребывает.

Праздник этот двухдневный Магомеду Энееву черту подвел, махнул он на всё и в Чечню подался. Как с Эдыковичем за прощённые налоги разговаривал, никто не знает. Но с Большого Малкара промысловый долго снимали как с обычных сёл. А это, при их оборотах, даже оскорбительно. Ну, они обиду проглотили, продолжали работать и зарабатывать. Может, поэтому только там до сих пор киизы с бурками катают.

¹ Антиколхозное восстание Ако Гемуева.

Константин ЕЛЕВТЕРОВ

Константин Николаевич Елевтеров родился в 1965 году в Нальчике. Написал (1992) и издал (1996) одну книгу. Работал литературным редактором в газетах, журналах, издательствах, информагентстве, продолжает сотрудничать с «Литературной Кабардино-Балкарией» и «РИА КБР». Женат, трое детей.

КОВЕР

Глава из романа

Не избегайте услуг настройщика, но прибегните к ним.

Саша Соколов

В конце романа герой, который жил на всем его протяжении, вздрогнув, умер, хотя на первый взгляд идет в шерстяных носках из комнаты в коридор. Его положение не лишено интереса, но бумага вдруг кончилась. Сегодня хорошая погода, солнце гладит каждую пылинку большой и высокой комнаты.

В начале же Алексей Николаевич, или до рассвета его можно называть просто А., спит на полу у открытой форточки, слышит запах гари, с которого все начинается, встал и намерен выглянуть во двор, но сначала А. открывает окно. Здесь важно то, что он еще не вполне проснулся. Потому все существует в меньшей степени, чем обычно, хотя нельзя сказать, что вовсе не существует. Комната пуста.

В середине пока туман с медным оттенком лица, слышны мирра и ладан, сырая кровь и толченное стекло. Все объяснимо только одним, что А. долго ворочался и называл горячей подушку, обижался на стены, вздутые виски и собачий лай под окном, вспоминал крошки алого лака на ногтях матери, дышал шерстью, пел песни и был уверен, что заснуть в новой квартире не сможет, но не дослушал последнюю жалобу, вздрогнул, забыл начало ее и лежит на полу в позе бегущего лицом вниз от холодной кошки, и текст между стертými его лопатками вывернут в сторону Элевсина.

И видит оранжевую виноградинку, ставшую вторым сном.

И не надо через порог, мальчик, только не надо через порог, мальчик.

И вечно ломается грифель.

Хорошо, говоришь себе, грифель опять сломался. Что же подушечки пальцев твоих слышали еще, кроме треска, цветных крошек, когда

хотели наточить конус ровно и чисто. И заново резать лезвием от себя, и рвать дерево в клочья.

Хорошо, тогда раньше бумаги. До начала карандаша. Грифель сломался, так было и стало. Сегодня сегодняшней день. Еще никто не научился ходить. Один. Шесть. Три. Еще бескровные ноги вытягиваются к огню. Кров с потерянным мягким знаком. Обувь с потерянным языком. Колокол смеется без языка. Еще ввинчивается в подъезд, куда ты бежишь и где тебя защитят, холодная лампа. И на пути вылит клей. И слепотой оплачен приют. Дом, ты слышишь, нужен просторным и чистым, но форму рисуют помимо плоти, грифелем скрипки, гриф в воздухе когтем. Потому подушечки пальцев твоих не в силах, что наточить грифель не может клюв.

Хорошо, тогда омой меня кровью, я выйду на кровь. Не бойся. Не бойся. Скажи Элевсин. Расковыряй подушечку большого пальца, чтобы все смеялись. Прими эту историю внутри сна, когда плохо клеил и рисовал, сломал карандаш, получил двойку и весь урок плакал, расковыряв подушечку пальца, за правый глаз кошки, которая помнит тебя смеющимся летним днем. Голого во дворе. Или нет, я буду пускать пузыри, сначала буду над виноградным ковром поющие крылатые пузыри, но кто же тогда рисовать из большой, какой еще, тебе страшно открыть глаза. Гриф здесь. Из большой коробки с карандашами, когда устанешь и, как мертвый, свернешься клубком в углу, возьми, возьми карандаш. Ты один. Кто нашарит его пальцами, выцарапает из большой, она всегда была большой. Грифелем вниз опустит. Все начиналось с пузырькой и дальше карандаши. И пузыри тоже были цветные во веки веков. Никто не помнит, какая у них коробка.

Днем, пока не настала минута, когда А., стуча уже за полночь холодными пятками по линолеуму и наступая на бутербродные крошки, нес матрас в угол, который сначала выбрал, долго искал в новой квартире место, блуждал по комнате, глубоко дышал, бормотал. Сварив кофе, возвращался. Ситечко выше края наполнено гущей, будто вырылся крот. Горячую чашку потом прижать к центру лба, покатавать по краям и еще успеть к темени. Важным в существе его бормотания было не содержание фраз, мутное и случайное, но темп, главным образом медленный, поскольку нужно унять сердцебиение. Моет чашку холодной водой. Бросает матрас к одной стене, к другой, снимает шерстяные трико и куртку, укладывается, шепчет под потолок стихи между одним и другим проклятьем. Я должен жить, хотя я дважды умер. Снова встает, ежась от холода, оделся, перетащил матрас вглубь, лег и утих, пробуя расслабить веки. А город от воды ополоумел. Матрас, одеяло и две подушки единственные предметы в комнате. Что еще о комнате, потолки. Это все время будет повторяться, что высокие. Если от пола смотришь, на тебя тоже смотрит холод. Собака за окном лает, перестает. Опять лает.

Горячий гул в голове прямо связан с тем, что шевелится в его ритме челюсть, и мысли как бы дожевываются зубами. Встает, включил свет, чтобы защитить себя от неверного положения перед внутренним центром комнаты, который никак себя в эту первую ночь, конечно, не определяет. В прохладную майскую после дождя. С высокими потолками. Окна второго этажа выходят во двор, и можно легко дотянуться до ореховой ветви и стряхнуть завязь. Сколько мог проследить А. по опыту своего обустройства на той или иной территории, она смирялась с его присутствием и переставала давить его воздухом дня через три. Свет выключить. Вернувшись, наконец, в левый угол от окна, который выбрал сразу, но не поверил себе, шумно выдыхает, бросил матрас в красную полосочку к стене, чтобы взбить его и улечься, поджав одну ногу и закрыв голову подушкой, и сейчас начнет вспоминать лак на ногтях, днем же Алексея Николаевича можно было увидеть идущим мимо почты с женщиной в белом плаще. Если встать спиной к милиции и сберкассе и успеть разглядеть сквозь начинающийся дождь и бегущих к троллейбусу прохожих, как юная женщина держит А. под руку, а он смотрит вниз, прежде чем они исчезнут за углом и потом, еще раз повернув налево, купят в киоске макароны и сыр, то можно будет для лучшей работы печени отметить, что дождливая погода портит уже вторую майскую неделю, однако не отменяет весну как факт. Это впечатление относительно Алексея Николаевича и его легконогой спутницы очень быстрое, поскольку выглядят они, не свернув еще за угол, на самом деле трогательно, прижавшись друг к другу под огромным цветным зонтом. Из фильмов про средиземные пляжи. Далее асфальт возле почты залит лиловым и картина пустеет, но место продолжает дышать и источать силу. Скоро выйдет солнце. Таких мест немало в маленьком городе ближе к югу. Уехать отсюда Алексей Николаевич давно не мечтает, что лишний раз проверил полгода назад, навещая родителей в северной части Греции. Что там фильмы. Греция понравилась до слез, хотя все время были дожди и холодный ветер, отчего он полторы недели пролежал с обострением радикулита, читая Гоголя и не переставая наслаждаться первым в жизни выездом. Понравилась всем телом еще в самолете, когда внизу явилось море с барашками, и Афродита вынырнула по пояс. И прочие боги оказались здесь же, и воздух необыкновенно звучал, и люди были детьми. Жили как танцевали. Но себя Алексей Николаевич не мог найти среди них нигде, и через два месяца захотел в немытую Россию, где маленький южный город любил его с первых дней жизни и узнавал каждым камнем.

Вечером, когда сумерки начали окутывать Алексея Николаевича знакомой тоской вокруг горла, подруга его отвлекла. Испугала гулким телефонным звонком в необжитом доме. Телефон и телевизор он перевез вместе с посудой и постельным бельем раньше мебели и остального, при этом впереди себя на всякий случай пустил шофера с коробкой, а

входя сам, шепотом поздоровался, называя все вокруг средой обитания как черновой вариант, пока не прояснились черты нового жилья, после чего можно будет, к примеру, знать внутренний возраст территории, ее характер, а также, самое главное, какую она предусматривает степень защиты и можно ли ее усилить. Все вещи свалил в дальнюю комнату, оставив в ближней только матрас, одеяло и две подушки. Когда за шофером закрылась дверь, немного посидел на коробке, обхватив голову. Достал мятую пачку «Чибо», сварил. От холода натянул на себя три пары носков. Опять сказала, что это Ника, добрый вечер, и он в двадцатый раз улыбнулся, повторив, что представляться не нужно. Ну я привыкла так, в двадцатый же раз ответила Ника, играя рыжим завитком и, видимо, сидя на тумбочке возле кровати, и застелена кровать, скорее всего, зеленым пледом. Расходящийся на бедрах махровый халат, вероятно, белый. На подушке третий том Кортасара. Просила что-нибудь почитать. Гелем для душа пахнет вся, и пальчики ног девятнадцатилетних начнет лаком расписывать, когда положит трубку. Спальня полна нефункциональных предметов, вазочки и картинки, много розовых пятен, или даже все наоборот, пространство решено в синих скупых тонах. Алексей Николаевич, сидящий на полу с телефоном на коленях, там не был и никакого желания знакомиться с мамой не имеет. Идет, правда, отличный футбол, «Реал» и «Манчестер», и он не слишком деликатно по ходу разговора причмокивает и вскрикивает, глядя издали на экран, но трижды уверяет Нику, что она нисколько ему не мешает, поскольку портить о себе впечатление еще рано. К своему крайнему удивлению, болеет за «Реал». Всегда любил англичан, но «Манчестер» теперь настолько силен и выигрывает все подряд, что ему уже нечего пожелать. С «Реалом» все не так ясно. Игра Алексея Николаевича с жизнью в жмурки все более смещается на юг. Не в том дело, что холод он всегда переносил плохо, а огню готов был всерьез поклоняться, но в том, что бразильские, например, карнавалы его стали волновать до такой степени, что в этом направлении подозревалась главная правда. И ругал себя, что на первый план она стала выходить после тридцати. Сколько времени убито на дурацкие искания того, что имеешь. Поэтому пусть его «Реал» с Альмодоваром, а девушке на подушку Кортасара. Горячее во всех видах полезно вплоть до пепла. Рассеянно продолжает объяснять в телефонную трубку, что любовь это страна, где слова исключены. Когда начинаешь разговаривать, и даже в широком смысле можно зачерпнуть эту проблему, не просто разговаривать, а целиком погружаться в горизонтальные связи, над которыми нет музыки, страну эту покидаешь. Миры не смешиваются. Ника молча слушает в волнении. Она работает художником по костюмам в маленьком театре. Их подвальчик недавно сгорел вместе с костюмами. Алексей Николаевич пришел посмотреть на пожар вместе с другими интеллигентными людьми, и Ника там как раз

плакала. Ему вообще нравились женские слезы, к тому же ребенок был длинноногий и загорелый. Свободно входить в любовь и выходить из нее получается, когда осознаешь, что любовь есть внешняя сила, которая тебе не принадлежит, внешний поток, данный как истина и полный объем реальности. То есть кроме нее просто нет ничего. Все, что выглядит не как любовь, это неверно сфокусированная любовь. Принимающая негармоничные формы. По этому случаю можно уточнить выражение Бог есть любовь. Любовь в этой фразе стоит в подчиненной форме, то есть Бог может обладать и другими свойствами. Мы не о том говорим, что само по себе глупо так рассуждать, а просто фразу конструируем точно, раз уж приходится. Говорим вместо этого Любовь есть Бог, то есть Бог сам превращается в свойство, что для нами же построенной дряни, именуемой Богом, очень даже полезно. Бог это пустое слово, куда люди вложить ничего не способны. Любовь же как раз не нашими болтающими языками рождена. Ника здесь его умненько прерывает в тот момент, когда «Реал» забивает второй гол, и Алексей Николаевич сопит от возбуждения, на время теряя нить разговора, но скоро цепляется за ее фразу про то, что возможна и другая точка зрения, и заметно выдыхает голос, что, впрочем, девушке даже льстит. Ну какая же, кричит Алексей Николаевич, точка? Где ты видишь точки? Разве жизнь из точек состоит? Или зрение различает точки? Зрение это зрение, оно все сразу, целиком, оно объем. И мир такой же, он весь и сразу. И язык весь и сразу. Все точки сразу. Истина потому так и называется, что существует как целое, и ты должна быть целым по отношению к ней, чтобы прямо ее услышать. А не по точке. Ведь ты прекрасно знаешь, что такое любовь, как она звучит. Как надо себя подставить под ее реку. Это знание всему живому дано просто так. Живое и есть любовь. Только не частично живое, не то, что лепит точку к точке. Не говори ничего. Просто войди туда и будь любовью.

Ночью, уже отыскав левый угол от окна, Алексей Николаевич уложил голову на большую подушку и на голову положил еще маленькую. Так он спал всегда, хотя нашел эту возможность не сразу. В ранней молодости он делал себе бутерброд из двух больших подушек, куда и зарывал голову боком, оставляя лишь нос, а еще раньше, когда в двух родительских комнатах жили восемь человек, и подушек не хватало, нахлобучивал единственную подушку на ухо и прижимал локтем. На другом ухе, сворачивая раковину внутрь, при этом лежишь. Размышляя, кто и за что проклял твою судьбу. Это еще до того, как придумал запихивать в оба уха пластилиновые бомбочки, для большей злости перемешав пластилин с клеем, и на короткий срок, пока бомбочка не отслаивалась от кожи, звуки в квартире исключались какие угодно. И значительно после того, как последний раз в жизни заснул сразу, едва лишь лег. В том же положении лицом вниз. Здесь нужна выкрашенная в синий цвет же-

лезная кровать с сеткой. На высокой табуретке, если посмотреть влево, висит роба ефрейтора строительных войск. Дощатый пол покрашен алым. Часом раньше в этой робе, к примеру, копали яму или таскали бетон, и никогда не чувствовалось большей меры свободы. Высокого класса свободы, чистейшей. Уже двенадцатый год он тоскует по этому расположению фигур в пространстве, когда не надо ничего выбирать. Никакого поиска максимально удобной позы среди прочих удобных. Только веселое созерцание того, что происходит с телом. И хороший, лучший на все времена сон, когда тебя ни в какой форме нет. Первый год вообще ничего не снилось дурной голове, настолько правильно тебя расположили в центре океана. Детство не считается. Все время жара, потому что мать круглый год укрывалась байковым одеялом, а спать один Алексей Николаевич даже не пытался. Только нащарить ногой холод под матрасом и сразу его нагреть, больше ничего не было. И живые страхи, которые еле успевали придумываться. И сбросить одеяло, чтобы тебя тут же укрыли опять, но только во сне, потому что раскрывать себя наяву в темной комнате нельзя. Теперь новое пустое жилье, холод в конце мая и ничего похожего на детство. Все прямо ему противоположно, как подъем и спуск. Никаких страхов, никакого вслушивания в воздух, где трогают тебя за голое плечо существа. Лишь голова вспухает и обложена горячими мыслями. И следовать надо классическому указанию растворить себя в наблюдателе сколько возможно, поскольку другого, как всегда, нет. Кто сказал, что существует выбор. Нет выбора никакого. Видно Алексея Николаевича с некоторой высоты, пока он еще не обращен в А. Дышало наблюдаемое тело все это время часто, болело дно глаз и билось сердце, и мысли кувыркались с одной нелепой на другую без всякой связи. Нечего и говорить о том, что мешали звуки нового места, но больше всего мешало то, что он боялся своего состояния и не верил, что быстро с этим справится, хотя бы потому, что причины никакой на поверхности не было, и значит тоска шла из глубины, оттуда, никакого ума не признающая, и понятно ей может быть только выражение глаз. Лишний раз поблагодарил одно из любимых мест в книге жизни, которую давно уже читал. Страница о самой тонкой человеческой власти, которая отдана глазным мышцам и сосредоточена внутри глаз. Теперь нужно попробовать, каким приемом получится изменить себе выражение глаз сегодня, поскольку все приемы, которые он раньше изобретал перед сном, начисто забывались, и каждый раз приходилось все пробовать заново, как младенцу. На счет раз зафиксировал, что глаза пытаются в направлении мыслей сузиться и напрячься, и силой их расширил, не размыкая, однако, веки. Потом пришло в голову, что надо добавить внутрь какого-нибудь света, и добавил идею о свете, но секунд через восемь это положение не удержал, хотя оно принесло облегчение. Тут же придумал следующий ход, вместе с тем вспомнив, что уже делал

это раньше, только забыл. Вместо точечного восприятия попробовал установить периферическое, для чего превратил себя в куколку, которая забралась себе же внутрь сердца и начала поливать его светом, как лампочка. Все регулировалось опять же глазами и носило характер их постоянного выражения. Когда стало тяжело поливать светом сердце, мысленно нажал кнопку и перенес куколку в середину живота, надеясь успокоить желудок и дыхание. При этом использовал положение челюсти, связав его с тем, чтобы зафиксировать глаза чуть расширенными и словно бы прикусить это выражение. Дышать стал длиннее, с шумом выдыхая через нос и быстро вдыхая. Тело вывернулось наизнанку и приятно раздвоилось, мысли продолжали болезненно прыгать и кривляться, но словно больше не принадлежали А., потому что он был занят другим А., который был куколкой внутри него, и пыталась эта куколка воспринимать не в себя, но из себя, поливая желудок большого А., его дно глаз, потом низ живота периферическим теплым светом, и зубы с глазными мышцами любили ее и хотели помочь. Еще через минуту А. заметил, что думает не хаотично, но словно бы рассказывает сам себе вот о чем. Что в снах если покинешь некую территорию, то она исчезает и потом никак уж нельзя вернуться, и если начнешь искать эту квартиру, или улицу, или поляну, вместо этого непременно забредешь на свалку или в болото, при этом все время снижаясь. То есть дело во времени, которое оборачивается не то пространством, не то само оборачивается пространство мимо времени, снижаясь, напрягаясь, так что нельзя ничего понять и вспомнить предыдущую мысль, которая только что вот лопнула, как не было, совершенно нельзя, лишь тянуться назад, но вместо этого, прошу вас, падаешь и смиряешься. Если унять все шумы и всмотреться, то нет сомнений, что ему снится теплая жидкость, похожая на яичный желток, потом снится другое, с картинками и во много слоев, потом сам А. снится коконоподобному существу, играющему вовне и внутрь цветными звуками, и выходит так, что понятных слов все меньше, одно, другое, ничего этого уже нельзя сосчитать и понять такие слишком медленные слова, как «потом» и «раньше», и вообще ни единой буквой, А, О, это существование уже не имеет сил называться, пока вдруг по ленивой команде из красной точки вне всякого замысла не сгущается вновь ударом в Алексея Николаевича тридцати двух лет и на полосатом матрасе только под конец фразы, когда ему в следующий миг начнетниться запах подожженной бумаги.

Я найду для тебя историю, мальчик, чтобы ты вышел красиво, или просто длинный ветвистый образ. Или даже предмет. Я найду для тебя нежнейшей формы предмет за окном, вот окно, мимо деревьев за угол, мимо остроухой собаки, что не давала тебе заснуть до половины четвертого, вдоль стен, столбов, тополиного пуха, небо сегодня будет виноградного цвета, помнишь этот сорт, почти белый, во дворе у стару-

хи с опухшей ногой, что семечками, семечками. Торговала семечками из ведра. Не спеша. Вот что я куплю тебе на базарчике, когда перейду по лужам и листьям нашу старую улицу, вот он, мы с тобой никогда не увидим это гнилым и неспелым, или чтобы этим кормили свиней. Видишь, как легко взять его в руку и надкусить, и дать брызнуть соку, видишь, какое это царское сооружение, как похоже на склеенный из огня дворец его дольки. Выходи, и пусть шар его сыграет как равный солнцу. Только выйди, выйди. Ни одни руки на свете не сделают с апельсином того, что можешь ты. Или не с апельсином, возьми что захочешь, к губам поднеси хоть клочок вчерашней газеты, хоть крошку с пола. Хоть линзу наведи дымящуюся на коробок, чтобы вспыхнул. Дай мне верить в тебя. И во время переворота в воздухе не надо помнить, как будет расплющено все живое. И что здесь вообще называется чревом, когда все порвано. Только старый дом из углов, одни углы, маятник, рюмки. Ты сразу вспомнишь его, он ждет. Он новый. Видишь, я говорю тебе, что от волос, когда время ложиться спать, летят искры.

Ничего не знает. Просто встал, чтобы закрыть форточку. Спит в пустой комнате без мебели, мебель будут вносить и расставлять в новой квартире не сейчас, днем, когда перестанет забывать свое имя. Глубоко вдыхает, думая об этом, словно готовится прыгнуть. Сейчас проснется, встал, видит внизу огонь. Открыл окно. И принимает летящий при лунном свете в его комнату пепел за живых мошек. Внизу, когда зрение совсем привыкнет, просто сидит на ящике человек у огня. Сначала никаких деталей Алексей Николаевич не разглядит, потому что подавлен только что виденным сном, будто бы старая мать, которая живет теперь в Греции, никуда не уезжала, варит на кухне еду, обнаруживает у себя опухоль слева, назвав ее раковой, а потом у нее в руке появляется огромная живая курица пестрой масти, которую она выносит во двор резать, а потом возвращается, разливая из куриного горла кровь. А. хотел выйти с ней, чтобы помочь резать, но сжатым воздухом что-то удержало на самом пороге, важной при этом деталью был цифровой код на бумажке, не то телефон, не то счет. И пока шел Алексей Николаевич до окна, вспоминая номер, у него наяву болело в боку; и лопнуло все в конце запахом горелой бумаги. Но потом будто одним движением наведут резкость, и он поймет, что человек сидит во дворе непростой. Ладно что лицо вытянутое, коротко стрижен, худой и одет в коричневую болоньевую куртку, каких не носят уже лет пятнадцать. Но еще другое было в этой картине интересное. На проволоке возле линии гаражей, что замыкала весьма сурово двор со стороны запада в прямоугольник, развешена была бумага, которая горела, видимо, уже долго, так что на проволоке висели, скорее всего, тетради. И по той причине Алексей Николаевич совсем расстроился, но впрочем быстро забудет все и провалится в новый сон, о котором еще будет сказано, потому что сны для Алексея Николаевича важны. Потому

лицо его помрачнело, что и без того плохо спалось в новой квартире, куда лишь завтра перевезут мебель. А тут еще в центр этого тоскливого полотна бросают краску совсем уж нелепую, в три часа ночи сидит во дворе человек и разводит костер, возможно даже псих. Живи теперь с ним в одном дворе. Суетливый, низенький. Приплясывает вот, бубнит. Костер бумажный на проволоке развел, и еще подкладывает из коробки листы, и вся гарь разносится ветром до самой, видимо, крыши. Уже на подоконник попало Алексею Николаевичу, да на ветви ореха, что почти залезает в окно. За это Алексей Николаевич мир этот и не всегда любит, да и кто же любит его всегда. Да еще таким обладая чутьем на абсурд, каким Алексей Николаевич гордится с детства. Вон от окна. Не смотреть.

Алексей Николаевич еще постоял, сделал уже шаг обратно на линолеум орехового тона с крошкой к тому же от недавнего бутербродика под пяткой, когда между куриным паштетом и печеночным было в сердцах выбрано ни то, ни другое, а вообще сыр. Заметил, что должен все более не любить свою привычку есть на ночь и далее смотреть унылые сны. Ногу поставил обратно, сообразив, что ему нужна в ушах итоговая фраза, вернулся, еще поплескался темечком в озере шумов и пауз и после не слишком упорной, вообще даже ленивой настройки определил, что ему нравится, как в этом старом дворе танцует огонь. Лег, но тут же встал и включил свет, открыл карманную записную книжечку с балеринами Дега на обложке и сначала подробно записал сон, а потом тут же вспомнил, что, проснувшись и вдохнув гарь, вдруг уловил строй мыслей, который идет навстречу сам по себе. Не мои, но встречные. Будто в голове крутится пленка, а я в это время расслаблен, быстро пишет Алексей Николаевич печатными буквами, чтобы потом можно было прочесть собственный почерк, выключаю механизм, который обычно сопровождает и подталкивает ее почти мускульными усилиями, и смотрю на это ошарашенный. Выходит, что можно ведь не толкать. Здесь Алексей Николаевич поставил восклицательный знак. Точка фокуса ушла на край и стоит, а пленка продолжает крутиться, и я не понимаю ничего, не вслушиваюсь, просто ощущаю встречный поток. Встречный. Второй восклицательный знак. То есть я получаю не мысли, но та самая точка, которую скоро водвину обратно с усилием, это главное, с дурацким усилием, изначально вывернутым не в ту сторону. Радуюсь сделанному открытию, Алексей Николаевич захлопнул книжку. Тут же выключил свет, закрыл окно и уснул.

Нелепый же человек внизу развлекался тем, что поддевал палкой догоревшие почти листы, и они взлетали с проволоки в небо, прежде чем обуглиться. Лист за листом, как петарды сонные. Рот человека все время шевелился, то есть он бубнил и даже такое впечатление, что иногда ритмично. Стихи читал или заклинания. Как и положено, тени по лицу бегают. За движениями его фигуры наблюдать вообще стоило, он под-

прыгивал, водил сам с собой хороводы возле коробки, садился на ящик и непрерывно крутил пальцами на манер индийской танцовщицы без всякого смысла, будто его кусали блохи. Изредка доставал из кармана нечто сыпучее и кидал в огонь, словно солил. Ладно бы еще луна была особенной в эту ночь, так ничего подобного, луна как луна. Отсветы от горящей бумаги, искры и гарь, конечно, делают свое дело, и старый двор выглядит вполне inferнально, однако всмотревшись в него далее центра, где у двух мусорных ящиков дрожит на проволоке огонь, надо будет отметить, что никак особенно он не изменился, двор как двор. Узкий метра в три асфальтовый въезд опускается в переулок между севером и востоком и похож на горло. Четыре невидимых изнутри выхода на улицу через сквозные подъезды. В остальном двор наглухо замкнут в прямоугольник и позволяет, как озеро, подробно себя наблюдать. Ночью плоть его, стены, деревья, заборчики, провода, бельевые столбы, прохладна и не видится дряхлой. Кошки гуляют по крышам гаражей.

Человек лениво, медленно заплясал у своей коробки. Последнюю, кажется, тетрадь рвет. Немного обеспокоил зажженный на втором этаже свет, но Алексей Николаевич в это время пишет в книжечке и не стоит у окна. Человек, однако, продолжал молча смотреть, пока свет не погас, и успел разглядеть Алексея Николаевича, закрывающего окно. Мог подумать про вора, который залез к мастеру Ренану и вынужден был принять в дар единственное одеяло, или вспомнить со слезами восемь строк о спящих горных вершинах, или совсем не застряла в сети никакая мысль. На самом деле подумал, что Стрем уже вывез из квартиры мебель. Фраза нуждается в пояснении. Однако не теперь, потому что бумага, сколько бы ее ни было в коробке, догорела всего за час, и человек в коричневой куртке, отшвырнув ногой ящик, бредет в дом, сутулясь и глубоко дыша. Оставил после себя много пепла, но, кроме Алексея Николаевича, никто из вышедших утром во двор, ни старухи, ни дети, картину происшедшего восстановить не были способны, хотя иные догадывались, кто мог напакостить в центре общего двора и не убрать, да еще горелую бумагу. Алексей же Николаевич двору этому чужой, и его пока никто не спрашивает. Тем более, он смотрит новые многослойные сны.

Если бы А. проснулся на полчаса раньше, то увидел бы самое начало, первые минуты после того, как человек вышел из того же подъезда, куда Алексей Николаевич переехал вечером, но с первого этажа, и вообще квартира человека, если подумать, оказывается под квартирой Алексея Николаевича. Это совсем не из чего не следует, просто вполне может быть. И в итоге будет. Но поскольку разбудил А. запах сгоревшей бумаги, проснуться раньше он никак не мог. И таким образом никто человека, что вышел из подъезда с коробкой толстых тетрадей и отдельных листов, исписанных от руки и на машинке, многократно исчерканных, согнутых

вчетверо, и как он рвет тетради и развешивает на проволоке и, главное, поджигает, от наслаждения даже стонал, когда поджигал. Никто человека и вообще ни единого куска той картины, что случилась в эту ночь, не видел. Пока не проснулся от нехорошего сна Алексей Николаевич. Как сидел на ящике и, локтями сжимая голову, смотрел на огни, бубнил, вставал, подбрасывал еще из коробки, приплясывал. Весь двор в огне. Ночь светла. Никто вообще этого не видел. Разве что косматая старуха в окне второго этажа, которую нельзя было разглядеть за кисейной занавеской никому. Поэтому ничего не следует утверждать.

А что до текста, который теперь проговаривается нелепым человеком, пока горят тетради, то даже при самом мучительном приближении он не восстановим дословно. Как ни наводи резкость между ореховыми ветвями, почти вся мякоть происходящего бродит помимо слов и сочтется в приплясывание и мычание. А символическая расшифровка в той точке, где часы еще никто не перевернул, ведет к серии фраз, которые вообще не могли быть произнесены, но дать их следует в точном порядке и непременно сохранить синтаксис, поскольку мало ли что.

И будет похожей на дом. Ты давно говоришь. Ты разговариваешь один. У тебя серое лицо и твой серый затылок. У тебя ниже серого темени расслаблен живот, и уступ за уступом изогнута на холодной постели твоя спина, и по углам от ног твоих холодная комната во все стороны от дивана, рассвет, мимо рук и груди по сырым обоям, и уступ за уступом ковер, стол, тяжелые трубы, начинается в окне серый короткий день, и вращаться длинному городу на поверхности розовой и коричневой, пунктирами, крестами и тайными тропами алюминиевой ванны, где младенец дышит из мутных хлопьев воды на мыльницу в черных и желтых кругах, с ней играет, и похожа на сырое мягкое яйцо.

Или не похожей. Она будет как дом, и дорогой к дому, и живыми деревьями около дома, и каждой живой клеткой в доме, и самим живым домом.

Нельзя говорить, что во всем этом может или не может скрываться смысл, поскольку смысла не бывает больше или меньше. Вот фигура в старой болоньевой куртке исчезает в подъезде, проглатывается подъездом, то есть поджигатель бумаги на проволоке ушел спать, и ничего с этим поделаться нельзя. Просто дай ему бог заснуть без страха и чувства вины. Не быть ни судьей, ни жертвой.

Совершенно ясно только одно. Вообще нет никаких сомнений, что скоро рассвет.

Ибрагим ГУКЕМУХ

Ибрагим Халидович Гукемух родился 8 апреля 1968 года в Нальчике. Окончил исторический факультет КБГУ, аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию в Институте этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая в 1997 году (руководитель – доктор исторических наук Ахмат Ибрагимович Мусукаев). Работал в Национальном музее КБР, Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований. Сотрудничал с республиканскими газетами КБР – «Советская молодёжь», «Горянка», журналом «Литературная Кабардино-Балкария», газетой «Коммерсант» (Москва) и рядом других отечественных и зарубежных издательств. Живёт в г. Нальчике.

ПРЕВРАЩЕНИЕ*Рассказ*

I

Знаменитый французский баритон Жак Бордю отправился в Россию на пике своей всемирной популярности. К славе он шёл долго и трудно и по её достижении сделался необычайно разборчивым. На тернистом пути к вершинам мастерства Бордю испортил отношения с директорами многих знаменитых площадок и даже теперь, когда их уже давно не было в живых, с гневным презрением отвергал приглашения «Ла Скала», «Гран Опера» и даже «Большого».

Теперь он искал такую точку на карте, о которой оперная общественность никогда не слышала, и которая бы находилась вдали от культурных центров. Честолюбивый, он видел себя Колумбом, открывающим новые земли.

Именно этим и объясняли коллеги Бордю его странный выбор – расположенный на границе тайги и тундры российский Жлобов-на-Глотве и тамошнюю филармонию. Бордю помнил своё голодное детство и маму, которая, отказывая себе во всём, возила его на детские конкурсы в Париж, Милан и Вену, где ехидные мэтры из жюри «убивали» маленького Жака в первых турах.

«А теперь вы хотите заработать на моем подвижничестве и таланте, приглашая меня петь в своих театрах?! – мысленно негодовал Бордю. – Но – нет, презренные стяжатели! Старым оперным столицам я предпо-

что девственный сибирский Жлобов. Там с помощью щедрых русских газодобытчиков я создам свою школу оперного пения!»

Энтузиазм Бордю разгорелся еще сильнее, после того как он получил письмо от губернатора Жлобинской области Лосева, в котором тот просил быть его личным гостем. Это послание положило конец последним сомнениям Бордю.

В метельном аэропорту Бордю встретила представительная делегация – сам Лосев, руководители газодобывающих компаний, переводчица и молодые красавицы в славянских одеждах. Губернатор трижды взасос поцеловал опешившего француза, накинул на него поданную кем-то соболью шубу, после чего девушки в кокошниках поднесли традиционный «хлеб-соль». Через десять минут кортеж из крупногабаритных чёрных джипов мчал всю компанию к суперсовременному отелю, недавно отстроенному в центре Жлобова. Восемнадцать этажей отеля «Гелиос-Плаза» из стекла и бетона высились над замерзшей лесотундрой. Его светящийся шпиль протыкал серые облака.

После русской бани – с адовой парной, эвкалиптовыми вениками, лососевой икрой и девушками, на которых в разгар помывки остались только кокошники, – Бордю сделалось нехорошо. Организм француза не смог примирить двенадцатилетний скотч с «Женьшеневой крепкой» и, в конце концов, бурно избавив внутренности баритона от съеденного и выпитого, отключился.

II

Утром в просторном королевском люксе зазвонил телефон. Выпростав обессиленное тело из-под тяжёлой сибирской перины, Бордю доковылял до аппарата и снял трубку. Нежные ушные перепонки француза больно завибрировали от раскатистого Лосевского рыка. Хозяин хотел показать гостю областную филармонию.

Через каких-то полчаса, в которые уложились душ, две чашки крепкого кофе и аспирин, кортеж из джипов мчал Бордю, губернатора и газовиков к противоположному концу города, туда, где располагалось здание филармонии. Оно явно нуждалось в ремонте и современном оснащении. После экскурсии Лосев пообещал, что через месяц филармония будет готова к первому концерту, а несколько помещений оборудуют под классы для обучения молодых талантов. Пока же мсье Бордю может познакомиться с городом и одаренными детьми.

Первая встреча баритона с сибирскими вундеркиндами произошла в губернаторском особняке. Предварительное собеседование с кандидатами в будущую школу завершилось пышным банкетом в честь французского гостя и его коллег. Напитки и тосты лились рекой. Быстро захмелев «на старых дрожжах» и необычайно воодушевившись, Бордю поочерёдно исполнил арию Риголетто, куплеты Мефистофеля и несколько

русских романсов. Последняя песня – «Надежда – мой компас земной» – прозвучала уже на четыре голоса – Бордю, Лосева, директора участка № 207-БИС Хайруллина и его супруги-бухгалтера Жанны Ивановны.

В процессе знакомства с юными дарованиями Бордю заметил странную закономерность – все дети, рекомендованные к прослушиванию местными музыкальными педагогами, были отпрысками газовых, нефтяных и прочих «ресурсных генералов». Исключение составляла лишь дочурка начальника ИТЛ № 129.

В последующие дни знакомство знаменитого гостя со жлобинскими талантами продолжилось по той же схеме. После собеседований и прослушиваний соискателей, которые с каждым разом занимали все меньше времени, следовало дружеское застолье с их родней. Отцы и матери области с энтузиазмом демонстрировали традиционное гостеприимство, а местные СМИ в красках описывали местным читателям и зрителям мастер-классы знаменитого певца и его благотворительные концерты, которые проходили в отдалённых поселках.

Однако к концу первой недели энтузиазм французского гостя стал ослабевать. Частые поездки по огромной области отнимали у него много душевных и физических сил, и вскоре Бордю стал проводить встречи с одарёнными детьми в отеле, вернее, в ресторане отеля «Гелиос-Плаза», куда ближе к полудню в сопровождении папиных «горилл» и приезжали будущие Карузо и Шаляпины. После обеда француз отдыхал.

Такой режим Бордю вполне устраивал. Его пребывание в Жлобове щедро оплачивалось губернской казной вне зависимости от количества проведённых собеседований. Правда, и желающих прослушаться у знаменитого баритона заметно поубавилось. Имя Жака Бордю в местной прессе упоминалось всё реже. Его популярность перевалила зенит и стала клониться к закату. Однажды вечером, сопроводив ужин остатками «женьшеневки», француз решил немного пройтись по обледеневшему Жлобову и... ночевать в отель не вернулся.

Хватились его не сразу. Сначала подумали, что кто-то из отцов города увёз Бордю к себе на заимку, но после осторожного обзвона его вероятных гостеприимцев выяснилось, что француза в этот вечер никто из них не видел. В пищевом блоке «Гелиос-Плазы» сообщили, что из-за снежных заносов на шоссе «Жлобов-на-Глотве–Комареево» «Женьшеневую крепкую» в отель сегодня не доставили и, вероятно, мсье Бордю, как ценитель этого напитка, решил отыскать его в каком-нибудь ином месте города. Но в каком?

Начальник жлобинского УВД Косых предположил, что француз, скорее всего, в кабаке «Садко» на паромной переправе.

– Там всяк дикий люд гуляет, – шепнул он на ухо губернатору. – Есть информация, что шаман Урянх в город заехал, в шалмане пьёт и в бубен свой поганый стучит, туняедец...

На вопрос Лосева о том, почему Урянх до сих пор на свободе, старый полковник отвечал, что ныне тот народный целитель и юрлицо.

– Хоть и пьёт, как свинья, а налог платит, – с сожалением выдохнул Косых. – Оленину на спирт меняет, чурок больных пользует. Малый бизнес, тудыть его...

III

В светлом зале «Садко» они сразу бросились в глаза – Урянх и Бордю. Первый, закатив глаза и раскинув руки, покачивался в центре зала в странном танце. Несмотря на духоту он был одет в длинный, почти до пят, сокуй¹. Лицо народного целителя лоснилось от жира и пота. Чуть поодаль, держа в руках бубен, похожий на огромное сито, стоял француз. Ударяя по инструменту обглоданным оленьим ребром в такт урянховым покачиваниям, Бордю тянул в нос какую-то мелодию и тоже качался. Оба были пьяны в дым. Лосев, Косых и два человека из охраны переступили порог широкого зала и заняли столик в тёмном углу.

– Что будем заказывать, мальчики? – пропела подошедшая к столику дородная официантка.

– Кто тут мальчики? – зашипел на неё Косых. – Разуи глаза, лярва, хозяйина, что ль, не признала?!

– Ой, ваша правда – не признала! – виновато затараторила официантка. – Кирилл Мефодьич, дорогой, что же это вы в такую темень забрались? Прошу в банкетный зал!

– Не нужен банкетный, Катюша, – вполголоса ответил Лосев. – Мы лучше здесь, с народом...

– Что ж, хозяин – барин, – рассудила Катюша, краснея. – Что кушать будете?

– Поллитровочку нам, грибков маринованных, хлеба чёрного... В общем, сама знаешь, – начал раздражаться губернатор, не желавший привлекать к своей персоне внимания других посетителей. – Да, и клоунов этих, как допоют-допляшут, к нам пригласи. Только потихоньку. Мы здесь, это... как его... инкогнито. Усекла?

– Будет сделано, Кирилл Мефодьич, – заговорщически ответила Катенька и, стрельнув глазами, засеменила в направлении кухни.

Через полчаса к заставленному сибирскими закусками столику, шатаясь, подошли Урянх и Бордю.

– Здрав желаю, твоя сиятельство! – вытянулся перед Лосевым Урянх и тут же, не дожидаясь ответа, шумно опустился на свободный стул.

– И тебе чурка, не хворать, – вполголоса ответил губернатор. – Не жарко, в хламиде-то?

¹ Сокуй – традиционная верхняя мужская одежда у народов Севера.

– Тепло набираю, – осклабился шаман. – Завтра опять холодный тундра пойду, однако.

– И ты садись, мусью, – обратился Косых к Бордю. – Садись, не маячь.

Пока Косых и губернатор выясняли обстоятельства знакомства Урянха с французом, последний успел влить в себя добрых полбутылки и стал вспоминать, как несколько дней назад был в гостях у начальника леспромхоза Царькова. Поводом к той их встрече послужил день рождения сына Царькова, которому исполнялось четырнадцать лет. Сначала все было пристойно, но после ухода гостей пьяный хозяин тайги достал из серванта воронённую «беретту» и, наставив на Бордю, заставил его играть «Владимирский централ» на новеньком японском синтезаторе.

– Эт мой подарок сыну, поал? – пояснил Царьков заплетающимся языком и щёлкнул затвором. – Звини, но... надо опробовать, поал?

На счастье Бордю, ему уже доводилось слышать этот хит на неофициальных раутах, и, под завывания отца и сына Царёвых, он сумел воспроизвести популярное произведение, за что был премирован мокрым хозяйским поцелуем и пятьюстами евро. «Ну вот, Жак, – думал Бордю, хмелея и наливаясь праведным гневом. – Из заморской экзотики ты уже превратился в дешевого тапёра. Так нельзя, Жак, так нельзя...»

– Хозяин, – обратился Урянх к Лосеву, заметив злые огоньки в глазах француза, – позволь я нашего гостя на воздух выведу? А то он совсем пьяный стал, однако.

– И правда, Мефодьич, – неожиданно поддержал шамана Косых. – Нехай продышится, а то сблюет ещё.

– Ступайте, но через пять минут чтобы за стол вернулись, – разрешил подобревший Лосев.

После того как дощатая дверь ресторана, звеня колокольцами, закрылась, шаман приблизил к Бордю своё лицо и шепотом спросил:

– Ты не передумал, Жак?

– Ньет-ньет, йя котоф, – так же тихо ответил француз.

– Ну, тогда ехаем!

Скоро они неслись по льду реки к противоположному берегу на легких, запряженных парой оленей, санях. Ночь была морозной и ясной, и оттого полная луна и россыпи звезд на черном небе казались Бордю нарисованными. Их путь лежал к дальнему стойбищу, где спряталось от мира племя шамана Урянха. Эти люди не желали приобщаться к благам европейской цивилизации, а жили так же, как их предки – охотились, ловили рыбу, собирали ягоды. Своей языческой вере они не изменили, и древние их обряды сопровождались заунывными песнопениями и дикими плясками.

По прибытии в стойбище Урянх познакомил француза со своей старухой-матерью и поселил в её жилище, которое представляло собой

приземистый сруб. Население стойбища составляли немолодые уже женщины и дети.

– Их мужья и отцы город пошли, – сказал Уряньх. – Все-все там умерали, однако. Наша город нельзя. Плохо город.

В племени шамана Бордю прожил почти два года, в течение которых, в зависимости от сезона, оно несколько раз перебиралось на новое место. Шаман часто отлучался, неделями пропадая в тайге, и француз коротал дни в обществе его матери, которая знала бесчисленное множество странных и страшных песен. Он быстро подружился с детьми, помогал женщинам по хозяйству и даже участвовал в местных празднествах и обрядах. Некоторые мелодии, которые напевала старуха, он украдкой записывал в коленкоровый блокнот. Этот блокнот и ручку с надписью «Жлобов – столица русского газа» Бордю купил еще в аэропорту в день своего прилета, и теперь был рад, что захватил эти вещи, которые в момент бегства оказались при нем.

Тем временем в самом Жлобове о потерявшемся баритоне понемногу стали забывать. Полиция продолжала имитировать поиски исчезнувшей европейской знаменитости, но вскоре дело было сдано в архив. Официальная версия, озвученная в совместном заявлении пресс-служб местного УВД и МЧС области гласила: «Во время катания по льду р. Глотва, сани, в которых находились гражданин Франции Жак Бордю и местный целитель Уряньх Бодэ провалились под лёд. Обнаружить тела водолазам жлобинского подразделения ЧС не удалось. Поисково-спасательные работы прекращены». На родине Бордю в это время демонстрировался документальный фильм о жизни и творчестве знаменитого баритона. Эта документальная картина состояла из воспоминаний его коллег – мастеров оперного пения. На этом тема трагической и нелепой гибели Бордю была исчерпана, и её сменили другие, более актуальные – вторжение израильских войск в Ливан, вспышка атипичной пневмонии в Юго-Восточной Азии, смерть Фиделя Кастро и другие.

IV

Через два года культурная общественность Парижа готовилась к широкому празднованию очередной годовщины Великой Французской революции. В числе мероприятий, посвященных торжественной дате – Дню взятия Бастилии – значился и фестиваль национальной песни и танца, организованный Ассоциацией непредставленных народов. Аэропорт Шарль-де-Голль уже несколько дней кряду принимал этнографические творческие коллективы из разных уголков мира. Один за другим в главной воздушной гавани Французской Республики приземлялись самолеты с танцевальными ансамблями и хорами из Северной Африки, Новой Зеландии, Аляски и других частей планеты.

Большинство прибывающих были облачены в свои национальные костюмы. В зале прилета мелькали чалмы и бурнусы, черкески и папахи, чуги и свитки, дхоти и пенджаби и прочие экзотические одеяния, поэтому два десятка черноволосых детишек в одинаковых темно-синих европейских костюмчиках проследовали к своему автобусу незамеченными. Детей вели двое мужчин. Прикрепленные к лацканам их пиджаков бэйджики сообщали, что один является художественным руководителем, а другой – техническим директором этнографического хора «Модон дуу». Спустя два часа автобус высадил группу у входа в небольшой отель «Вилла Монпарнас». Выступления этнографических коллективов должны были начаться следующим вечером в «Ситэ де ля мюзик» и продлиться три дня. Хор «Модон дуу», согласно программе фестиваля, выходил на сцену в числе последних. И вот этот день наступил. Нужно сказать, что к концу фестиваля публика и европейские ценители этнографической музыки были несколько утомлены всеми этими там-тамами, бамбуковыми свирелями и волынками и ожидали окончания последнего концертного вечера со сдержанным нетерпением. Однако, будучи людьми воспитанными, они старались его не демонстрировать. Напротив, выход на сцену одетых в расшитые сокуи детей Сибири они встретили бурными аплодисментами, которые стихли лишь с появлением конферансье.

– Мадам и мсье, – начал он. – Сейчас перед вами выступит детский хор из России, который представит вашему вниманию композицию из народных могульских напевов. Хор называется «Модон дуу», что в переводе означает «Песня леса». Его художественным руководителем является сибирский самородок Яков Борду-Дуучин. Дети этого исчезающего народа приехали сюда, в центр Европы с единственной целью – обратить ваше внимание на экологические проблемы Сибири, вызванные варварской вырубкой лесов и добычей углеводородов.

Зал вновь разразился аплодисментами, сошедшими на нет с первыми ударами гулкового бубна. Стучавший в свой инструмент Урях и сам Борду-Дуучин предпочли оставаться за кулисами. Гул бубна и потянувшаяся следом за ним песня, словно льющийся со сцены туман, стали наполнять зал. Через несколько тактов никто из присутствующих не помнил уже ни о предыдущих выступлениях, ни даже об обещанном экзотическом банкете, который должен был состояться в честь закрытия фестиваля в знаменитом парке «Ля Виллетт».

Успех хора был оглушительным, и репортеры лихорадочно готовились к пресс-конференции, которая была намечена на 12 часов следующего дня в летнем амфитеатре «Сите де ля мюзик». Они хотели увидеть таинственного Борду-Дуучина и задать ему массу вопросов, но пресс-конференция не состоялась. Причиной её срыва был обильный снегопад, укрывший в то утро плотным белым покровом всю Цент-

ральную и Западную Европу. Эта природная аномалия сама по себе была серьезной причиной для того, чтобы редакторы и тележурналисты забыли и о фестивале, и об успехе ансамбля «Модон Дуу», и о самой годовщине Великой Французской революции. Так и случилось. Лишь два человека во всём Париже попытались отыскать Борду-Дуучина и его детей. Это были супруги, когда-то знаменитые репортеры «Ле Фигаро», которые в силу возраста и плохого здоровья уже не могли конкурировать с юными и агрессивными ньюсмейкерами. В последние годы они пробавлялись маленькими заметками на последних полосах вечерних парижских газет. Встреча и возможное интервью с Борду-Дуучином для них были неплохой возможностью вновь обратить на себя внимание соотечественников и утереть носы своим сопливым, но прытким коллегам.

Припарковав свой старенький семейный «Ситроен» на заснеженной стоянке отеля «Вилла Монпарнас», супруги вошли в холл и попросили портье позвонить в номер мсье Борду-Дуучина.

– Нам сказали, что он и его хор остановились у вас, мсье, – вполголоса произнесла женщина, положив на стойку ресепшна десятиевровую купюру.

– Все так, мадам, – ответил портье, проигнорировав купюру. – Но, к моему большому сожалению, мсье Борду-Дуучин и его ребятишки уже убыли.

– Но как, мсье? – вмешался в разговор супруг старой репортерши. – Ведь из-за снегопада и «де Голль», и «Орли» все полёты отменили... Они попросту не могли никуда убыть.

Портье внимательно посмотрел в глаза мужчине, затем по сторонам и, чуть наклонившись вперед, шепотом произнес:

– Вы не поверите, мсье... Мне кажется, все из-за этого снега проклятого... Я бы и сам не поверил, черт меня подери... Они... Этот Борду, этот его узкоглазый компаньон и китайчата уехали чуть свет на оленьих упряжках.

– На оленях? – переспросил старый репортер.

– Да-да, мсье! Я такие только в кино видел... Вы не подумайте чего, я наркотиков не принимаю... Эти олени с санями, мсье, прямо ко входу подкатили... Сами, без возниц, мсье! Часов в пять утра, мсье! Вы можете считать меня сумасшедшим, мсье, но я наблюдал это своими собственными глазами! Я даже вышел посмотреть, куда это они поедут, ведь мы все-таки в самом центре Парижа! Я хотел убедиться... Но они... Они, мсье, словно в снежной завесе растворились... Да, и заберите свои десять евро, мадам...

Асият КАРМОВА

Асият Абубекировна Кармова родилась в сел. Каменноостское Зольского района КБАССР в 1965 году. По окончании школы поступила на историко-филологический факультет КБГУ на русско-кабардинское отделение. После пяти лет учебы продолжила образование в отделении аспирантуры КБГУ по специальности «Языки Кавказа». В должности старшего преподавателя оставалась работать на кафедре КБГУ до 1998 года. В последующем работала в каменноостской с. ш. № 1, в газете «Адыгэ псалъэ» – зав. отделом, редактором в издательстве «Эльбрус». В настоящее время – сотрудник ГКУ «КБР-Медиа».

Публиковалась в журналах «Литературная Кабардино-Балкария», «Ошхамахо», «Нур», в газетах «Адыгэ псалъэ», «Советская молодежь».

Творчество А. Кармовой разнопланово в жанрах и в языковой принадлежности: публицистика, переводы с кабардинского языка на русский, поэзия, художественная проза. Пишет на родном кабардинском и русском языках.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Супругу моему, Мухамеду

Нехитрый скарб – в дорожное лукошко,
И в темень осени безумно ворожу:
Не дай прийти под заперты окошки! –
И кликать в ночь, пока не разбужу
Тебя, мой Ангел... Ты сильней сомнений,
Надежней яви и светлей мечты;
Метель... Заставы... И тревоги терний,
Немотствуя, расступятся: есть ты!

Для песен не придумано оков –
Моя тем звонче, чем трудней дорога;
Моих прелестно узких башмачков
Стук задрожит у твоего порога...
А принесу я не семнадцать вёсен –
Прости их, что далеко заплутали;
А принесу я невеселых песен –

Их молча отпусти в чужие дали...
Тебе поверю знойных бабьих лет
Сомлевший ропот. И тоску. И негу;
И недопетых снов надрывный бред –
От них нам, знать, не будет оберегу...
За несметь мною выплаканных слов –
Ступнёй нетвердой по земному аду,
Я вымолю тебя у всех миров!
Я вымолю... Как свет... И как награду...

Пастораль

С нездешней тоскою повенчана,
В глазах вековая печаль,
Скорбящая, тихая, нежная –
Прозрачна моя пастораль...

Там нимфа в муслиновой мантии
В лазурных струях леонид;
Там эльф златокудрый и статный,
Как древний наперсник Лилит.

То ивушкой кротко, безропотно
Склоняется в боли безумной,
То, скинув оковы запрета,
Взовьется дорожкой лунной.

Там гномы и гоблины добрые
Резвятся среди облаков,
Там Золушка, дивно вальсируя,
Звенит хрусталем каблучков!

А звездными стежками затканый,
Бездонный и бархатный свод
Надменно взирает на призрачный,
На суетных дней хоровод.

Но... осень закружит, со сказки
Срывая густую вуаль,
Раскаяньем поздним вакханки
Завьюжит моя пастораль...

И тонкое чье-то запястье
В браслетах сапфировых звезд
Сулит мне нездешнее счастье
И в тихую сказку зовет...

И мудрою притчей старинной,
Что щедро дарует печаль,
Однажды под крик журавлиный
Ты вспомни мою пастораль...

Сокол

Вольный сокол – глашатай гор!
Что тебя над долиной кружит?
У тебя ясномустрый взор –
Ты не видел, где милый тужит?
Он собрат твой – и мой герой;
Он жар-птица из дивной сказки;

Он – единственный из людей,
Кого рок совратил прекрасным.
Злая воля? Лукавый бес –
Обуяли немой кручиной?
Тень дубравы или утес –
Над могилой его опочили?!

Сокол ясный! Взмахни крылом,
И под сводом ультрамарина –
Моей скорби седым крылом
Осени вечный купол лирой!
Он почувствует. Он поймет,
Что моя песня в небе кружит:

Сень дубравы, вздохнув, шепнет,
Что тоской моей душу вьюжит...
Вольный сокол! Услышь мой хор –
Немоту разрывая песней,
Ночью темной. Иль ясным днем
Призови чудо-птицу... Песней!

«Кай и Герда»

– А помнишь ландыши в горах?
– Не помню.
– А гавань в синих кораблях?
– Напомни...
– Швартовы. Доки. И... дозор?
Там за мостом был косогор...
– Не вспомню...
– «Славянки» марш; Огонь в печи?
Вокзал? Плацкарт... Метель в ночи?
И сруб на низком берегу?
И имя стыло на снегу...
А почерк... Почерк! И... конверт?
– Не вспомню!
– Шрапнель за дальнею лагуной –
И на погонах льдистый иней –
И задыхающийся бег –
И латыша трескучий смех –
Не вспомнил?
А теорема на доске?
– Что? Теорема! Вот беда...
А ландыш росный был тогда?
– Ой... Да!

Молитва

Когда у суеты мирской устану
Просить судьбы, дороги, доброты,
Дай кротости и силы покаянья,
Юдоль земную помощи пройти!
Как против суеты мирской восстану,
И буду клясть злой рок и нищету,
Спаси меня, Господь, от отреченья,
Преобрази отчаянье в мечту!
Когда над суетой мирской воспряну,
И пред Твоим Престолом ниц паду,
Отец небесный! Я другой не стану,
Я та, кому отверзли рай в аду...
Я та, кем восхищались не любя,
Кому признанья щедро расточали,
Я та, кого предали не скорбя,
Но разве тленны памяти скрижали?!
И как над суетой мирской воспряну,
Подле тебя обитель обрету,
Открой, Господь, мне вежды.
И я взгляну –
Узрю я суть –
И память перечту...

2001

Спор

Ангел мой хранитель
Дышит в спину жарко:
– Он – твоя погибель,
Чудо-синеоко!
Он орел злонравный,
Хищный да чужой,
Взор его отравный,
Клюв его стальной...
Он как смерч раскружит,
К солнцу вознесет,
Зов твой не услышит –
В скорби не спасет...
Станешь им презренна –
Будешь ты ничья,
Плотью не невинна,
Кровью горяча!
– Ангел мой речистый!
Ты не уберег
От коварной участи,
Отвращая рок...
Мне с орлом погибель
Послана от века,
Путь в его обитель
Мерю я полвека!
Долю бесприютную
Изойду нагая,
Прослыву распутною –
Проклянет родная...
И стыдобы терпкой,
Как полынь, напьюсь,
И к секире смертной
Жарко прикоснусь!
Обвенчаюсь с болью,
Помолюсь огню,
Поклонюсь злонравному
Року иль орлу.

С ним ополоумею,
Как свеча сторю –
Выть мне на холодную,
Полную луну...
Негою вакханки
Кровь заморожу!
Хищник? – Агнец кроткий –
Стон его хочу!
Вопль его надрывный
В вечность упадет...
А потом остынет,
Навсегда уйдет!
Зов осатаневшей
Огласит окрест,
Мглу пронзив кромешну,
Сгинет в лоне звезд...
Не взыщи, мой Ангел,
Я не возропщу,
И проклятьем женщины
Уст не оскверню...
Скорбь да муку смертную
Бес мне нашептал.
Все приму, не сетуя,
Как седой Тантал.
Взор его надменный
Буду звать во снах.
Зов, как звон свирельный,
Отзвучит в мирах...
Отшумит осокой
На семи ветрах,
Мне Господь в высокоу
Синь отпустит страх –
Страх пред небесами
С неподкупной кармой...
Сей орел... он славный!
Он – Орфей... С кифарой...

2009

Дарья ШОМАХОВА

Дарья Шомахова – некогда убежденный прозаик, с недавних пор – не очень убежденный поэт, продолжающий страдать по прозе. Ветеран Совецаний молодых писателей Северного Кавказа (2010, 2012, 2014, 2015), координатор 8-го Совецания молодых писателей Северного Кавказа, участница Форума молодых писателей в Липках (2011) и литературной смены форума «Таврида» (2017). Соавтор проекта и главный редактор электронного литературного журнала «Буква» (notamag.ru), который стал лауреатом Всероссийской интернет-премии «Прометей-2016» в номинации «Искусство и культура». Внештатный корреспондент портала «Это Кавказ» (ТАСС).

Публикации, издания: «Дарьял», «Вайнах», «Литературная Кабардино-Балкария», «Пролог», «Журналистика и медиарынок», «Владикавказ», «Буква», сборники, изданные ФСЭИП. В 2018 году выпустила свою первую книгу – сборник стихотворений «Том 13».

Полиамид

Двадцать первое солнце не за тобой зашло.
 Алый закат – будто колокол отзвонил.
 Ты говоришь, в новой куртке тебе не тепло,
 Я говорю про кровь, кармин, кошениль.

Ты говоришь, ботинки в дожди текут,
 Я представляю, что их написал Дали.
 Ты говоришь, по пятому крутят «Спрут»,
 Мне видится, как он, вращаясь, плывет в дали.

Ты говоришь, пейзаж слишком уныл,
 Я представляю, как Ктулху варит компот
 Из тех, кто нудел, ворчал, бубнил и ныл.
 Хотя это все же бульон, а не компот.

Блики заката расплавили неба стекло,
 Оставив следы на ладонях кариатид.
 Ты говоришь, если плавится, то не стекло,
 Подделка, максимум пластик или какой-нибудь полиамид.

Небо приснилось

Что если все совсем иначе?
Камень прозрачен, а воздух тверд?
Море – окно, а небо приснилось,
Земля под ногами – кривой потолок?

Что, если завтра солнце не встанет –
Проспит на работу, забудет ключи,
Деньги, пропуск, очки, проездной?
Его уволят за профнепригодность?

Что, если Ромео не любит Джульетту?
Все останутся дома? Никто не умрет?
Безработная парочка – Уильям и солнце
Налижуются в хлам, проиграются в прах?

Что, если радуга – след звездолета,
Приливам-отливам до фени луна?
Медведи зимой летают в Лас Вегас
Над Атлантикой клином, а дальше свиньей?

Тогда можно смело надеть понедельник,
Набросить на плечи дымную шаль.
И незачем прятать шизофрению –
Здравствуй, волшебный сбрендивший мир!

#НебоСамолётДаша

Сквозь небо просвечивает космос.
Черепаша устало скандалит с китами.
Земля, как века назад, – плоскость,
И солнце все так же ходит кругами.

Облачный полог натянут плохо.
Тут три бугра, там – с десятков воронок.
От наушников вдруг никакого прока –
На задних рядах рыдает ребёнок.

Земли ещё нет, но только что кончилось небо.
Впереди кого-то пытаются откачать.
И вроде бы падать безумно, смешно, нелепо,
Но некому дать за (удачную) встречу с асфальтом на чай.

Гул сошедшего с ума

Мысли.
Ледяная пустота,
Гулкие капли воды
С прохудившейся крыши
Старого дома,
Битая кирпичная кладка,
Помнящая слои
Цветной штукатурки.

Жизнь.
Звонящая тишина
Полуразрушенных склепов
На поросшем можжевельником
Пологом склоне,

Тепло мшистых камней
В полуденной меланхолии
Зарослей барбариса.

Смерть.
Гул сошедшего с ума
Горного потока,
Перекатывающего тонны породы.
Крик чёрной птицы,
Вкусившей горечи столько,
Что её не отличить от мёда.
Смех бездомного ветра
В разноцветных скалах
Под звёздным небом.

Ночь

Обхватив руками ночь,
Ты стоишь на краю бездны.
Шепчешь слова утешения,
Не задумываясь,
Нужны ли они.

А она не выносит нежности,
Говорит, это все ваниль
И розовый сахар.
Ей подавай трагедии,
Боли на грани обморока,
Сломанных судеб,
Едва сдерживаемых криков.

Отчаянно хватаясь
За полы её пальто,
Ты падаешь в бездну.
И ночь шепчет слова утешения,
Не задумываясь,
Нужны ли они.

Бескрылый

Сегодня утром оказалось,
Я совершенно бескрыл.
Жалок. Двуног. И бескрыл.
Пустота за спиной.

И некого спросить,
Остались ли хоть шрамы.
Хотя может ли мечта,
Отсутствие мечты
Оставить шрамы?

Зеркало треснуло.
Зеркало врёт.
По спине побежали,
Рассыпаясь фракталами,
Шрамы, трещины,
Зови, как хочешь.

Так, может, из них
Когда-то росли крылья?
Когда-то вырастут крылья?

Солнце осыпается пеплом –
Перегорело.
Солнце осыпается
Чёрными хлопьями.
Чёрными перьями.
Чёрными крыльями.

Осталось сделать шаг
С обрыва
И полететь.
Но сегодня я узнал,
Что я совершенно бескрыл.

Ушедший

По ушедшему ноябрю
Панихиду отслужит дождь.
Рванный саван в дорожной пыли.

Росчерк белого по черноте –
Словно вор, подкрадётся зима.
Прорастёт сквозь пальцы мороз.

Никому не нужный снег
Шелудивым бездомным псом
Ткнётся мордой в мою ладонь.

Панихиду отслужит дождь
По ушедшему ноябрю.

13

ты обещал мне
осколки луны вместо дыхания
брызги океана вместо надежд
лоскуты тьмы вместо мыслей
серебряный ветер вместо слов

ты обещал мне
тринадцать сторон света
тринадцать цветов спектра
тринадцать смертных грехов

тринадцать новых апостолов –
по одному на каждый

ты обещал мне
зелёные закаты в горах
лиловые звёзды
на речном дне
стальные озера
под туманным пологом

ты. обещал. мне

Луна

Аккуратно, чтобы не порезаться
О внезапно острые края,
Сжимаю в ладони луну.
Хрупкий диск отдаёт тепло.

Лунное стекло
Впивается в плоть.
Что-то капает на пол,
Слегка светясь,
Разгоняя холод.

Разглядываю тонкие осколки
Того, что недавно было луной.
Они неуместно тёплые
На моей израненной ладони.

Раздражённо стряхиваю
Луну с ладони.
Тянусь за пинцетом.

Капли падают,
Образуя круглую лужицу,
Предсказывая будущее,
Которого у нас с луной нет.

Тбилиси

Ничего нового
Я тебе не скажу.
Ты слышал эти признания
Сотни раз
На разных языках.

Вряд ли ты захочешь
Слушать мой лепет,
Пустые, но такие важные,
По крайней мере, для меня,
Слова.

Ты не смягчишься,
Не взглянешь в мою сторону,
Не улыбнёшься –
Пожалуйста, хотя бы краешком рта! –
Не предложишь остаться.

Я, конечно, уйду.
Уберусь подальше,
Ровно туда, откуда пришла.
Ты не посмотришь вслед.
Зачем?

Но когда явлюсь снова,
Знаю, ты улыбнёшься.
Скажешь, проходи,
Твоё любимое кресло
Свободно.

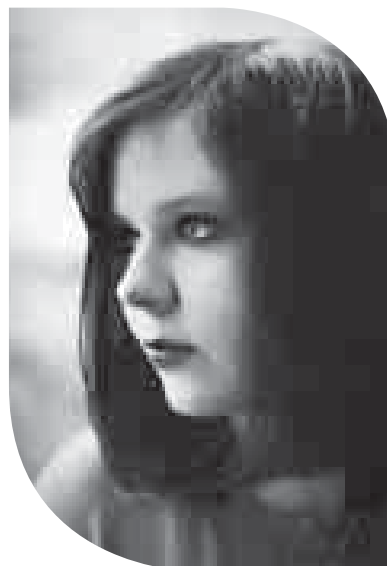
Марина МАЗУРЕНКО

Марина Игоревна Мазуренко (Веда Вереск) родилась 1 января 1992 года в Нальчике. Окончила среднюю общеобразовательную школу № 25. В 2012-м окончила Северо-Кавказский государственный институт искусств по специальности «Актриса театра и кино».

В 2015 году окончила с красным дипломом магистратуру КБГУ по специальности «Журналистика». В настоящее время работает корреспондентом в газете «Кабардино-Балкарская правда».

В 2016 и 2017 гг. принимала участие в Совещениях молодых писателей Северного Кавказа (в Майкопе и Домбае), ее работы включены в сборник «Молодые писатели», издающийся по итогам совещания. Участница смены «Журналистика» молодёжного форума «Таврида-2017».

В 2017 году принимала участие в фестивале «Читай-Нальчик», приуроченном ко Всемирному дню поэзии, и ряде других литературных мероприятий, проводимых в городе.

Мам, мне так страшно

Мам, мне так страшно. Мне до безумия страшно.
 Мне двадцать пять, я работаю и пишу,
 В текстах живут силуэты драконов, башен...
 Все мы подходим к первому рубежу –
 Взрослые дети, мечтатели, инфантилы.
 Книжки и песенки – крайне непрочный щит.
 Что делать дальше? Откуда мне черпать силы?
 Ведь ты не успела этому научить.

Мам, я устала пытаться быть очень смелой,
 И улыбаться, не искривляя рта.
 В слове «взросление» слышится дробь расстрела.
 Мне двадцать пять. Дымится в пыли черта.
 Как мне собраться, как одолеть границу?
 Что мне оставить, какие взорвать мосты?
 Ты мне не снишься. Мне ничего не снится.
 Надежды и грёзы сдали свои посты.

Мам, я скучаю. Я так по тебе скучаю,
До звериного воя, клокочущей хрипоты.
Время стирает страдания и печали,
Только как память теперь существуешь ты.
Я слабый детёныш, я – еле слышный отзвук
Мощного взрыва за тысячи световых.
Я поднимаюсь. Я вытираю слёзы.
Мам, я держусь. Я стараюсь за нас двоих.

Сёстры

Те, кого мы не знаем, перечёркнуты и забыты,
Прорастают сквозь строки, вырываются из страниц.
За плечом у девчонок – усталых, больных, забитых,
Выступает из дыма множество женских лиц –
Сара из Салема, Жанна из Орлеана,
И тысячи прочих воительниц, дочерей.
Женщины помнят костры и увечья, раны,
Битвы, пожарища, пронзительный свист плетей.
За согбенными спинами, худенькими руками,
За глазами, в которых плавится злая боль,
Таится та мощь, что страшнее великих армий,
Древняя сила, что выдержит каждый бой.

Сёстры глядят, через зарево поколений,
Сквозь череду потрясений и давних войн.
И когда ты в бессилии падаешь на колени,
Твои слёзы стирает призрачная ладонь.

Боль моя

Боль моя, боль, самый преданный мой солдат!
Ты со мной, когда остальные смылись.
Ты мой гордый стяг, мой снаряд, отряд,
Мой неровный пульс, конь в кровавом мыле.
Даже когда, заполняя собой разлом,
Алым цветком распускается ножевая,
Объятия твои – привычные, словно дом.
Ты существуешь – значит и я живая.

Беги

Разъело ржавчиной листву усталых лип,
Беги, мой друг, пока не сбиты ноги.
Сверкает кровь на стыке старых плит,
Трещат и рушатся недвижимые тоги
Пустых домов, вскрывая их нутро –
Всё мясо стен и рёбра арматуры.
Асфальт ползёт, как тоненький капрон,
Во мрак летят загруженные фуры.

Нас нет, мой друг. Мы смолоты в муку,
Мы стали хлебом на столе чужого бога,
Фамилией, венчающей строку
Надгробия со строчкой некролога.
Но всё ж, беги, вдыхая пустоту,
Туда, где лампа воссияет солнцем,
Луч преломив о камни на мосту.
Беги туда. И, может, мы проснёмся.

Чужой человек

Чужой человек покидал серый город в полдень,
И прерывисто бился под ногой неизвестный путь.
То был город покинутых – десятков, а может, сотен,
Тех, кому по ночам горький крик разъедает грудь.
В волосах незнакомца таились песок и пепел,
Развевались, как флаги, обрывки его одежд.
Люди города шли, не скрывая тоску и трепет,
Наступая след в след, не сомкнув воспалённых вежд.
– Это точно святой, – бормотал, трепеща, калека, –
Это он приведёт к покаянию и добру!
Но никто не подумал спросить у того человека,
Для чего он идёт и какой у него маршрут.
А он сам и не знал – почему да зачем, откуда...
Просто шёл по дороге, будто бы был магнит,
Что тянул за собой. Люди города ждали чуда.
«Ты посланник небес, пламя божье в тебе горит,
И оно нас спасёт, отогреет, вернёт нам веру» –
Говорила толпа, прибывавшая за спиной.
Человек шёл вперёд, молча думая: «Вот холера,
Я не звал никого, а они до сих пор со мной».

Но однажды, споткнувшись, в отчаянье, обессилев,
Человек закричал тем другим, за своим плечом:
«Не идите за мной! Я бродяга, а не мессия!
Я смертельно устал и, наверное, обречён».
Но они не поверили. Подняли, отряхнули.
«Ты нас испытал. Теперь же – давай, веди!»
Человек снова шёл. Над толпою свистели пули,
И язвительный смех рокотал у него в груди.
Люди шли по тропе, вдоль городов и леса,
Мимо волн, обнимавших совершенно пустой причал,
Проклинали, просили, по дороге служили мессу.
Люди шли в никуда, а чужой человек молчал.

Медуница

У меня на столе – сплошь вербена да медуница.
Поднимайся с колен, изнурённый и мрачнолицый.
Пляшут клочья огня, тепло обнимает плечи.
Ты спроси у меня, наверное, я отвечу,
Сколько дальше идти, и маяться так доколе.
Ветер северный стих, не воет, не плачет в поле.
Нет нужды вопрошать о судьбах в дыму полыни,
Просто знает душа – в чащобе навек остынешь.
Твой серебряный нож до сердца не доберётся.
Станет саваном ложь. Закрою глаза-колодцы,
Сладкий сон зимних вьюг встревожу совиным криком,
Путь-дорогу совью, в чертоги чащобы дикой,
Уложу тебя, гость, у корней, у речной границы,
Через кровь, через кость позже вырастет медуница.

Цикл «За колдуньей приходит волк»

1. Пролог

Ой, собирали за мной волчью свору да княжью рать,
Ой, точили по мне костяные свои ножи.
Укрывал от врагов снежной сенью мой зимний брат,
Я арканы свивала из вырванных с кровью жил.

Что неволит тебя, распознавший лицо беды?
Отчего не бежишь, если ветер приносит вой?

Тем, кто принял меня, остаются печаль и дым,
А могилы любимых давно поросли травой.

Мощь покинет меня, опустеет тугой колчан,
Заржавеет клинок и забудется старый долг.
Что случится со мной – то уже не твоя печаль.
Опускается мгла. За колдуньей приходит волк.

II. Цена

Косы струятся волнами по плечам,
Червонное золото валится вон из рук.
Княжич, скажи, почто меня привечал,
Да увозил от весёлых моих подруг?
Думал, колдунья прочь отведёт беду,
Притянет удачу, будто бы оберег?
Я же слыхала, батюшка твой – ведун,
Пророчил тебе короткий, бесславный век.

Сколько ты предал? Сколько ещё предашь?
Дрожит за спиною жадное море мглы,
Луком над нами выгнулся горный кряж,
Чудится посвист летящей в лицо стрелы.
Жемчуга не дари, не ряди в меха,
Не моли чаровать залитый кровью путь.
За перевалом дремлет великий хан,
Да проклятый нож, нацеленный прямо в грудь.

Травы не скроют, рок не изменят сны,
Для твоей головы свежий обструган кол.
Глупый мой княжич, хана шатры красны –
Стекают огнисто, да в затенённый дол.
Вижу погибель, слышу твою мольбу,
Но будет цена дороже, чем просто смерть.
Древнее средство: чтоб обмануть судьбу –
На место людское выйдет безумный зверь.

Мой ясноглазый, лучше чужой клинок,
Чем изменяться по воле слепой луны.
Гаснет закат, беседе выходит срок,
Время настало чудовищ собирать ночных.

Я в лихорадке, ты – до костей продрог,
Только под звёздами тёмное нужно звать,
Чтоб волчья тень послушно легла у ног.
Но после, пойми, собою никак не стать.

III. Ханская Дочь

Волк приходил в шатёр за моим отцом,
В тяжкое время горести и тревог.
Всё, что осталось – шрамы во всё лицо,
Стрелы и луки, злость и дурной клинок.

Облик звериный чарами крепко свит –
Волка того колдовская вела рука.
Дочери хана дольше отца не жить:
Срезала косы, сожгла в очаге шелка,
Нет больше девы – воин идёт во тьму,
За перевал, по старому следу вспять.
Ханская дочь не вынесла горьких мук,
Мне, вольной птице, что уж теперь терять?

Слухи ползут, что зверем стал княжий сын –
Ведьма в ночи сменила ему судьбу.
Едет наследник – воют в округе псы,
Глохнет мятеж, стихает свирепый бунт.
Не подобраться, силой его не взять,
Больно уж княжьи витязи хороши.
У мести моей – истинно лисья стать,
Зная, что делать, можно и не спешить.

Ведьму сыскав, я стану её щитом,
Да талисманы острый обманут взор.
Рано иль поздно, княжич покинет дом –
За чародейкой тянет кровавый зов.
Жжётся отравой смерть моего отца,
Стиснуты зубы, паром исходит лёд.
Пусть ведьма видит трепетного юнца,
Только вот волка ханская дочь убьёт.

IV. Княжич

Каждый, кто смог пересилить смерть,
Ведал, какой ценой.
В княжьих покоях есть только свет,
Ночь – приношу с собой.
Рдяный закат пробуждает вой,
Зверь собирает дань.
Сколько пришло за моей головой?
Только отцова длань
Может схватиться за серый мех,
Волчий смирить напор.
Я растворяюсь в тягучей тьме,
Поутру – слаб и хвор.

«Горюшко, княжич, несёшь в себе, –
Слышится в терему, –
Коли ты смог возразить судьбе,
Сдерживай пламя смут,
Твёрдой рукой направляй клинок
В грудь своего врага».
Плотная вязь колдовских дорог
Пала к моим ногам,
В ней остывает знакомый след –
Ведьмина колея.
Горек остаток моих побед,
Словно смертельный яд.

Серой изнанкой кошмарных снов
В горницу входит ночь.
Где ты, колдунья? Приди на зов,
Выгони зверя прочь.
Привкусом крови пропитан крик,
Застила ярость ум.
Ведьма, твой путь приведёт в тупик,
Древняя сила рун
Больше не сможет тебя сберечь:
Утром выходит рать.
В руку ложится булатный меч.
Я выхожу искать.

Михаил ЛУРЬЕ

Поэзия Михаила Алексеевича Лурье тиха и лирична, проникновенна и камерна. Любовь ко всему живому пробивается сквозь скромный облик уже немолодого самодеятельного поэта из поколения детей войны. Он пишет, потому что не может этого не делать. Делится самым важным и самым ценным, чем наполнена его душа.

Активный член литературного объединения «Родник» Майского района. Автор книги стихов и эссе «Встань и поклонись», которая вышла в 2017 году в Нальчикском издательстве М. и В. Котляровых.

Россия

Ты есть страна, чья славы сила
В боях доказана была.
Не раз судьба тебя косила,
Но ты боролась и жила.
Не раз враги смерть предвещали,
Дома сжигая и жнивье,
Но из пожарищ ты вставала
И в руки вновь брала ружье.
И вот увидела Европа
Тобой поверженный Рейхстаг.
И тех, кто, полземли протопав,
Победный водрузили стяг.
Чтоб жить, ты права не просила,
Чтоб жить, все цепи ты рвала.
Непокоренная Россия,
Источник мира и добра.

Ты приходи!

Приходи ты сюда на заре.
Когда травы еще в серебре,
Когда солнце встает над землей,
Озаряя багровой зарей.
Ты приходи и послушай, постой,
Вспомни черный тот сорок второй.
Не багровый тогда был рассвет,

То от крови расстрелянных след.
Не в траве изумрудной роса,
А детишек российских слеза.
Рев моторов, овчарок злой лай,
Окрик пьяный: «Быстрее слезай!».
Лопухами поросший овраг.
Сотни лиц, сотни глаз, а в них страх.
Детский плач: «Ты спаси меня, ма!...»
Пулемет оборвал те слова.
Ты постой и послушай скорей,
Слышишь стон средь цветущих полей?
То не ветер колышет траву,
Это стон тех погибших во рву.
Видишь алые гроздьа вдали?
Это капли пролитой крови.
Ты приди, ты присядь, отдохни.
Добрым словом их всех помяни.

Сердце матери

Зреет в поле под солнцем пшеница.
В небо поднялся клин журавлей.
Над рекой песня льется, кружится,
Собирая на луг косарей.
А к гранитной плите за станицей
Мать сыночка проведать спешит.
До сих пор по ночам он ей снится.
До сих пор писем ждет и грустит.
Подошла, к обелиску склонилась,
Положила ромашек букет.
«Здравствуй, сынка, вот я воротилась,
Что ж тебя до сих пор дома нет?»
Но молчат в тишине имена,
Среди них свое ищет она.
Водит пальцем по золоту букв,
И несется отчаянья звук.
Увидала меня, угостила,
Помянуть сыночка просила.
«Видеть плохо я стала глазами.
Посмотри, – говорила мне мать. –
Где-то здесь, рядом с именем Сани
И мое должно имя стоять».
«Где-то здесь, – повторяет опять. –

Рядом с Саней должна я лежать.
Так почему до сих пор меня нет?»
Я не в силах был дать ей ответ.
Сердце сжалось. Прикрыл я глаза.
По щеке покатилась слеза.

Письмо

Напиши письмо, сестрица,
Напиши, прошу тебя.
Мне на фронт, хоть полстраницы.
Благодарен буду я.
На военных на дорогах,
Под огнем и без огня,
На привале иль в окопах
Я прочту его друзьям.
И душе теплее станет
От сердечных твоих строк,
Пуля-дура не пристанет,
И штык их не возьмет.
На войне, в боях и муках,
Тяжело мне без него.
Вспоминать я буду руки,
Написавшие его.
Ну а если же, сестрица,
Я погибну на войне,
Обгоревших полстраницы
Пусть напомнят обо мне.

Росток

На поле весною военной
Из зернышка выглянул в мир
Росточек пшеницы отменной,
Что сердцу крестьянскому мил.
То поле, где рос он, пылало,
Горели земля и металл.
И только росточек тот малый
Один средь пожарищ стоял.
Война его гнула, ломала,
Свинцовыми ливнями жгла,
И все же росточек тот малый

Она победить не смогла.
Тем ливням пришел на замену
С победною песней ручей.
И небо вокруг посветлело,
Весна зашагала смелей.
И дождичек майский над пашней
Весеннею влагой пролил,
Чтоб этот росточек отважный
Мог стать колоском золотым,
Чтоб осенью в каждой семье
Каравай стоял на столе.

Азамат ТАЗОВ

Азамат Хасанович Тазов родился 6 января 1991 года в Нальчике. В 2013 году поступил в Северо-Кавказский институт искусств на отделение «Литературное творчество», где обучается по настоящее время.

Пишет прозу, стихи на русском и кабардинском языках. На первых курсах увлекался публицистикой и переводами, пробовал себя в электронных СМИ. Печатался в местных СМИ («Советская молодёжь», «Нальчик», «Горянка», «Газета Юга», «Адыгэ псалъэ», «Кабардино-Балкарская правда», «Лескенская газета», студенческая газета «ARTBOOK» и др.); его рассказы вошли в институтский сборник «Отпечаток мгновенья».

Отпечаток мгновенья*Рассказ*

Она возникла внезапно. Нет, не она, а они – ее глаза. Глаза Лэри... Они сияли нежным блеском, совсем как звезды. Казалось, они открывают мне свет ее сердца. И этот свет манил меня к себе. Я бы мог смотреть в эти глаза целую вечность, как на звездное небо, полное загадок. Она была так чиста, молода и легка, как свободная птица, готовая тут же вспорхнуть и улететь в небо, потому что – неземная. В меру молчаливая, в меру скромная, и, самое главное, с ней не было скучно. Глядя на нее, мне казалось, что она фантом, сладкий обман, мираж. Единовластно правивший в душе штиль постепенно превращался в шторм, сердце стало биться чаще, и я вдруг понял: это пришла она – Любовь с первого взгляда. Пришла и засияла маленькой звездочкой в глубинах моей души.

Но был один тонкий нюанс, который тревожил и сковывал мои действия, – Лэри была девушкой моего друга Арчи, на дне рождения которого я сидел в шумной компании незнакомых мне людей. Шум разговоров, звон бокалов и даже громкая музыка не могли сбить меня с мысли о ней, девушке из моих снов. Но вскоре мое, скрытое от всех присутствующих, душевное блаженство прервалось, гости стали расходиться. Так как я не пил спиртного, не понимал пьяных разговоров, а Арчи был в пьяном бреду, я сам начал провожать всех гостей, кроме Лэри.

Закрывая дверь, я почувствовал, что она смотрит на меня, обернувшись. Она стояла в проходе между комнатами и как-то странно смотрела

на меня, а затем спросила, могу ли я проводить и ее, на что я кивнул головой. Уложив Арчи спать, мы с ней вышли на улицу. Она жила недалеко, и мы решили, не вызывая такси, пройти пешком...

Нарушив неловкое молчание, Лэри начала расспрашивать меня о наших дружеских отношениях с Арчи, сколько мне лет, где я живу... Путь до ее подъезда оказался таким коротким, что ни о чем важном я так и не успел сказать. Мы опять встретились взглядами. Шторм еще мощнее накрывал меня, и я хотел с головой окунуться в него, и где-то в глубине души я знал, что она чувствует то же самое, что и я. В этот момент я вспомнил об Арчи, о том, что я могу потерять его. «Что же ты делаешь? Остановись! Ведь он твой друг! Таких девушек много, а верный друг – он один, единственный», – предостерегал себя же от обдуманых шагов.

Прощаясь, я заметил наступившую тоску в глазах напротив, и эти глаза просили остаться. С Арчи я не мог так поступить. Дружба всегда значила для меня больше, чем любовь, а может, я и не знал, что такое любовь, когда и в каком образе придет. Образ этот был прекрасен снаружи, а внутри неясен. Меня переполняли чувства, я был готов забыть про долг перед другом, про честь и совесть, про все на свете, лишь бы остаться с ней, хотя бы ненадолго. Но что потом?.. Ясно представив себе недовольное лицо Арчи, я вспомнил и всех остальных друзей... и, сказал себе твердое «нет!», быстро простился и ушел.

Возвращаясь по ночной улице, я несколько раз поднимал голову к небу. Оттуда, с огромной высоты мне подмигивали звезды, похожие на легкомысленных девушек с неведомых мне планет. «Черт возьми, вот что значит быть пьяным без вина», – твердил я себе под нос, и мне вовсе не хотелось возвращаться ни домой, ни к Арчи. Мне хотелось только к Лэри.

Пришел домой под утро, упал на диван и заснул, как мертвый. Мне снился забавный сон, где я и она то ли плавали, то ли летали в огромном океане мерцающих звезд и никак не могли дотянуться друг до друга, чтобы обняться. Я проспал сутки. Ранним утром меня разбудил настырный телефонный звонок. Из разговора я узнал о внезапной смерти Арчи – моего лучшего друга. Он погиб случайно, в автокатастрофе, но я почему-то почувствовал себя виноватым, будто предал друга. Полгода я провел в полном одиночестве, в раздумьях о смысле жизни, дружбы, любви. Не то чтобы в депрессии, вернее – в трауре. В глубоком трауре по потерянному другу, по умирающим вдали планетам-звездам, по чему-то несбывшемуся, но очень важному в моей жизни. Теперь я больше не вспоминаю о той грустной ночи, но эти космически красивые глаза Лэри...

Их забыть невозможно, ведь в них отпечаток мгновенья любви и ушедшей в вечность дружбы...

Шесть улиц

Дверь заперта. Задернуты шторы. В комнате темно и тихо. Запах свежесваренного кофе кружится в воздухе вместе с табачным дымом. Лишь звук работающего компьютера мешает настроиться на правильные мысли. Два динамика на компьютерном столе, помогающие заглушить все шумы окружающего мира, покрыты пылью. Телефон стоит на беззвучном режиме с кучей непринятых звонков непонятно от кого. Светодиодная лампа освещает только одну половину стола. На другой – темной – половине, почти на самом краю стола, лежит зажигалка, готовая упасть от малейшего толчка. Все это не имело бы ни малейшего значения, если бы не напоминало о том, что в моей жизни все обстоит точно так же: ясна только одна – первая половина. Другую я пока не знаю, не помню, не вижу.

Взгляд задержался на нескольких грамотах в деревянных рамках, висящих на стене. На этом и заканчиваются все достижения. Армейская фотография с календарем на 2009 год напомнила о том, что прошло уже шесть лет со дня увольнения из рядовых. Это воинское звание предшествует ефрейтору, от которого я тогда отказался по собственной воле. Оглядываясь назад, теперь понимаю, что с этого отказа от продвижения по службе все и началось. Мое топтание на месте. Из рядового солдата я должен был «трансформироваться» в «штатского» (гражданский статус), но почему-то все ещё продолжаю оставаться рядовым. Рядовой значит обычный, а я не совсем вписываюсь в рамки «обычного». А теперь, вдобавок ко всему, еще и творческий кризис. Пришел, прижился и диктует свои, какие-то нелепые правила. Вообще писать хотелось бы обо всем, как Пушкин, но рука не «тянется к перу, а перо к бумаге».

Где-то здесь, на окраине жизни города, тихо тают мои дни и ночи. Детство позади, остались одни детские фотографии. Память. Воспоминания растягиваются фоном. Четверть жизни прошла в этом, не совсем приятном, но родном уголке – истоптанном районе из шести улиц. Здесь не горят фонари, но пролетают фары. Здесь юные годы, как поют во дворах под гитару, ложатся на землю цветами или уходят в казенный дом.

Я стоял у окна и рассуждал, всматривался в лица прохожих и видел в них какой-то нечеловеческий оскал. Подозрительные взгляды людей в погонах на парней в капюшонах... По-моему, это – тоска, в которую рано или поздно погружается каждый, разумеется, не от хорошей жизни. Вызывающие наряды красоток, толпящихся по вечерам на углу возле местного парка, больше не привлекают. Теперь я знаю правду – их истинное лицо, а они знают себе цену и называют её потенциальным

покупателям. Здесь есть место и для тех, кого мы любим, но, увы, не бережем. Мы вспоминаем о них лишь изредка, когда остро нуждаемся во внимании. Немного жаль будущих детей, которые появятся здесь так или иначе. Ведь им предстоит познать мир только в одних серых тонах, увидеть весь этот творящийся бред и здешних ребят, превратившихся в хлам в расцвете сил.

Смотрю из окна пятиэтажки на то, как весенний дождь оmyвает серую массу, по сути, идущих в никуда. Кажется, что их судьбы вбиты в быт, как в мертвое дерево – горстка гвоздей. А те, что смогли хоть как-то сменить интерьер своей среды существования, уходят за бугор в поисках лучшей жизни.

В соседнем доме живет дядя Володя. Его окно расположено ровно напротив моего, и каждую ночь я наблюдаю, как в одно и то же время, в девять часов вечера, он выходит на балкон покурить. День дяди Володи распisan по минутам. После двадцати лет заключения он зациклился на тюремном распорядке и вообще не выходит на улицу. Тюрма сделала его безжизненным роботом. Сидел за убийство обидчика своей жены Анны Харитоновны – учителя русского языка в нашей школе. Правильное общество отказалось от него навсегда, и теперь он просто существует без всяких планов на жизнь. Помотала его жизнь курортами казенными по России-матушке, а к половине срока Анна Харитоновна решила, что на том свете ждать мужа будет легче.

Во дворе стоит старая беседка с засыпанным жухлыми листьями шифером и грязными от ног скамейками. По ночам тут собирается искожевская шпана и с банками в руках коллективно думает о том, как бы скрасить себе досуг. Шпане ведь трудно без того, что убивает ее. Они топят сами себя, и даже в этом их нельзя упрекнуть. Дьявол жестче дергает за плечо, не то, что ангел.

Неподалеку от моего дома стоит моя ровесница – пивнушка. Из ее никогда не закрывающихся дверей то и дело появляются подозрительные лица – довольные пьяницы, а ведь с утра – головная боль... Но душевная ли?.. Предстоит один маршрут: по остановкам кланчить мелочь у идущих на работу людей, чтобы подлечиться всё у той же моей ровесницы. И ждать заката. А завтра всё по новой, жизнь – круговорот.

Каждое утро, как будто нарочно, встречаю возле подъезда бывшую любовь из параллельного класса. Карина, с рыжими кудрявыми волосами и надетой, но, тем не менее, восхитительной улыбкой, идет на курсы английского языка. Ее изящная походка заставляет оборачиваться все мужское поголовье в округе. Она вся такая, а я не соответствую. При столкновении с ней лицом к лицу мне почему-то приходится врать, что все отлично, дела лучше, чем у всех, что скоро женюсь. А она жалуется,

что все плохо, что вернула бы школьные годы, когда она так торопилась взрослеть. Как обычно, мы желаем друг другу счастья, здоровья и расходимся по сторонам. И так продолжается вечность. А ведь раньше мы были очень близки, о нас знали наши родители, но однажды я не нашел ее взгляда утром в столовой за завтраком. То ли нарочно, то ли невзначай, она тогда сказала: «Ты не такой, как все...» И этот момент остановило в памяти время. Наверное, я многое бы отдал, чтобы снова слышать рядом ее дыхание. Сыграла бы она еще разочек на моих чувствах. И все-таки лучше одному уйти в штиль, чем с ней идти в шторм. И всякий раз после встречи с ней меня посещает щемящее чувство нехватки чего-то очень важного для меня лично, но дух, похоже, не сломлен, и он твердит мне: всё хорошо, всё в порядке.

Уже смеркается, район за окном тихо погружается в темноту. Загораются окошки, за ними жизнь, и не у всех она частная. Этот день ушел, оставив лишь память и следы от кедров, а потом вечная дорога в завтра. Эти воспоминания и есть память. Возможно, я буду помнить лишь те лучшие дни, будни беззаботного детства, яркие праздники, хеппи-энды сказок, которые смотрел по кабельному на ночь, всегда улыбающуюся бабушку, первый велосипед, первого друга и первый поцелуй девушки в тесных стенах подъезда. И, конечно, мама, которая в моих глазах останется единственной и самой верной женщиной.

Октябрь 2005 года оставил неизгладимый след в моем сердце, когда пришла война в мой дом. Я был тогда школьником и многого не осознавал, но сейчас понял, что та осень забрала часть меня. Слишком много смертей я увидел для своих лет. Как же всем было страшно. Числа стирают дни, но память шрапнелью врезается в грудь, она уже вжилась и становится частью тебя.

Теперь, после стольких лет, я просыпаюсь и иду в институт, поглощая пыльный воздух города. И так каждый день. Странная тоска идет за мной по пятам. Я заметил, что появилась зависимость писать «за жизнь» свою, одноцветную, как хаки. Если бы не стихи и музыка, что бы я делал? Так бы и шел, куда шел, – в пасть к змею. Город дает путь от молодости до могилы. Быть образованным или бандитом – разные на выбор трассы жизни. Я честен и беден, а внутри – душа, которая не может смириться с происходящим. Живу здесь в окружении дворов района из шести улиц и по ночам пишу в темной комнате, чтобы сказать этому миру хоть что-то.

Раньше я хранил мысли в голове за семью печатями, но их становилось все больше и больше, они переплетались паутиной, искали выхода наружу. Я верил, что что-то должно было меня спасти. Уходил в себя и путался в раздумьях, которые мелькали кинолентой. Если бы не первая

любовь, я замкнулся бы в себе и начал бредить, но, как говорится в песне, «если б не она, не было бы и меня», – точно обо мне. Все, что я хотел сказать, написал в письме и долго не решался показывать, но что-то внутри подтолкнуло отдать его первой избраннице. С этого все и началось...

Наверное, Всевышний увидел, что мой путь направлен не в ту сторону, и вложил любовь в мое сердце для того, чтобы выразить чистые мысли. Я несказанно рад тому, что все еще занимаюсь своим делом и могу контролировать себя.

Район темнеет, в беседке снова собираются ребята, чтобы, как всегда, лениво и безрадостно заливать и жечь скуку, и кажется, ничто не заставит их перестать это делать. Так воспитала их улица.

Я закуриваю сигарету, и дым опускается на строки, закрываю веки. Хочу рассказать о многом, что происходит за моим окном, но в голове все перемешалось, как грязь с песком.

Тускло. Закрыты глаза, задернуты шторы, в комнате густой сигаретный туман. Мы перезимовали, и все-таки пришла весна. Хватит, насмотрелся будничной рутины. Рука моя держит карандаш, с помощью которого мысли находят дверь с надписью «Выход». Очень скоро на небе появится солнце, и тогда на мои легкие дымом осядет горькая правда. На карте с моим прошлым останется только она одна.

Утром решил пройтись по свежему воздуху. Оделся. Спустился. Вышел. Вгляделся. Улыбнулся. Зима позади, а весна всегда наталкивает на мысли о том, что не все еще потеряно, а точнее, все впереди. Обычное утро, столько всего не сделано и столько ещё не сказано. Еще две недели до «конца света». Комета, которая летит на землю с невероятной скоростью, закрутилась на вираже. Может, кто-то ее остановит, а то я так и не съездил никуда прошлым летом.

Город сегодня такой угрюмый, вопреки солнечной погоде. Ясно – от холодов еще не оправился. Я зашел в парк и сел на вторую по счету лавочку. Отсюда тоже видно все, за чем я обычно наблюдаю. Слякоть еще не высохла, все деревья раздеты, и почки только начали появляться на ветках. Точно, это начало чего-то такого, что я не могу объяснить даже самому себе. Мои раздумья прервал смех двух девчонок, идущих между деревьями. Голос одной из них был до боли знакомым, приятней, чем тысячи других. Это Карина с подругой Лерой намеренно идут в мою сторону. Я начинаю скрупулезно искать нужные слова, словосочетания, но уже поздно. Они здесь. Ее улыбка и хитрые, оценивающие глаза настигают, спешат к своей цели.

– Почему ты здесь один сидишь?

– Я не один. Всевышний со мной!

– А нас двое, но все равно скучно, – признается подруга Карины.

– Значит, наши мысли вовсе не совпадают, соответственно, и пути разные.

Собираюсь уходить.

– Увидев тебя, я решила, что ты скрасишь наше одиночество, – поддельно расстроенным голосом парирует Карина, продолжая свою хитрую игру глазами.

– Увы, я не желаю окунаться в иссякшее чувство и обманутое доверие, – заносчиво и через «не могу» выговариваю сквозь зубы.

Мне все равно, даже если она ищет оправдания, душа не желает оглядываться назад и возвращаться на прежние места, где нежный запах духов, да и сердце не позволит. Другое моё «я» шепчет на ухо: «А ведь она такая милая, симпатичная. Ее нежный взгляд излечил бы твою простуду. Вернуть бы опять те мгновения, когда счастье было так близко...»

Кажется, моя болезнь неизлечима. Я знаю, через мгновение она растворится в воздухе, как дым. Сердце не зашить, но рана затянется. Нет, Карина никогда не узнает, а если и узнает, не поверит, что я пишу все это. У нее экзамены, и к сессии надо готовиться.

Тают дни шести улиц, время идет, сменяются лица, сменяются мысли и мнения, меняется все вокруг и сам мир. Но неизменным останется одно – победная сила весны. И каждый раз посреди грязи и мусора вырастают наши цветы, как символ продолжения жизни. И это – главное, а остальное – мне все равно.

Сколько нам пройти еще осталось по этим улицам, прежде чем жизнь измельчит наши ожидания, расщепит наши чувства и воспоминания на частички, как кофемолка. Это неизбежность – кофе все же сварится, будет выпит или вылит. Прошлое останется на дне чашки, а улицы будут помнить лишь следы от кедров, запах в тесных стенах подъезда, будни района вперемешку с дымом под потолком комнаты и лай собак за окном.

Залим МАИРОВ

Залим Заурович Маиров родился 14 февраля 1992 года в Нальчике. Студент-дипломник Северо-Кавказского института искусств. В 2014 году – первая публикация его прозы в газете «Советская молодежь». В 2017 году – участник 10-го съезда молодых писателей Северного Кавказа.

МОЛИТВА

Рассказ

ДУДУ – дудух. ДУДУ – дудух. ДУДУ – дудух...

Головная боль все же затмевает ощущение красоты: за окном плацкартного вагона – золотисто-оранжевый закат, неспешно переодевающийся в алую бархатную пелену, но, глядя на него, я ничего не чувствую, кроме навязчивого желания вернуться в небытие.

«Конечная станция!.. Адлер!.. через пятнадцать минут...» – неуверенным голосом, но стараясь как можно громче, объявила молодая проводница с ярко-зелеными глазами. Получился – женственный громкий шепот, но достаточный для того, чтобы в пыльной духоте вагона началось суетливое копошение.

За мерным стуком колес уже слышатся равнодушные рукоплескания морских волн. Чем ближе я к конечной станции, тем могучей ощущение неправдоподобности, что я существую, что я здесь, на этой земле, в этом поезде. И что через пятнадцать минут, наконец, увижусь с отцом... Я не видел его больше пяти лет. Наверное, всю жизнь нуждался в нем... И еду сейчас к нему лишь с одной сокровенной целью – доказать в первую очередь самому себе, что я достойный его сын.

Страх перед неизвестностью делает меня невнимательным и равнодушным к окружающему; струящиеся локоны зеленоглазой Венеры уже далеко в прошлом. Впереди – неясные очертания будущего, за которые я отчаянно и безуспешно цепляюсь каждым импульсом головной боли. Из ниоткуда вдруг возникает гомон скандальных чаек, будто предвещающая что-то неладное, недоброе, на что я могу ответить лишь бессильным молчанием. Поникнув головой, я закрыл глаза, стал медленно массировать лоб ладонью. Старался ни о чем не думать... Какой-то потаенной частью сознания надеялся, что отец забыл обо мне и не придет встречать.

Наконец, поезд остановился. Пассажиры предсказуемо выстроились в нетерпеливую очередь. Но я продолжал сидеть, как пригвожденный, почти не дыша, пока не зазвонил мобильник. Ответить я решился не сразу. Произнес предательски охрипшим голосом:

– Ало... гм!.. Ало!

– Сынок! Ты приехал? Какой вагон?! Семнадцатый или двадцать восьмой? Выходишь? Хорошо, жду.

Я встал. Его голос был спокоен. А во мне бушевал страх. Наэлектризованные мурашки, напомнив о моем решении приехать сюда, в один миг вонзились в меня неистовой сотней иголок. Где угодно я готов оказаться сейчас, только не здесь, что угодно ради этого бы отдал.

Решился. Выходя, кивнул молодой проводнице. Ответной реакции не дождался.

На перроне стоял мужчина в застиранной серой рубашке, просторных спортивных штанах и невзрачных мокасинах. Подойдя ближе, я разглядел загорелое, покрытое морщинами лицо, смиренный взгляд. С человеком из моих детских воспоминаний его связывал лишь цвет глаз. В моей памяти он остался амбициозным и вспыльчивым, вечно пьющим и нередко дразнящим меня маменькиным сынком.

Заговорить первым я не решался. Отец произнес:

– Ассаламу алейкум!

– Алейкума ассалам! – ответил я незнакомым мне голосом.

– Пойдем!

И мы пошли – в ногу, но совершенно разной поступью.

Сцену нашей встречи я представлял сотни раз, и ничего я не угадал... Отца, которого я знал, будто бы и не было; я шел с его исхудалой тенью, шагающей теперь то ли с безмятежным спокойствием, то ли со странным для меня безразличием.

Поначалу он задавал мне обыкновенные вопросы – о маме, о домашних делах, о моих братьях и о прочих людях, связанных с его прошлым, но нутром он, мне казалось, был отрешен от всего этого; он будто находился в границах своей идеи, пока неясной мне, но он чувствовал себя в ней уверенно и подозрительно комфортно. С похожей отрешенностью я отвечал на его вопросы, стараясь скрыть свое разочарование. Мой приезд сюда теперь уже казался мне бессмысленным. Усталость и головная напомнили о себе.

Мы сели в автобус. С грустью поглядывая на сменяющиеся улицы, я обратил внимание на таинственные камни возле дороги: утвердившиеся на земле уверенно и твердо, формой они напоминали широкие столбы – в человеческий рост, некоторые – с десятилетнего ребенка, но каждый – стоял одиноко... Будто безмолвные памятники, поставленные кем-то на века.

Выходя из автобуса, я хотел спросить отца про камни. Но он меня опередил:

– Сынок, когда ты начнешь делать намаз?

«Никогда», – тут же подумал я, прежде чем что-то понять. Но, помедлив, ответил:

– Я еще не готов. Это очень ответственное решение.

– Зря... Не попадет тот человек в рай, кто не совершает намаз, – сказал он с искренним сожалением.

Я промолчал.

Двигаясь в сторону набережной, мы будто вошли в какой-то иной мир: отовсюду навязчиво и гулко зазвучала разная танцевальная музыка; не было и угла, где бы не светились неоновые вывески, приглашающие зайти; впервые я встречаю такое огромное количество одинаково улыбающихся женских лиц... В этом беззаботном мире мы с отцом казались невидимками. Только мне стало казаться, что и этот мир был для него такой же невидимкой. Не замечая всего вокруг, но перекрикивая музыку, он восхищенно рассказывал мне о пророках – казалось бы, истории, которые я и так знал, но теперь я слушал их по-новому, со слов совсем незнакомого мне человека.

Проходя мимо парка аттракционов, отец все же уговорил меня прокатиться на колесе обозрения. Я отказывался, как мог, говорил, что мне это не интересно, но теперь, поднимаясь на колесе все выше, я почувствовал, что мое дыхание замедлилось. И мир, несомненно, замедлился. Звезды оказались совсем не наверху, а внизу – среди празднично и бестолково копошащихся муравьев. Музыка звучала все глуше, ветер усиливался. Ощущение неправдоподобности происходящего усилилось до восхищения. Я вдруг осознал: ведь отец в чем-то прав – этот мир действительно кем-то создан...

Мы очень долго шли вниз, вдоль набережной, казалось – нескончаемо долго. Заметно похолодало. Усталость давно достигла своего предела. Я бы, наверное, упал, если бы не идущий вместе со мной живой человек...

Мы остановились.

– Вот здесь я и живу! – объявил отец.

Я вопросительно оглянулся. Не сразу заметил вагончик. На колесах.

– Раньше он стоял чуть выше, – продолжал отец, – возле зимнего дворца. Но когда его достроили, меня оттуда прогнали.

Я забыл рассказать, что мой отец подрабатывал разнорабочим на стройках. Не работал – подрабатывал. Сейчас он мне рассказывает, как строил Дворец зимнего спорта, возил туда цемент и не только. Видимо, я не скоро смогу привыкнуть к его новому образу... Вспоминаю, как однажды отец разбил свою машину – «девяносто девятку», совсем новую, только что привезенную из Самары, – и через несколько дней привез другую... Теперь он хочет устроиться на строительство стадиона, по

его словам, находящегося позади вагончика. Всматриваюсь туда, сквозь сумрак едва замечаю лишь очертания двуглавой горы: если это папин стадион – то он неправдоподобно огромен.

Отцовский же вагончик состоял из двух комнаток и кладовой посередине. Судя по одинокому матрасу на полу, первая комната была спальней; а в кладовой чего только не было – от перфоратора и газовой горелки до чайной посуды и карликового холодильника; зато вторая комната походила на гостиную: минимальный косметический ремонт, маленький ковер на полу, небольшой диван и старенький телевизор на комод, – в ней отец и велел мне расположиться. Электричества в вагончике не было, хотя оно, судя по розеткам, подразумевалось... Мобильник было не зарядить.

Я зажег свечу. На телевизоре лежал Коран; сбоку от него – стопка дисков с историями пророков, хадисами и проповедями. Диванчик поначалу производил противоречивые впечатления – весь шатался, поверхность его казалась негостеприимно жесткой, а вместо одной из ножек и вовсе была подставлена широченная книга (я не поленился посмотреть на ее корешок – «Дон Кихот»), но стоило на него прилечь, как я всем телом ощутил – диван идеально подходит для отдохновения.

Из полудремы меня вернул настойчивый зов отца – он приготовил ужин. Нехитрая яичница с помидорами показалась мне вкуснейшей едой.

А когда мы поели, отец объявил:

– Мне пора делать намаз.

Раздевшись, он пошел в сторону моря. Не успев удивиться, я услышал:

– Пошли, искупаешься! – позвал он. – Ты ж все-таки на море приехал.

И правда...

Иду за отцом по холодным камням. Мне вдруг перестало быть интересным, нахожусь ли я в яви. Если нет – то и пусть...

Отныне я отказываюсь анализировать отца – я устал...

Как и устал сожалеть о прошлом.

Устал опасаться непредсказуемости будущего, совсем забывая жить в настоящем...

Отныне я должен быть храбр. В любое мгновение своей жизни я должен суметь остановиться и воспринять любую минуту как самую важную в своей жизни.

Отныне я должен научиться доверять своим чувствам и ощущениям.

Аминь.

Прежде чем окончательно войти в воду, отец трижды произнес: «Бисмилляхи Рахмани Рахим».

Тенью я зашел вслед за ним; вода оказалась на удивление теплой и соленой. Бесшумно, но с жадностью, я старался проследить за каждым движением омовения отца. Его голос, когда он читал молитвы, вслушал

странное спокойствие; вызывал философское ощущение бренности всех моих былых переживаний.

Вера отца больше не вызывала у меня сомнений, но я никак не мог перестать сомневаться в искренности своей.

Когда отец закончил омовение, я сразу спросил у него:

– Папа, как ты здесь оказался?.. То есть – как ты здесь оказался один? Почему здесь? Почему ты не живешь в Нальчике с бабушкой?

Он молчал. Но потом все-таки ответил:

– Сынок, на самом деле это наша земля. Мы отсюда. Мы же убыхи...

– Мы не кабардинцы?..

– Нет, мы – убыхи, – настаивал он. – Я и сам узнал об этом лишь где-то в твоём возрасте. Узнал от твоего прадеда, бывшего при жизни известным муллой во всей Кабарде. Он мне рассказывал, как в их аул однажды пришел хромой старик и расплакался, узнав, что его родные племянники выжили. Оказалось, что во время изгнания убыхов в Турцию двое братьев сбежали и, перебравшись через горы, поселились в Кабарде. Чтобы не было вопросов, они стали называть себя кабардинцами, – ибо у адыгов бегство всегда считалось позором. Их дети уже не знали родного языка, не имели представления о своем настоящем происхождении, искренне считали себя кабардинцами. Как и наш род до сих пор. Но на самом деле мы – убыхи.

Я ничего не мог на это ответить...

Отец восхищенно стал рассказывать мне об Аль-Фатихе, первой суре Корана, подчеркивая в ней глубинный смысл каждого аята – читая мне ее сначала на арабском, а затем переводя на русский. И нередко повторял: «Сынок, ты только задумайся! Сколько здесь мудрости!..» Нескрываемое удовольствие отражалось в его глазах. Казалось, и я был счастлив вместе с ним.

Но вспомнив о намазе, отец торопливо покинул меня. Стоя в воде, я нашел взглядом луну. Она, прячась за облаками, не переставала украдкой подсматривать за нами, но теперь снова скрылась. Я ждал ее терпеливо; спешить мне было некуда. Ужасно хотелось с ней поговорить. Но и хотелось молчать, или просто – побыть с ней заодно, но молча. Хотелось верить, что луна лучше меня понимает все суетные движения моей души.

Но она пропала.

Возвращаться мне пришлось в кромешной темноте. Холодок камней под ногами вызывал непривычное чувство отрады: значит, еще жив. Почему-то я не сомневался, что обязательно доберусь до вагончика. И неожиданно объявившаяся луна как бы подтвердила это: я был уже на полпути от него. Остаток заряда мобильного я решил потратить на фото луны: должен же я был хоть как-то запечатлеть этот день.

Отец уже спал. Стараясь не шуметь, я закрыл дверь вагончика изнутри на висячий замок. Нащупав свой хитроумный диван, я прилег.

И не смог уснуть: слишком насыщенный был день, чтобы завершить его так просто... Я зажег свечу и открыл Коран. Медленно, шепотом начал читать:

– Открывающая. Аль-Фатиха. Во имя Аллаха, всемилостивого, милосердного... – Но тут же отвлекся: резко и стремительно полил дождь. Тяжелые капли настойчиво стали тарабанить по крыше, отчаянно пытаюсь проникнуть внутрь. И некоторым это удавалось – они падали прямо на отцовский ковер.

– Во имя Аллаха, всемилостивого, милосердного. Хвала Аллаху, господу миров.

Пронесся звонкий свист. Затем какой-то неясный стук, будто кто-то неуверенно постучался в дверь. Стук быстро перерос в грохот. Неуверенность – в нестерпимость. Вагончик стало покачивать. Пламя свечи бросило в дрожь. Если отец не забеспокоился, значит – все хорошо. Все в порядке. Все нормально. И продолжил читать Коран:

– Всемилостив и милосерден Он один... Дня судного один Он властелин...

Вагончик начало серьезно пошатывать. Меня подбрасывало. Дождь бил по крыше все настойчивей. Что-то разбилось в кладовке. Под дверь стала затекать вода... И «Дон Кихот», выскочив из-под ножки, едва не перевернул диван.

– Мы предаемся лишь Тебе и лишь к Тебе о помощи взываем...

Рывок пламени, и свеча погасла. Я ринулся в отцовскую комнату. Силуэт спящего отца слегка подпрыгивал, качаясь из стороны в сторону, но сам он оставался спокоен. Подойти ближе и посмотреть в его лицо я не решился... Оперся о стену и позвал:

– Папа... папа!.. Отец! Там кто-то стучит... а у меня ключа нет...

Он не реагировал.

– Папа!!! – уже без притворства закричал я. – Ты спишь?!. Мы сейчас утонем!..

Ко всем моим зовам он оказался абсолютно равнодушен. Мне стало казаться, что он и не дышит.

Я вернулся к своему злополучному дивану. Наивно старался ни о чем не думать. Руки дрожали. Уши я закрыл подушкой, надеясь ничего не слышать – но это оказалось жалкой и тщетной попыткой. Диван, вдруг сильно подпрыгнув, беспощадно скинул меня на пол.

– Ладно – я! А за что ты хочешь наказать покорного раба твоего?!.

Из-за сильного шума дождя я едва себя слышал. Мой голос охрип. Но мне было наплевать.

– Не нужен он мне!.. Забирай! Хрен с тобой!.. И я не боюсь тебя! Все равно я когда-нибудь бы умер! А теперь я знаю – когда! Понял ты?! Я не проиграл! Не нужна мне такая жизнь, полная страха! Какой же ты всемилостивый... дня судного властелин...

«А ведь и правда я когда-нибудь бы умер...» – стало последней моей мыслью.

Проснулся я от шума в кладовке.

– А, ты уже проснулся? – удивился отец. – Ночью был небольшой шторм. Все яйца побились, нужно поскорей их зажарить.

Он показал мне целлофановый пакет, полный разбитых яиц.

– Ты не перепугался, сынок?.. – спросил виновато. – Я выпил сильное снотворное, прежде чем лечь спать, и все пропустил.

Я тут же выглянул на улицу. Поразился безмятежному штилю. Проводил взглядом чайку, одиноко летящую над берегом.

– Да и я тоже! – охрипшим голосом удивился я.

Против терроризма

Тринадцатое октября, две тысячи пятый год. Ни мне, ни моей семье ни за что не забыть эту дату. Мне кажется, она впечатана в подкорке каждого нальчанина, пережившего этот день. Если вы вдруг решите подойти к случайному прохожему в Нальчике и спросить, когда было совершено нападение, то он без сомнений назовет вам именно эту дату.

Утро. Нам с братом – во вторую смену. Мы встаем пораньше, чтобы перед школой успеть поиграть на компьютере. Зато в первую – сестре; она была уже в школе, когда раздались первые выстрелы. Мы выходим во двор. Вдруг это какие-то учения? Ведь совсем рядом военная база. Но сомнения рассеялись, когда на первые выстрелы начали отвечать автоматные очереди. Нет, это не похоже на учения...

Неизвестность. Неопределенность. Страх. Я кружусь на месте, чтобы понять, в какой стороне стреляют. Звуки выстрелов теперь доносятся отовсюду. Становится еще страшней, когда они совсем близко. Я закрываю уши... Хочется закричать, но – будто свинцовый ком в горле. Ощущение, будто этот раскатистый грохот выбивает из меня душу. Выбивает детство. Выбивает веру в завтрашний день.

Мама ежеминутно выглядывает за калитку. Она ищет взглядом сестру, бегущую домой, но сестры нет и нет. На глазах матери слезы, вызванные неизвестностью, неопределенностью, страхом. Я чувствую себя бессильным ее успокоить. Сквозь грохот выстрелов иногда слышится свист шин от стремительно пролетающих мимо машин.

Очень грубо выругавшись, дядя (никогда не слышал, чтобы дядя так матерился) садится в машину и едет за сестрой. Как пригвожденные, мы сидим у телевизора, будто бы вся наша судьба сейчас полностью зависит от этого ящика. Через двадцать минут возвращается дядя, с сестрой. Она прячется под кровать в детской комнате, я пробираюсь следом и, не зная, чем подбодрить, обнимаю ее.

Сейчас, – а прошло уже более десяти лет, – мне иногда снятся звуки автоматных очередей. Просыпаюсь среди ночи, вытираю пот со лба. До сих пор с опасением прислушиваюсь к праздничным салютам. Дергаюсь при звуке лопнувшей шины...

Казалось бы, десять лет прошло...

Искры и Гоголь

Три часа ночи, бессонница. В очередной раз я пошел сжигать исписанные листы блокнота. Они посвящены «Ночи перед Рождеством» Гоголя. Я пытался постичь манеру письма великого мастера. Как ему удается улавливать и передавать движения души человека, угадывать его тайные помыслы. Я не ставил целью переписать книгу полностью, но получилось так, что переписывал каждое предложение. Ведь целью было – обнаружить и записать нечто любопытное...

Мастерство Гоголя для меня загадка. Хотя, кажется, будто я что-то и уловил. Есть строки, где он несколько раз использует слово «тонко». Казалось бы, это злоупотребление. Но нет, он сделал это настолько талантливо и *тонко*, что заметит лишь самый внимательный читатель. Я будто бы уловил один из характерных штрихов его почерка.

Я переписывал его текст, как начинающие художники из передачи про Лувр копируют в залах музея живописные полотна великих, медленно, вдумчиво, усердно...

И вот я на заднем дворе. Пришел сжигать Гоголя, то есть блокнотные листы с его текстом.

Моя собака, щенок лайки, пришла со мной из любопытства. Когда я сжигал листы, мне пришлось придержать ее подальше от пламени. Бумага сгорела очень быстро. Возможно, начитавшись Николая Васильевича, я ожидал почувствовать какую-то магию, стать причастным какому-то таинству, но в этот момент я абсолютно ничего не чувствовал, и никаких глубоких мыслей в моей голове не возникло. Или я их просто не заметил. Как передать словом красоту искорок в полете? А нужно ли это? Ведь у каждого свой опыт, багаж собственных впечатлений. Допустим, с этого момента, кто-то произнесет слово «искры», я вспомню именно тот вечер – в компании маленькой любопытной лайки и переписанных и сожженных страниц Гоголя.

*Николай ШИКОВ,
доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики Кубанского социально-экономического
института*

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ

*Размышления литературного критика по случаю 30-летия
со дня смерти классика адыгской литературы
Тембота Магометовича Керашева*

Тембот Магометович Керашев

Память вновь и вновь возвращает меня к событиям 8 февраля 1988 года, когда в 4 часа утра в моей квартире раздался тревожно-требовательный телефонный звонок. Когда я подбежал к телефону и схватил трубку, все мои мысли были сосредоточены лишь на моей матери, в то время болевшей тяжело. Но в трубке раздался глухой рыдающий голос, который я узнал с трудом. То был голос Зайнаб Ибрагимовны Керашевой, произнесшей всего несколько слов: «Николай, Тембота больше нет...».

В ту роковую минуту я ожидал услышать всё, кроме тех слов, что мне сказала Зайнаб Ибрагимовна, так не верилось, так не хотелось верить во всё это. Ведь за многие годы встреч с писателем я ни разу не почувствовал

ни малейшей разницы в возрасте. Этот человек так удивительно мог выстроить любое общение, что меня никогда не оставляло ощущение разговора со своим сверстником, и мне всегда казалось, что ему отпущен огромный срок для того, чтобы он смог претворить в жизнь грандиозные творческие планы и задумки, о которых говорил с юношеской горячностью, а иногда – и самоиронией. По молодости лет я тогда не понимал, да и не мог понять тот глубинный смысл, который он вкладывал в это лёгкое ироническое отношение к себе, связанное с тем, что он разменял уже восьмой десяток лет. Лишь один единственный раз он позволил заговорить со мной о смерти. Это было в минуту какого-то страдальческо-душевного состояния, а может даже порыва, вызванного несправедливыми упреками и замечаниями одного из местных литера-

турных критиков, попытавшегося «навести тень на плетень» по поводу его романа «Состязание с мечтой»...

Это было в начале 1970-х годов. Я, молодой стажёр отдела литератур народов СССР Института мировой литературы им. А. М. Горького, находился в Москве. После работы в Ленинке (третий зал библиотеки имени Ленина в те годы работал до 22 часов) довольно поздно вернулся в общежитие аспирантов на улицу Дмитрия Ульянова, 5, где меня ждало приглашение к заведующему отделом ИМЛИ, члену-корреспонденту (считай, академику) АН СССР Георгию Иосифовичу Ломидзе. Откровенно говоря, меня удивило это неурочное приглашение, так как мы еженедельно собирались в институте по средам в 10 часов, а затем, после заседаний отдела, которые проходили довольно бурно, иногда уже ближе к полуночи, иногда чуть раньше, мы с Георгием Иосифовичем вместе возвращались домой – я в общежитие, он к себе. Скажу откровенно, в моей тяге к нему была некоторая корысть: ну кто же откажется от общения с великим учёным, некогда работавшим с самим Владимиром Маяковским!

Я же, как явствовало из записки, приглашался весьма срочно, то есть во вторник, уже на следующее утро, в институт. Удивиться было чему. Ведь Георгий Иосифович в то время жил в Доме учёных на улице Дмитрия Ульянова, 3, в доме, соединённом огромной аркой с нашим общежитием, и он мог бы вызвать меня к себе домой, как это раньше бывало не раз. Всё же вызов я связал с необходимостью по работе и оказался прав.

Он встретил меня необычно сухо, выглядел весьма усталым и расстроенным, и, не глядя мне в глаза, протянул несколько машинописных страниц и коротко бросил: «Прочти срочно. Это по нашему многотомнику. Обсудим позже». В то время наш отдел готовил многотомное издание «Истории советской многонациональной литературы». А. А. Скаляхо, который оказался кстати в то время в командировке в Москве, и я дорабатывал раздел «Хроника литературной жизни Адыгеи», ранее составленный Л. Г. Голубевой, а Г. И. Ломидзе мне по случаю дал возможность ознакомиться с материалом другого раздела – «Современная адыгейская литература», открывавшийся творчеством Т. М. Керашева. Прочитав материал, я пришёл в ужас. Его автор, известный писатель и критик, как говорится, не оставлял камня на камне от творчества Тембота Магомедовича. В каких только грехах не упрекал он выдающегося писателя! И «в незнании и оторванности от жизни», и «в идеализации современной действительности», даже в том, что по состоянию здоровья писатель не имел физической возможности быть в центре событий, происходивших в те годы в стране. Мне это показалось кощунством.

Несколькими часами позже Г. И. Ломидзе, вернувшись от директора ИМЛИ Б. Л. Сучкова, дал мне задание срочно лететь в Адыгею на

приём к первому секретарю обкома КПСС Н. А. Берзегову, так как тот потребовал материал к себе. «Мы с Борисом Леонтьевичем с ним уже переговорили. Нельзя давать такой материал в академическое издание», – добавил Георгий Иосифович на прощание. Я же, приученный в прошлом комсомольской работой к определённой системе субординационных взаимоотношений, на свой страх и риск позвонил в Адыгейский обком КПСС. Разговор с первым секретарём был конкретен и краток. Уточнив, знаком ли я сам с этим материалом, он спросил моё мнение. Я искренне сказал, что публикация подобного материала в академическом издании, каким является многотомная история советской литературы, может серьёзно отразиться на имидже не только Адыгеи, но и всех адыгов вообще. Немного помолчав, Нух Асланчериевич завершил наш разговор: «Жду тебя завтра с материалом».

Думаю, нет необходимости подробно описывать всё, что последовало за этим. Скажу только, что тот же критик, после беседы с ним в обкоме КПСС, в течение нескольких дней подготовил другой материал с совершенно иным содержанием. И это, кстати, очень ёмко характеризует степень ответственности и принципиальности некоторых национальных критиков и в наши дни, когда в современной отечественной литературе процветает так называемая комплиментарная критика.

Через несколько лет, когда я об этом случае рассказал Темботу Магометовичу, он нисколько не удивился, и я понял, что он знал о нём. Более того, я не услышал от него ни слова упрека в адрес своего критика. Просто, с каким-то мягким укором сказал: «Какой же он критик, если даже не понял, почему я свой роман в русском переводе назвал «Состязание с мечтой». Меня удивило, что в эту тяжелейшую для него минуту он не был способен на какую-то резкость, и, не изменяя своему многолетнему правилу всегда владеть собой, лишь тихо продолжил: «Пусть делают что хотят после моей смерти. С мертвым бороться ведь легче. Но я не думаю, что и тогда они смогут одолеть меня».

Горькая ирония, которая всегда была свойственна адыгскому писателю, но и не менее горькая правда. И это притом, что его произведения были изданы более чем трёхмиллионным тиражом в ведущих издательствах не только нашей страны, но и десятка зарубежных стран, произведения, в которых он неустанно воспевал красоту и духовное богатство, высокие идеалы, моральные принципы и нравственную чистоту безгранично любимого им адыгского народа.

Все годы долгой неустанной творческой жизни Тембот Керашев, несмотря на болезнь, не замыкался в себе (это, к слову, о том, мешала ли писателю изнурительная болезнь быть активным участником событий, происходивших в стране). Он живо интересовался как судьбами страны, так и конкретных людей. Принимал не свойственное его возрасту активное участие в решении возникших у собеседников проблем и никогда

не ждал благодарности в ответ. Иначе невозможно объяснить его почти еженедельные поездки по различным аулам и станицам Адыгеи, где всегда находились его друзья и единомышленники.

Моя память сохранила поездки в станицы Даховскую, Гиагинскую и Дондуковскую. В Красногвардейский, Теучежский, Тахтамукайский, Шовгеновский и Кошехабльский районы, в которых он встречался не с «высоким начальством», а с Галимом Хакузом и Ибрагимом Афауновым из Кошехабля, Николаем Толоконниковым – из Гиагинской, Николаем Чапенко – из Дондуковской, Николаем Доценко – из совхоза Майский. Всех просто невозможно перечислить! Да и к нему часто ездили гости, как высокие, так и простые труженики. Бывали у него Сергей Михалков, Савва Дангулов, Ираклий Андронников, Сергей Баруздин, Хачим Теунов, Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, Андрей Хакушев, Адам Шогенцуков, Алим Ханфенов и другие именитые мастера слова.

Ещё при жизни признанный классиком адыгской литературы, первый на Северном Кавказе лауреат Государственных премий России и Адыгеи, кавалер многих правительственных наград, автор произведений, вышедших миллионными тиражами на многих языках народов мира, Тембот Керашев был доступен каждому. Так, через его руки прошли первые произведения почти всех адыгейских писателей и поэтов: Киримизе Жанэ, Дмитрия Костанова, Юсуфа Тлюстена, Аскера Евтыха, Аскера Гадагатля, Адильгирея Уджуху, Мурата Джанчатова, Сафера Яхутля и многих, многих других.

Тёплые и искренние чувства испытывал он ко многим прозаикам и поэтам Северного Кавказа. До конца своих дней душевная дружба связывала его с первым секретарём Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медуновым и первым секретарём Адыгейского обкома КПСС Н. А. Берзеговым, свидетелем и очевидцем которой мне приходилось бывать на протяжении нескольких лет. Но удивительно то, что память сохранила такой факт: всех их выдающийся художник вспоминал с одинаковой болью в сердце. И тех, что не оправдали его надежд, более того – предали в трудные минуты, коих в жизни писателя было достаточно, и связаны они были с надуманными обвинениями в каком-то плагиате (почти как у великого Шолохова). Да мало ли в чём могли обвинить завистники талантливого человека! И в эти тяжелейшие в его жизни минуты мнилось мне, что я общаюсь с Одиноким Всадником адыгской литературы. Да как же иначе, если это одиночество в творчестве всегда сопровождало выдающегося художника.

Многие его современники ушли из жизни рано – как говорил писатель, раньше, чем он. И в последние годы опорой ему были верные друзья, чуть ли не ежедневно посещавшие его, племянницы Зайнаб и Саида, воспитанные им, семья – супруга Зуза Исхаковна, сыновья Асланбек и Анчок, внучата, которые уже выросли и стали самостоятельными людьми, достойными памяти своего великого деда.

При воспоминаниях же о других, особенно об известном кабардинском писателе и литературном критике, авторе замечательной для своей эпохи книги «Свет с севера» Хачиме Исхаковиче Теунове и адыгейском поэте и писателе Киримизе Хаджемусовиче Жанэ, к которым он относился с особой теплотой, как к младшим братьям, в глазах писателя сквозила незатухающая пронзительная боль.

Но величие Керашева-писателя и Керашева-человека, наставника и учителя заключается не только в этом. Ведь если на нашу историю посмотреть более глобально, то в том, что сегодня адыги сохранились как этнос, во многом заслуга таких художников, как Тембот Керашев. Большой писатель, безгранично преданный своему народу, никогда не щадивший себя и воспевавший мужество и красоту адыгов!

Перипетии писательской судьбы непредсказуемы. Одного они после первого же выхода в свет художественного произведения возносят, возводя в ранг великих, слухи о чём впоследствии оказываются, мягко говоря, преувеличенными. Другого же писательская судьба ведёт «через тернии к звёздам». Будучи свидетелем напряжённого творческого труда Тембота Керашева на протяжении более чем двадцати лет, не могу сказать, что его «писательский хлеб» был лёгким.

В творческой биографии этого человека можно легко проследить его становление как большого писателя. Кто-то может подумать, что это случайность. Но известный болгарский учёный, исследователь психологии литературного творчества Михаил Арнаудов высказал такую идею: «Талантливые личности не появляются безразлично где на земном шаре и в какую угодно эпоху, а только в странах и обществах, где население проявляло на протяжении веков сознательный интерес к *духовным ценностям*».

Одним из таких талантливых личностей в Адыгее в прошлом столетии и был Тембот Магометович Керашев, которому на протяжении нескольких десятилетий суждено было стать «Летописцем», предназначено было судьбой в удивительно ярких по содержанию художественных произведениях, наполненных психологическим драматизмом и «разумной» эмоциональностью, воссоздать картины противоречивого становления новой жизни в адыгейском ауле с 20-х – вплоть до 80-х годов XX века. Есть, наверное, глубокий философский смысл в том, что именно он стал первопроходцем в тяжелейшем процессе художественного осмысления происходивших на его глазах больших событий, и в том, что именно он, Тембот Магометович Керашев, заложив основы ещё не имевшей аналогов в мире письменной культуры на собственном национальном языке, стал основоположником адыгейской литературы.

С другой стороны, человек, сведущий в делах литературных, прекрасно понимает, что такая случайность может подстергать только талантливого человека, каждодневно посвящающего себя изнурительному

труду во имя поиска того единственного Слова, с помощью которого сможет передать именно то, что хочет сказать многотысячной аудитории читателей. И чтобы в этом обращении к ним не было ни фальши, ни двусмысленности, в последнее время часто допускаемой многими авторами. Более того, чтобы не было идеологической ангажированности, которой дружно заболели многие современные авторы в связи с перестроечными процессами в нашей стране.

В последнее время стало очевидным, что эти процессы, к сожалению, безжалостно захлестывают и души людей, выхолащивая из них всё, чем когда-то гордились наши соотечественники, умевшие всегда сопереживать человеку, сострадать чужому горю. Становится страшно, когда тебя начинает одолевать чувство безысходности от того, что оказываешься *невольным* и *безвольным* свидетелем опустошения души Человека, так как это сродни сознательному утверждению безнравственности. Ведь общеизвестно, что там, где царствует безнравственность, правят бал жестокость, равнодушие, цинизм. И именно в такую эпоху для тех, кто не может и не хочет мириться с чуждыми их мировосприятию процессами, даже в наши дни оказывается наиболее востребованным творческий потенциал писателей, подобных Темботу Керашеву. И именно поэтому он всегда будет нашим современником, а его произведения – всегда современными.

Время неумолимо... Оно движется вперёд, воздавая каждому по заслугам. Одним уготовано забвение, другие становятся достоянием истории. 8 февраля 2018 года – печальная дата, связанная с 30-летием ухода из жизни великого сына адыгского народа. И невольно возникает вопрос: а не в неоплатном ли мы долгу перед памятью Тембота Керашева, всю жизнь воспевавшего красоту своего многострадального народа? Даже когда это было небезопасно. Может, пришёл уже черёд самого народа достойно увековечить память о нём? Благо для этого есть широкое поле деятельности!

Почему бы, наконец-то, не ожидая юбилейной даты, хотя бы в год 116-летия писателя не подготовить и не издать полное собрание его сочинений, включив в него письма и публицистику? Почему бы не назвать его именем не окраинную, а одну из центральных улиц столицы Республики Адыгея, как это сделано в Кабардино-Балкарии? Понятно, что на все это необходимы средства. И если их по понятным причинам невозможно будет выделить из бюджета республики, можно ведь объявить и сбор народных средств. Мне кажется, что любой уважающий себя человек: и адыг, и русский, и армянин, и еврей, и татарин, и грек – да каждый проживающий в Адыгее и даже за её пределами – примет самое живое участие в таких благородных и нужных для патриотического воспитания подрастающего поколения мероприятиях. Дело за малым – проявить мудрость, настойчивость и волю!

КВАРЦЕВЫЙ КРУГ, СВЕТЯЩИЙСЯ СИНИМ ПЛАМЕНЕМ

*Научное завещание профессора Кумахова:
зерно великого открытия или ошибка?*

В Нальчике, в здании ученого совета КБГУ, 7 марта 2018 года состоялся первый в России семинар по методу управления термоядерным синтезом (УТС) профессора **Мурадина Абубекировича Кумахова** (1941–2014). Семинар организовали кандидат физико-математических наук **Артур Бараов** и кандидат исторических наук **Михаил Кумахов**, проработавший 20 лет заместителем директора институтов под руководством профессора Кумахова (ООО «ИРО» и ООО «ИФО»).

Открыл семинар ректор КБГУ, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии России по науке и технике **Юрий Альтудов**. Вёл семинар доктор физико-математических наук, профессор **Муаед Ошхунов**.

Ввиду сложности и актуальности темы для мирового научного сообщества, а также трудности для читателя проникнуть в перипетии физики высоких энергий, над которыми около 70 лет работают ученые высокоразвитых стран, автор пошёл по наиболее лёгкому пути, выбрав жанр стенограммы.

* * *

Ю. Альтудов. Семинар посвящается новой работе выдающегося физика, нашего земляка, профессора Кумахова Мурадина Абубекировича, которой посвятил последние пять лет жизни решению сложнейшей про-

блемы века – управлению термоядерным синтезом. Ему удалось, на его взгляд, разработать дешёвый метод решения энергетической проблемы века. Сразу отмечу, что среди присутствующих нет специалистов по этой теме, тем более по методу УТС Мурадина Абубекировича, но то, что первое в России публичное обсуждение опубликованных работ проходит на его малой родине, в КБГУ, где он, работая по совместительству, успел создать признанную в России научную школу, является закономерностью.

Это событие стало возможным благодаря неустанному труду Михаила Кумахова, много лет проработавшего коммерческим директором у Мурадина Абубекировича, а также нашего земляка Артура Бараова, разностороннего физика, 20 лет проработавшего в США. Он здесь в качестве эксперта, детально изучившего опубликованный материал, патенты. Прежде чем приехать к нам, они провели большую работу в Москве, встречаясь с теоретиками и физиками-экспериментаторами, много лет посвятившими работе в области физики высоких энергий.

Хочу отметить, что у нас с вами человеческий долг перед Мурадином Абубекировичем, прославившим нашу республику, народ. Только что, 5 марта, у нас в университете был академик Владимир Евгеньевич Фортов, бывший президент АН РАН. Под его руководством и при непосредственном участии были проведены теоретические и экспериментальные работы в области физики высоких плотностей энергии, физики неидеальной плазмы и химической физики, космической физики и других областях. Когда обсуждали с ним вопрос, когда же физики, работающие в области высоких энергий, смогут решить энергетическую проблему путём синтеза ядер, он буквально сказал следующее: «Когда баррель нефти будет стоит 500 долларов, тогда за 3 года будет эта проблема решена». Этим я хочу подчеркнуть значимость сегодняшнего семинара.

М. Ошхунов. Главная цель семинара – вызвать интерес у научной общественности, не дать забвению поглотить выдающуюся работу Мурадина Абубекировича, которой он посвятил последние пять лет жизни. Касаясь личности Артура Хасановича, приятно отметить, что он учился в школе академика А. Н. Колмогорова при МГУ, получал призы на олимпиаде молодых математиков в СССР, окончил Московский физтех, защитился, затем, во время перестройки, уехал с научным руководителем в США, работал в крупнейших компаниях, прекрасно владеет техническим английским, перевёл ряд книг выдающихся физиков на русский язык за свой счёт.

А. Бараов. Юрий Камбулатович прав, говоря, что в этой аудитории, думаю и в других, мы с Михаилом не найдём ответы на многочисленные вопросы и возражения ученых, работающих в физике высоких энергий. Наша цель довольно скромная – привлечь внимание физиков, математиков КБГУ к пяти статьям Мурадина Абубекировича, собрать материал, хоть

бы и негативный, для дальнейшего и более углубленного осмысления метода УТС, предложенного Мурадином Абубекировичем.

Он, укрощая рентген, фокусируя, получая параллельные и расходящиеся пучки рентгеновских фотонов через оптические системы, вошедшие в мировую науку как «линза Кумахова», уже тогда задумывался над тем, а нельзя ли «погонять» и электроны, повернуть их. Эта позиция обозначена в его первом патенте 1985 года. В Японии, США, НИЯФ МГУ, ФИАН поворачивали электронные пучки на малые углы, потери при этом были громадные. Поэтому никому в голову не приходило «гонять» электроны по кругу. Мурадин Абубекирович в результате многочисленных экспериментов повернул пучки электронов на 45–90 градусов, затем на 180 и 400 градусов. Потом возникла идея подобрать более подходящий диэлектрический материал и попытаться «погонять» по кругу электроны.

Сейчас покажем видеоматериал, сохранившийся благодаря Михаилу Гидовичу и снятый на мини-конференции в честь 70-летия профессора Кумахова. В благодарность присутствующим ученым и академику Ю. А. Золотову, ведущему конференции, он провел удивившихся всех презентацию, при этом попросил оператора выключить камеру, а корреспондентов – отложить авторучки, ввиду того, что ещё не получен патент. Михаил дал знак не выключать камеру, оператор скромно сел в первый ряд, съёмка продолжалась.

Современная физика высоких энергий получает ядерную энергию двумя методами: синтез ядер дейтерия и трития и расщепление ядер, в результате чего была создана ядерная бомба. Автором этой идеи был почти забытый сейчас О. А. Лаврентьев, в то время ему было 24 года. После того как он написал письмо И. В. Сталину, его карьера стремительно пошла вверх.

Физики всех высокоразвитых стран занимаются уже почти 70 лет решением проблемы синтеза ядер для получения мирной энергии, затрачены сотни миллиардов долларов, наконец, получили сравнимые токи на входе и выходе установки. Показательно, что такой выдающийся результат получен на установке «Диамонд» в Англии стоимостью более 500 млн долларов. При этом, чтобы удержать плазму, нагретую до 100–150 млн градусов, применяют громадные магнитные подушки – до 100 тысяч тонн.

Мурадин Абубекирович пошел другим путем, создав с помощью физика-экспериментатора Рамазана Иссаевича Тегаева установку из обычного оборудования. Проведя сотни экспериментов, убедился в верности своего подхода, метода, опубликовал первую статью в июне 2013 года, хотя презентационный материал, как вы видите, был подготовлен в конце 2011 года.

Во время моего отпуска я приехал летом 2012 года из США в Москву и, благодаря Михаилу, познакомился с Мурадином Абубекировичем, который после короткой беседы повел меня к Рамазану Иссаевичу, и я

увидел этот светящийся синим пламенем кварцевый круг. Он дал пояснения, попросил никому пока не рассказывать об увиденном. Конечно, я ничего не понял. После возвращения в Москву я снова встретился с ним, институт был сильно сокращен, он перевел оставшихся в Одинцово, ближе к Рублевке, где он жил. Я сразу заметил, что он болен, и только теперь понимаю, почему он не уделил внимания теоретическому обоснованию открытого им метода УТС и в его статьях дотошные физики обнаруживают ошибки в формулах, расчётах.

После смерти Мурадина Абубекировича Михаил обратился ко мне с просьбой разобраться с методом УТС и прислал две первые статьи. Вскоре я обнаружил ещё три, опубликованные после смерти, и вскоре мне расхотелось вникать в них. Пришла в голову мысль: как мог известный теоретик с мировым именем написать такое! Слишком бросались в глаза нестыковки с устоявшимися в физике фундаментальными понятиями, обнаруживались явные досадные ошибки. Михаил подкидывал некоторые идеи, просил обратить на них внимание, мягко давая понять, что верит своему родственнику и шефу, с которым проработал 20 лет. Он считал, что Мурадин Абубекирович хотел выиграть время и специально вносил путаницу. Слишком прост был его метод, повторить его не стоило много труда и денег.

Также он попросил выдающихся учеников Мурадина Абубекировича – Владимира Белошицкого и Фадея Комарова – разобраться со статьями и патентами. Вскоре они дали обоснованные отрицательные заключения, разбор которых дал мне повод глубже вникнуть в тему, сделать расчеты, после чего я стал убеждённым сторонником метода УТС профессора Кумахова.

Главное – понять, как это, не касаясь стенок, электроны крутятся в круге миллионы раз в секунду и накапливаются. Он пишет, что при первых же секундах стенки электролизуются, электроны накапливаются, не касаясь стенок круга, выделяются и вторичные электроны. Это результат образования вокруг мощного магнитного поля. Вот, смотрите, устройство, полукруглое ложе намагниченного металла, кладу систему,

она крутится, не касаясь стенок устройства. Это происходит и у Мурадина Абубекировича.

В Москве Михаил устроил мне настоящую схватку с ученым НИЯФ, проработавшим на ускорителях три десятка лет, проводившим многочисленные эксперименты по классической физике УТС. Ряд лет он также работал в институте Мурадина Абубекировича на полставки. Через 3 часа мы расстались каждый при своем убеждении. Главное его возражение было в том, что он, повернув пучок электронов на 30 градусов, потерял на выходе 50% энергии, отсюда следует невозможность получить в 10 миллионов раз больше энергии на выходе, как утверждает Мурадин Абубекирович. Фотографии его не убедили, он считал, что полученный гигантский ток в ходе экспериментов – просто пробой. Мол, кварцевый круг нагрелся, произошел пробой, ток ушел в землю, и так далее.

Эта встреча вдохновила меня ещё больше, и я сделал расчёты, показавшие, что Мурадин Абубекирович должен был при входе в круг 300 микроампер получить не 3 килоампера, то есть в 10 млн раз больше, а 3,5!

Так я занялся разработкой теории нового открытия Мурадина Абубекировича. Этот пока не завершённый труд мы прислали в КБГУ. Прошу приступить к обсуждению присланного нами материала и увиденного фильма, где автор метода излагает основные принципы и прикладное значение обнаруженного им метода.

Мурадин Абубекирович приводит убедительные расчеты: во время экспериментов появляется магнитное поле, при прохождении электронов стенка заряжается и отталкивает жгут электронов, которые накапливаются, так как электронная пушка постоянно впрыскивает электроны. Известные физики с мировым именем – Резерфорд, Капица – ранее экспериментально получили 30 тесла в наносекунду, при этом, как пишут очевидцы, здание начало дрожать. В США получили 100 тесла, а Мурадин Абубекирович пишет о возможности увеличить этот результат в тысячу раз...

М. Ошхунов. Буду краток: Мурадин Абубекирович, пропуская через кварцевый круг диаметром 2 мм электроны, перекачал мощности двух атомных электростанций. В это невозможно поверить! Более или менее квалифицированно по теме семинара может быть оппонентом профессор Г. Дедков.

Г. Дедков. Присланные материалы вызвали у меня отрицательные эмоции, увиденный сегодня видеофильм также вызывает вопросы. Но обсуждение, выступление Артура Хасановича привели меня к убеждению о необходимости серьёзного диалога – с методом УТС Мурадина Абубекировича можно и надо работать. Идея Артура Хасановича, приведенные расчеты не вызывают возражений. Конечно, электроны будут ударяться от стенки к стенке и накапливаться, в том числе и вторичные электроны. Физик-спорщик из НИЯФ опубликовал в журнале «Синхротронное излучение» результаты экспериментов, если кратко: он по-

терял 75% тока на выходе, так как трансмиссия составила 0,4–0,5. Я не верю в возможность получить сотни тысяч тесла, как пишет Мурадин Абубекирович. Это фантастика. У меня недоверие и к регистрирующим приборам, может, надо было использовать и другие приборы, методы измерений. Надо разработать теорию обсуждаемого метода, тогда будет легче осмыслить полученные результаты.

Х. Хоконов, профессор. Происходит много сложных процессов в предлагаемом методе УТС Мурадина Абубекировича. Скорость вращения электронов, их взаимодействие со стенками создают магнитное поле, которое увеличивается с увеличением массы частиц. В модели Мурадина Абубекировича это не учитывается. Но это всё подчиняется законам физики, пока не до конца ясным. Если наблюдаем в эксперименте, то надо обосновать эти взаимосвязи, создать теорию. Мурадин Абубекирович и Рамазан Иссаевич работали с нами по другим проблемам, УТС появился гораздо позже. Ранние работы ясны. Мы сейчас говорим: Мурадин Абубекирович ошибся, а эксперименты убедительны. Надо разработать модели его метода УТС, это могут и наши физики, математики.

А. Бараов. Мурадин Абубекирович предлагает новый фундаментальный подход, не вписывающийся в рамки физики высоких энергий. Он говорит о совершенно другой философии, о другой парадигме! Не надо нагревать плазму до 100–150 миллионов градусов, чтобы оторвать электрон, такая температура для этого не нужна. Не надо путать энергию с температурой. Температура – векторная величина, и метод Мурадина Абубекировича нельзя называть привычным термином «холодный термояд», или «холодный синтез».

А. Закураев, профессор. Открытия обычно проходят три стадии нашего восприятия: первая – это чепуха, не может такого быть; вторая – здесь что-то есть; последняя – это же так просто! Сейчас мы на первой стадии.

Я часто посещал институт, обсуждал различные вопросы с Мурадином Абубекировичем, он был разносторонний ученый, с ним было всегда интересно. Как-то я попросил Михаила Гидовича дать поликапиллярные системы, обещав, если будут положительные результаты, дать о них знать. Вскоре принёс в институт пару пластиковых пятилитровок вина, пропущенных через миллионы каналов. Заводская лаборатория не могла поверить, что из прокисшего вина можно получить добротный напиток. Этой маленькой установкой я пользуюсь до сих пор, можете после семинара подойти и попробовать вино. Это я к тому, что приложения таланта Мурадина Абубекировича многообразны, и я верю в его метод УТС.

Я неоднократно присутствовал при проведении экспериментов, видел ошеломляющие результаты до их опубликования. В очередной раз я положил на стол Мурадину Абубекировичу два металлических шарика для размещения в центре УТС. Созданное большое магнитное поле в центре установки УТС смогло удержать металлические шарики, имея большую

скорость вращения. В дальнейшем мне удалось использовать этот принцип при создании скоростного трубопроводного транспорта для перемещения транспортных капсул внутри трубы. Установка, продемонстрированная Артуром Хасановичем, и есть усовершенствованный плод той встречи.

М. Кумахов. Я бы попросил физиков КБГУ ещё не раз возвращаться к этой теме и обратить внимание на другой аспект метода УТС. Во время экспериментов появлялось не только магнитное поле, но и тепловые нейтроны, приходилось установку охлаждать азотом. Тепловые нейтроны нужны для взрыва раковых клеток, вот и думайте о создании на обнаруженном эффекте нейтронного генератора. Неоднократно здесь упоминалось, что образуется большое магнитное поле, так это же новый, альтернативный подход к ядерно-магнитному резонансному (ЯМР) методу!

Помню, ученые КБГУ совместно с ОАО «Севкавренентген» пытались создать томограф. Считаю, что до реализации метода УТС Мурадина Абубекировича предстоит долгий путь, но метод реален. Мировое сообщество продолжает идти по классическому пути, уже идут полным ходом во Франции работы в рамках международного проекта ИТЭР, планируют к 2035 году запустить научно-исследовательский реактор. Называют сумму проекта в 25–35 миллионов евро. К концу века обещают создать коммерческий реактор. Иного пути, кроме поиска альтернативных источников энергии, у человечества нет. Нефть, газ, уголь исчерпаемы, солнечные, ветряные источники могут, в лучшем случае, обеспечить будущие потребности ЖКХ.

Мы с Артуром Хасановичем благодарны ректору КБГУ, присутствующим здесь физикам. Главное для нас на этом этапе – побольше собрать вопросов, сомнений, тогда и легче совместно найти подходы к их решениям. Я же, будучи свидетелем вызревания идеи Мурадина Абубекировича и, в некоторой мере, участником событий, связанных с методом УТС, верю, что среднее поколение жителей страны будут свидетелями реализации ещё одного его открытия. Эта вера подкрепляется его словами, сказанными мне в 2012 году: «Миша, всё, что я делал до сих пор, не идёт ни в какое сравнение с тем, чем сейчас занимаюсь».

М. Ошхунов. Первый в России семинар по методу УТС состоялся на родине автора, что немаловажно. Надеюсь, привлечём молодое поколение физиков и математиков к решению далеко не тривиальных вопросов, поднятых Мурадином Абубекировичем. Мы сейчас готовы подключиться к моделированию некоторых физических процессов нового метода УТС. Надеюсь, привлечем Артура Хасановича также к обучению иностранных студентов, найдем взаимоприемлемые решения и по этому вопросу. Благодарю всех участников семинара!

Алена ЧЕРНОВА,
член Союза журналистов России

ДОСТОЙНЫЙ ОФИЦЕР ОТЧИЗНЫ

Очерк

В преддверии большого и знаменательного события в истории нашего Отечества – 300-летия российской полиции, все отчетливее вырисовываются образы отдельных людей, вписавших в многовековую летопись ведомства свои яркие страницы. Среди таких офицеров органов внутренних дел можно смело назвать имя достойного сына Кабардино-Балкарии, полковника полиции в отставке Алика Музакировича Шорова, готовящегося отметить свой шестидесятипятилетний юбилей. При сборе материалов для очерка я расспрашивала об Алике Музакировиче своих друзей-ветеранов, сослуживцев, чтобы рассказать о нём, основываясь не только на соб-

Алик Музакирович Шоров

ственном глубоком уважении и личных положительных эмоциях, но и быть беспристрастно объективной. Как и ожидала, услышала о герое своего повествования только добрые искренние слова. Пожалуй, самую краткую и ёмкую характеристику ему дал бывший заместитель министра по кадровой службе МВД КБР, полковник милиции в отставке Виктор Сергеевич Попов: «Алик Музакирович – достойный офицер Отчизны!».

Алик Музакирович Шоров из тех людей особой закалки, чье мировоззрение и характер формировались на примере людей старшего поколения, прошедших фронтовыми дорогами и переживших вместе со всей страной годы военного лихолетья и созидательного труда в нашей многонациональной республике. Он родился 12 июня 1953 года в селе Куба Баксанского района, в дружной семье фронтовика Музакира Хусеновича и труженицы Кулины Мухотовны Шоровых, воспитавших четверых детей. При выборе имени для сына Кулине пришлось по душе совет квартировавшей у них в доме семьи прокурора района. В честь своего погибшего брата жена прокурора посоветовала назвать ребенка

Алексеем, по-домашнему – Аликом. Это имя так и закрепилось за ним и было записано во всех его документах. Босоное послевоенное детство Алика Шорова было заполнено не только шумными мальчишескими играми, но и посильной работой в помощь родителям. Уже тогда он на всю жизнь полюбил красивых и гордых лошадей, ездил вместе с пастухами на дальние пастбища, с удовольствием слушал рассказы старших о бесстрашии воинов 115-й кавалерийской дивизии, о дальних походах и военных событиях на Северном Кавказе. Любовь к лошадям Алик пронес через всю свою жизнь, и сейчас часто бывает на скачках на городском ипподроме, привил любовь к лошадям и своим детям.

Еще во время учебы в школе Алик увлекся спортом, его не раз включали в состав сборных районных команд по волейболу и футболу. Юркий и подвижный, Алик уверенно держал мяч и нередко становился героем спортивных баталий. После окончания десятилетки, как и все его сверстники, с радостью пошел служить в ряды Советской Армии. С гордостью писал матери, что успешно окончил в Грозном учебный центр и стал механиком-водителем танков Т-34, Т-54 и Т-55. Уже через полгода он был направлен для прохождения службы в Германию, в танковые войска. До сих пор в памяти остался образ первого командира роты Горячкина, офицера боевой закалки, ставшего для Алика Шорова примером для подражания. Удивил сельского паренька европейский уклад жизни, чистота и порядок немецких городов, доброжелательное отношение местных жителей к советским военнослужащим. От тех лет остался «дембельский» альбом с фотографиями, который Алик Музакирович с удовольствием рассматривает теперь уже вместе с внуками. Годы службы в армии запомнились многодневными походами, напряженной учебой и техническим обслуживанием боевых машин. Были и радостные события – письма и посылки из дома, участие в праздничных парадах. Вернувшись домой, Алик Музакирович серьезно начал задумываться о получении высшего образования, мечтал стать инженером-строителем. Но случай так изменил его планы, что теперь остается только благодарить судьбу. Прогуливаясь после демобилизации по Нальчику вместе со своими друзьями-сверстниками, Алик встретил Фатиму Гешеву, бывшего первого секретаря Баксанского райкома комсомола, работавшую к тому времени уже в комсомольских структурах Нальчика. Увидев своего бывшего активного спортсмена-комсомольца, Фатима буквально за руку завела его с улицы в свой кабинет и предложила пойти работать в милицию. В семидесятые годы в стране шел целенаправленный набор в органы внутренних дел из числа наиболее активной молодежи, обкому комсомола поручили тогда это важное и ответственное дело – подбор и для службы в МВД молодых парней, отлично зарекомендовавших себя в армейской службе или в работе на предприятиях республики. Первая встреча с Гешевой была просто разговором о преимуществах профессии,

он даже получил направление на прохождение медкомиссии, но как-то в тот раз не сложилось, неожиданно они встретились еще раз, и уже тогда Алик Музакирович принял окончательное решение, как оказалось позже, ставшее его судьбой.

Первым рабочим местом в жизни Алика Музакировича стала служба в отделе внутренних дел города Нальчика. Заместитель начальника отдела, Борис Банович Кунашев поинтересовался при приеме на работу – есть ли у Алика где жить в Нальчике? Узнав, что он временно пользуется гостеприимством родственников, тут же помог определиться в училище. 11 декабря 1971 года, эту дату Алик Музакирович помнит отчетливо – первый день службы в милиции! Выдали пареньку новую форму, и с того момента он начал писать свою служебную биографию, безупречно и добросовестно исполняя свой служебный и человеческий долг перед Родиной.

В роте ППС, куда определили Алика Шорова, начальником был Валентин Иванович Головин, человек, умеющий видеть в каждом подчиненном, прежде всего, перспективного сотрудника. Он приглядывался к новобранцам, по каким-то ему одному известным приметам определяя – кем может стать в будущем делающий первые шаги в профессии милиционер. Уже через три месяца, поверив в способности и деловые качества Алика, Головин дает ему направление в Учебный центр, что располагался на Стрелке. Учеба после армейской службы давалась легко, во всех отношениях Алик Шоров был в числе лучших курсантов. Строевая подготовка, физическая выносливость, личная самодисциплина и ответственность помогали и в усвоении теоретических знаний. Окончив курсы Учебного центра, Алик Музакирович недолго находился в

должности помощника начальника дежурной части, как его неожиданно направили на очень хлопотный и ответственный участок – помощником участкового инспектора на колхозный рынок. Работа была такая, что и сейчас вспоминается с особым чувством ответственности. Вдвоем, вместе с участковым инспектором лейтенантом милиции Зауром Кунашевым, они обеспечивали порядок на центральном рынке города. Дежурили попеременно, держа под контролем кипучую жизнь бойкого места. Проблемы там всегда были: большой наплыв людей создавал порой такие трудности, что приходилось работать, не считаясь со временем. Карманники и перекупщики, спекулянты и мелкие жулики вскоре почувствовали, что на рынке есть сотрудники милиции, которые всегда на посту. Постепенно в сводке происшествий по республике становилось все меньше сообщений с рынка, ситуацию молодые милиционеры держали под контролем. Эта работа в начале служебной карьеры стала для Алика Музакировича настоящей школой жизни. Именно тогда он постиг азы хлопотной и очень многогранной службы участкового инспектора милиции, узнал досконально, насколько тяжелой и ответственной является эта работа, и всю жизнь сохраняет в душе искреннее уважение к скромной, но очень ответственной должности участкового уполномоченного.

Алик Музакирович любит повторять слова бывшего министра внутренних дел СССР Александра Владимировича Власова, что участковый инспектор – это министр на своем участке. Жизнь не раз подтвердила правильность его слов. До нескольких десятков обязанностей выполняет участковый уполномоченный на закрепленном за ним административной участке, если работает с душой, то имя его с благодарностью будет вспоминать не одно поколение жителей.

В 1975 году Городской отдел милиции Нальчика разделили на два районных отдела, Ленинский и Октябрьский. Алик Музакирович попал при распределении сотрудников в Октябрьский, под начало прекрасного руководителя, начальника отдела Василия Николаевича Филатова. Старшину милиции Шорова назначили начальником Приемника-распределителя для лиц административно арестованных. Одновременно у Шорова находилось до пятидесяти человек, отбывавших административное наказание. Четко и рационально использовали труд административно арестованных в Нальчике. Ежедневно выводили на выполнение подсобных работ на хлебозавод, на уборку улиц и благоустройство курортной зоны, на стройки. При руководстве Алика Музакировича эту службу ставили в пример другим районам республики, как один из показательных участков деятельности МВД КБАССР. Служба была серьезной и интересной, но душа у Шорова тянулась к привычному, ставшему уже «своим», делу – службе участковых уполномоченных. В 1979 году новый начальник Октябрьского отдела внутренних дел Виктор Иванович

Кокутенко перевёл его в службу участковых. И, хотя у Шорова еще не было специального образования, ему доверили один из центральных административных участков Нальчика – район железнодорожного вокзала. Здесь жило уже устоявшееся население, в основном русские, особых проблем на участке не было. Работал Алик Музакирович с интересом, познакомился с людьми, вел большую профилактическую работу, выступал в школах, трудовых коллективах. Невысокий, неспешный милиционер за день успевал появиться во многих местах, его узнавали, уважительно здоровались. Постепенно приходило осознание, что без крепкой теоретической подготовки работать становится труднее. Страна развивалась стремительными темпами, руководство МВД СССР делало ставку на профессионалов. В 1982 году Алик Шоров успешно окончил Саратовскую специальную школу милиции МВД СССР, получил первое офицерское звание – лейтенант милиции. Как давно это было. Сейчас полковник милиции Шоров с большим удовольствием вспоминает те годы и готов снова повернуть время назад, чтобы пройти еще раз полный событий и трудностей путь.

Молодого дипломированного офицера Алика Музакировича Шорова своим вниманием руководство Нальчикской милиции никогда не обходило. Наверное, уже тогда, чувствовалась в нем особая милицмейская уверенность в своих поступках и торжестве закона. С первых дней службы Шоров проявлял усердие и дисциплинированность, не лез, не выпячивался без повода, не красовался перед начальством, а четко и уверенно выполнял возложенные на него профессиональные обязанности, был немногословен, но очень деловит, результаты кропотливой работы давали возможность говорить о Шорове как о перспективном сотруднике, будущем руководителе. Коллега и друг Алика Музакировича Оюс Гуртуев не раз говорил, что внутри у Шорова какой-то вечный двигатель, работающий надежно и без перебоев.

Вскоре Шорова перевели на один из самых трудных и беспокойных административных участков, удостоверившись в его деловых качествах. К тому времени он уже стал капитаном, в его подчинении находились три участковых инспектора и большая криминогенная территория обслуживания. Этот район был не самым престижным в городе, с обилием «самостроя», неухоженными общежитиями с обшарпанными подъездами и непостоянным контингентом жителей. На участке было много складов, гаражей, временных строений, вокруг которых собирались многочисленные компании для распития дешевой по тем временам самопальной водки. Руководство отдела понимало, что справиться с таким контингентом проживающих из числа тунеядцев, алиментщиков и недавно освободившихся из мест лишения свободы граждан сможет только капитан Шоров. И ему это удалось в полной мере. Второй административный участок ООП № 2 города Нальчика вскоре стал лучшим

не только в Нальчике, но и практически по всем показателям – лучшим в Кабардино-Балкарии. Существовавшая и отлично зарекомендовавшая себя в те годы система социалистического соревнования между коллективами в полной мере касалась и деятельности милиции. Под руководством капитана Шорова его небольшой коллектив, работая порой без выходных, уверенно держал лидерство, а сам Алик Музакирович в 1984 году получил достойную награду – нагрудный знак «Лучший участковый инспектор СССР». К знаку полагалась и небольшая премия.

За короткое время Алик Шоров с подчиненными создал на своем участке образцовый опорный пункт милиции, в котором велось круглосуточное дежурство, работал отряд ДНД из числа активных жителей микрорайона. Под контролем добровольных помощников были все зоны отдыха горожан, детские площадки, школьные дворы. Ежедневно проводились рейды по «неблагополучным» квартирам, на профилактику правонарушений активно работали домовые комитеты, содействовали работе с трудновоспитуемыми подростками педагогические коллективы и общественность. Постепенно криминогенная обстановка в микрорайоне шла на убыль, все чаще население с гордостью говорило о деятельности участковых, поднимая престиж профессии сотрудника органов внутренних дел на достойную высоту. Бывали, конечно же, и проблемы. Немало хлопот доставляли драки в общежитиях, алкогольные загулы и кражи, но не боявшийся никаких трудностей коллектив Алика Музакировича справлялся и с этими проблемами.

В 1990 году А. М. Шоров получил диплом о высшем юридическом образовании. В звании майора милиции, по представлению руководства МВД республики, возглавил одно из всегда самых хлопотных подразделений МВД КБАССР – тыловую службу, хозяйственный отдел республиканского ведомства. К выполнению своих обязанностей Алик Музакирович подошел так же ответственно, как и было ему свойственно всегда. На полную мощность заработали мастерские, автопарк и вещевой склад. Проводились качественные ремонтные работы в служебных помещениях, закупалась вводимая тогда в пользование компьютерная техника. Такому количеству престижных и быстроходных «Мерседесов», «Вольво» и «Фордов» в автопарке МВД, да и другой новой техники, обязаны были только пробивным способностям начальника хозотдела Шорова. При его руководстве замечательно работал ведомственный пионерский оздоровительный лагерь, детский сад, сотрудники получали квартиры и места в общежитиях. На смену хлопотным ненормированным служебным будням участкового инспектора пришла к Алику Музакировичу не менее ответственная, но больше чиновничья работа с бумагами и документами, но сердце его всецело принадлежало живой и многогранной работе на административном участке. Он понимал, что отлично

справляется и здесь, но судьба уже определила его дальнейший путь.

Особой страницей в его служебной биографии, уже после развала СССР, в 1995 году, стало назначение Шорова начальником 3-го горотдела Нальчика. Это было очень беспокойное вре-

мя, которое все мы хорошо помним, но и тогда Алик Музакирович с уверенностью взялся за работу. Опираясь на профессионалов еще советской милиции, он сумел сформировать свою команду единомышленников, смело брал на службу молодежь, которая вносила новые идеи и стремление использовать достижения техники и научной мысли в оперативную работу. И вновь в своей работе он делает акцент на усиление деятельности участковых уполномоченных. Создает прекрасные условия для службы в восьми опорных пунктах милиции, где буквально кипит не только оперативно-розыскная, но и профилактическая работа с населением микрорайона.

Алик Музакирович, пройдя путь от сотрудника патрульно-постовой службы до начальника отдела, как в часовом механизме видел работу каждого винтика, вклад каждого сотрудника в общее дело. Старался поддержать стремление работать лучше и успешнее, радовался отличным результатам каждого подчиненного. Используя все возможности для укрепления работоспособности коллектива, он вводил хорошо зарекомендовавшие себя впоследствии традиции – проведение тщательно анализа оперативной работы, профилактические рейды, совместные досуговые и спортивные мероприятия. Не боялся поощрять людей. Не только ведомственными наградами, но и благодарностями руководителей республики, города, предприятий, всех, кому важен был порядок в городе и спокойствие граждан. 3-й отдел города Нальчика под его руководством работал стабильно, надежно. Была у него и своя «фишка». Алик Музакирович любил рано утром пройти по улицам ещё не проснувшегося города, примечал незаметные детали жизни столицы, делал заметки для беседы с подчиненными. Нередко по его информации распутывались преступления или вовремя пресекалась деятельность преступных группировок, как случилось однажды в доме по улице Идарова, где частенько стали собираться сомнительные личности. Вовремя пресекли тогда деятельность одной из бандитских группировок.

Формат очерка не позволяет в полной мере рассказать обо всех достоинствах Алика Музакировича Шорова. Его авторитет в городе и ведомстве был настолько значителен, что в 1989 году его, без особых

сомнений, утвердили на должность начальника отдела по организации деятельности участковых уполномоченных милиции и подразделений по делам несовершеннолетних, одного из ведущих отделов Службы общественной безопасности МВД КБР. Алику Музакировичу не составило большого труда сразу включиться в четкий ритм служебных обязанностей на новом посту. Ведь службу участковых инспекторов он знал досконально. Начал он свою работу с укрепления деятельности сельских участковых. В каждом селе были оборудованы опорные пункты милиции, с компьютерной техникой, добротной мебелью, современными средствами защиты и безопасности. Лично принимал каждый опорный пункт. Не остались без внимания и служебные помещения участковых в столице Кабардино-Балкарии. Население стало явно видеть деятельность каждого подчиненного службы Шорова. Для каждой районной службы были получены новые машины, изготавливались и распространялись в большом количестве среди населения визитки участковых с контактными телефонами. Стали вводиться в практику отчеты о работе участковых инспекторов милиции перед населением. При активном участии Алика Музакировича началась серьезная и кропотливая работа по профилактике подростковой преступности, каждый участок работы своего подразделения А. М. Шоров держал под контролем. А участковые уполномоченные и инспекторы по делам несовершеннолетних увидели в Алике Музакировиче понятного и близкого по духу руководителя, который не разменивался на мелочи, а видел проблему во всем её объеме и всегда знал, какой путь нужно избрать для её решения. Он не изменял своим принципам никогда, видел в каждом подчиненном, прежде всего, человека, выделял лучшие качества, поощрял, но всегда строго и справедливо наказывал за упущения в работе. Часто Алика Музакировича можно было застать в районах республики, он любил лично беседовать с главами сельских поселений и городов. Выявляя слабые места в деятельности своих подчиненных, координировал усилия, опираясь на поддержку районных администраций. Вскоре результаты были настолько явными, что пришло чувство уверенности в правильной тактике, укреплялся авторитет службы, возросла ответственность каждого «винтика» в общем большом деле укрепления законности и правопорядка в республике.

Наш рассказ был бы неполным, если бы мы не остановились и на поистине героических страницах в биографии полковника полиции в отставке А. М. Шорова. Еще в юности, проходя учебную подготовку во время службы в рядах Советской армии, Алик Шоров находился полгода в городе Грозный Чечено-Ингушской АССР. Довелось ему там побывать еще не один раз, но уже в составе спецотряда при оказании помощи сотрудникам МВД Чеченской Республики в установлении конституционного порядка в 1995 году. Участвовал Алик Музакирович в боевых операциях

в Аргуне, Урус-Мартане, селении Шатой и других населенных пунктах. За мужество и храбрость награжден правительством Чеченской Республики и ведомственными наградами. Боевой опыт очень пригодился Шорову в 2005 году, когда 13-14 октября на силовые структуры Нальчика было

совершенно нападение бандформирований. Оказавшись в эпицентре событий, Алик Музакирович проявил высочайший профессионализм и мужество. Об этой странице своей биографии ни Алик Музакирович, ни другие сотрудники правоохранительных ведомств КБР не любят рассказывать. Это были дни проявления их лучших мужских качеств, в эти дни они потеряли своих боевых товарищей, и именно в эти дни они достойно и честно выполнили свой офицерский и гражданский долг. А об этом настоящие мужчины не говорят вслух.

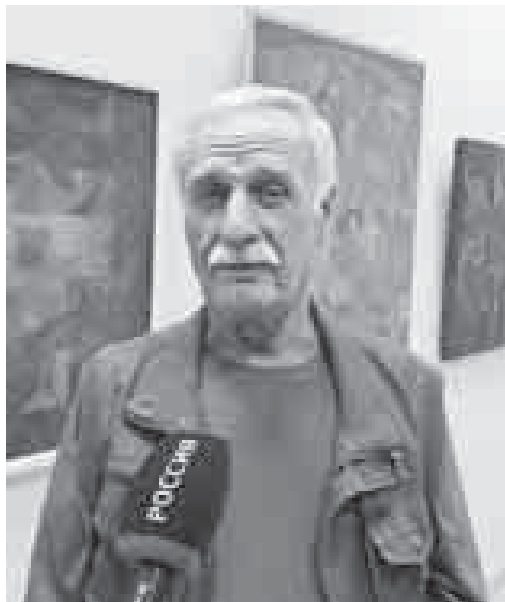
Сегодня Алик Музакирович уже на заслуженном отдыхе. Надо сказать, что часто ему поступают предложения о трудоустройстве, ведь даже за пределами Кабардино-Балкарии знают о его уникальной работоспособности и активной жизненной позиции. Но у полковника полиции в отставке А. М. Шорова наконец-то появилась возможность быть просто мужем, отцом и дедушкой, а это дорогого стоит. В дружной многодетной семье Шоровых всегда царили лад и любовь. Незаметно подросли старшие дочери – Мадина и Марина, осчастливившие отца восьмью внуками и уже одним правнуком. Подросли и двойняшки Аслан и Марьяна. Супруга, Ася Мухамедовна, считает себя счастливой женщиной, ведь за Аликом прожила как за каменной стеной.

Родина щедро оценила службу Алика Музакировича в укреплении законности и порядка в республике. Приказом министра внутренних дел РФ Бориса Грызлова он был награжден именованным оружием. Имеет почетное звание «Заслуженный сотрудник МВД РФ», медали «За охрану общественного порядка», «200 лет МВД», «За безупречную службу» трех степеней, многочисленные юбилейные медали и почетные знаки, Почетные грамоты МВД РФ, а также всех ведомственных и правительственных структур Кабардино-Балкарии.

Поздравляя Алика Музакировича Шорова с юбилеем, друзья, коллеги, ветераны ведомства сердечно желают ему крепкого здоровья, активного долголетия, мира и благополучия его щедрой и гостеприимной семье!

«Я ПЕРЕЖИЛ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК...»

Очерк

Владимир Канишауович Баккуев

Первая персональная выставка его работ состоялась в 2002 году – до этого момента художник с четвертьвековым стажем, автор сотен живописных полотен и прикладных произведений считал, что не готов к индивидуальной демонстрации результатов своего творчества.

Газеты тогда писали: «Возникает ощущение, что полотна принадлежат кисти нескольких художников, настолько неоднородны они по замыслу и воплощению. Рядом невинные пейзажи, портреты, драматические сюжеты, связанные с геноцидом балкарского народа, фантасмагории на темы балкарской мифологии...»

Проблематично обнаружить принадлежность к тому или иному жанру и направлению. Интерпретации на темы модерна вкупе с балкарской декоративностью – определяющая черта выставки».

К организации своих персональных выставок пейзажист и портретист Владимир Баккуев относится очень ответственно и, несмотря на то, что некоторые из его коллег готовы ежегодно показывать экспозиции собственных произведений, этот художник делает индивидуальные показы живописных полотен не чаще одного раза в пять лет.

О Баккуеве не часто, но пишут. Интересен анализ творчества художника, предложенный искусствоведом Неонилой Сундуковой. Содержательна опубликованная в 2004 году статья журналиста Хасана Конакова.

Из публикаций можно узнать, что Владимир был единственным ребенком среди 48 балкарских семей, депортированных сталинским режимом в 1944 году в Северный Казахстан. Мальчика Володю семьи брали «напрокат», чтобы услышать детский смех или плач.

Он мечтал о профессии художника, но в многодетной семье не одобряли его выбор. Талантливый мальчишеский девятиклассник одержал победу на школьном конкурсе рисунка и был приглашен в студию изобразительного искусства, где занятия вел председатель конкурсного жюри скульптор Алексей Денисенко.

Алексей Моисеевич настоял на том, чтобы Баккуев окончил в столице Кабардино-Балкарии двухгодичные курсы художников-оформителей, и добился для него направления в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Из-за огромного конкурса молодой балкарский художник

не смог стать студентом этого престижного вуза. После службы в армии юноша вернулся в Кабардино-Балкарию и стал работать художником-оформителем сразу на нескольких предприятиях Нальчика.

В 1978 году, выдержав непростой профессиональный конкурс, В. К. Баккуев был принят на работу в Кабардино-Балкарское отделение Художественного фонда РСФСР, именно с этого времени художник ведет отчет своего творческого пути.

И еще из ранее опубликованных статей мы узнаем, что Владимир – главный художник Балкарского государственного театра им. К. Ш. Кулиева – всю жизнь остается поклонником французских импрессионистов и постимпрессионистов. Увлеченность их искусством у него столь велика, что как только представлялась возможность побывать в Москве или Ленинграде (до перестройки – несколько раз в год), он сразу мчался в музеи, чтобы вновь и вновь насладиться их произведениями.

Нередко живописец обращается и к сюжетам древней балкарской мифологии, фольклору, которые позволяют постичь менталитет своего народа и одновременно помогают придать его произведениям национальное звучание.

Патриотические чувства время от времени подталкивают Владимира Баккуева взяться за кисть, чтобы создать и полотна исторического характера, прежде всего, посвященные депортации балкарского народа. Правда, сам автор недоволен результатами своего труда и потому не выносит свои полотна на суд зрителя. Удовлетворение у него вызвала лишь работа в качестве художника-постановщика художественного кинофильма «Дорога на край жизни» (режиссер Рубен Мурадян, 1995 г.) об изгнании балкарцев с земли предков. По его признанию, здесь он сумел полностью реализовать свои творческие возможности.

Но закончились съемки кинофильмов, и Владимир Баккуев вновь вернулся к своим станковым произведениям.

Время летит, уносит дни и судьбы. Год 2018-й. Как сейчас художник оценивает пройденный участок жизненного и творческого пути? Что и кто вспоминается наиболее ярко? О каких эпизодах и коллизиях судьбы Владимир Каншауович хотел бы рассказать друзьям, читателям?

Как я не стал архитектором

Сначала я работал на одном из нальчикских заводов аппаратчиком, оттуда ушел в армию.

Когда при республиканском министерстве культуры были организованы двухгодичные курсы художников-оформителей (для пропаганды политики партии и правительства, написания портретов членов ЦК КПСС и других целей), нам преподавали заслуженный художник Кабардино-Балкарии Алексей Денисенко и член Союза художников СССР Николай Канчук.

Алексей Моисеевич – выпускник Ленинградского институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина – порекомендовал мне поступать в этот вуз. На втором туре я «срезался». Да это и не удивительно – там такие «крутые» абитуриенты были, не чета мне. Состоявшиеся столичные художники, на импортных автомобилях, при хороших деньгах. А тут я со своими акварелями.

Забрал документы, поехал в Москву, решил поступать в архитектурный. В зачет пошел рисунок, представленный экзаменационной комиссии в Ленинграде. Я успешно сдал экзамены по химии, физике, был зачислен в студенты, а потом... передумал и уехал домой.

Что так «сработало»? Тоска по дому и родным. Безденежье, конечно. Работники вуза уговаривали остаться, ведь приехал издалека, выдержал большой конкурс.

Молодой был, некому было остановить.

Наверное, как каждый кавказец, я люблю работать с камнем – что-то строить, сооружать, декорировать. Мой дом в пригороде Нальчика, в поселке Хасанья, – тоже своего рода творчество.

Сейчас, если бы повернуть время вспять, конечно, остался бы в московском вузе, получил высшее образование, стал бы архитектором. Эх, если бы молодость знала, если бы старость могла.

Как работали художники-оформители

Всю жизнь я испытываю глубокую благодарность к Алексею Денисенко, который окончил репинский институт и преподавал на курсах в Нальчике рисунок и впоследствии опекал меня, и к выпускнику рижского вуза Николаю Канчуку, который часто бывал у меня в мастерской

и радовался моим успехам. Учителя щедро делились с молодым коллегами знаниями и опытом, помогали в практической деятельности, в трудоустройстве.

Как художник-оформитель я работал в разных организациях, иногда одновременно в четырех и даже в пяти.

Несколько лет рисовал афиши в кинотеатре «Победа» на улице Кабардинской. Это был второй по значимости в республике двухзальный кинотеатр, где перед сеансами на эстраде играл оркестр, выступали артисты филармонии, в общем, жизнь была ключом.

Молодому задорному художнику-оформителю Баккуеву как-то взбрело в голову изображать на афишах не актеров, игравших в фильмах, а своих друзей. Некоторое время вместо иностранных артистов проходим с афиш улыбались Мухадин Чапаев, Абдуллах Додуев и другие известные в городе лица. Баловство пришлось прекратить, когда замечательная директриса Тамара Васильевна заметила подлог и сказала: «Володя, это не Жан Маре, а кавказец какой-то».

Работа в центре Нальчика оказалась выгодной – рядом штаб-квартира Союза художников, живописцы, скульпторы – хорошие знакомые, с которыми я общался практически каждый день. Они предложили принять участие в конкурсе, объявленном худфондом, и из шести претендентов работу в этой престижной и довольно денежной организации получили Руслан Цримов и я.

Заказы были, но, чтобы их получить, надо было каждый раз участвовать в конкурсе. Или работать в бригаде победителя конкурса по его эскизам. Иногда мне удавалось выигрывать конкурсы.

Мы ездили по всему Советскому Союзу, крупные заказы выполняли в Челябинске, Ижевске (Удмуртия) и даже в Москве. Не удивляйтесь, тогда оформлением фасадов и интерьеров общественных зданий и сооружений, таких, как кинотеатры, школы, Дома культуры, даже в столице могли заниматься художники из провинции.

Высокие расценки были не на стенды, планшеты и портреты, а на монументальные вещи – росписи стен, мозаики, чеканки. И мы хитрили, старались предлагать их в эскизах как можно больше.

Выполнение крупных монументальных работ впоследствии поспособствовало театральному творчеству, где необходимо изготавливать одежду сцены и большие декорации, которые должны органично восприниматься зрителями под любым ракурсом.

Здание Балкарского театра сейчас ремонтируется, труппа дает выездные спектакли, поэтому я практически каждый день работаю в моей художественной мастерской на проспекте Кулиева.

В Ингушетии

В лихие 90-е, после смены социального строя в стране, я еще не числился в штате Балкарского театра, хотя главный режиссер Борис Кулиев на этом настаивал. Как приглашенный художник оформил спектакль «Артутай» по пьесе народного писателя Кабардино-Балкарии Алима Теппеева, после чего Борис Хаджимусаевич позвал меня в Ингушетию. В национальном театре имени Саида Чахкиева (писатель, поэт, переводчик, драматург, кинодраматург, баснописец) в то время не было своих режиссеров, художников, и наш тандем был востребован. Я занимался созданием декораций и эскизов костюмов к спектаклям «Террор», «Час луны».

Постановка спектакля о сталинском терроре в 30-е годы стала возможна благодаря поддержке генерал-майора Мурата Магомедовича Зязикова, который в то время работал в КГБ, а впоследствии стал президентом Республики Ингушетия. Его деда расстреляли, и он за свой счет решил сделать спектакль.

Тогда, как прежде, как и сейчас, я брал тему, разговаривал с режиссером, и в неделю раз мы встречались. Несколько месяцев, пока шел подготовительный период, готовил эскизы, обсуждал их с постановщиком, декораторами, костюмерами, пастижерами...

В финальной части, по задумке режиссера, должен был звучать гром. На многочисленных репетициях, в том числе на генеральной, все прошло гладко, а на премьере случилась какая-то мистика. Представьте себе – за сценой гроыхает, и в этот самый момент в зрительном зале разверзается потолок, и сверху хлынули потоки воды!

Это произвело на зрителей потрясающее впечатление. От такого неожиданного театрального эффекта они были в восторге.

Но нам-то каково?! Ведь ничего подобного не задумывалось.

Оказалось, что причиной ливня в зале стала худая крыша. В лихие девяностые на постановку деньги нашлись, а здание театра не ремонтировалось с советских времен. Это понятно. Но почему настоящий ливень хлынул именно в тот момент, когда театральный гром грянул, это мне и другим очевидцам непонятно до сих пор.

Выполнив контракт, народный артист Кабардино-Балкарии и Республики Ингушетия Борис Кулиев вернулся в Нальчик, а меня уговорили

еще поработать в Назрани. Я готовил спектакли, консультировал, обучал местных художников, общался с творческой интеллигенцией, руководством Ингушетии, выдающимися деятелями культуры, и получал заказы на написание портретов.

Итогом такой работы стала моя персональная выставка, которая наряду с другими работами включала цикл портретов известных в Ингушетии людей – поэтов, писателей, народных сказителей, музыкантов, художников. Тогда мне дали звание «Заслуженный деятель искусств республики Ингушетия», наградили памятной медалью «За укрепление мира на Кавказе».

С ингушским театром я работал семь лет, а когда Борис Кулиев стал директором Балкарского театра, он настоял на том, чтобы я вернулся в Нальчик. Я считал, что не смогу работать в штате, потому что мне нужна свобода, площадка помимо театральной мастерской. Он пообещал и дал мне свободу, и так я продолжил работу над постановками, во время которой приходится забрасывать живопись.

Картинная жизнь

Над чем я работаю сейчас? Пишу портреты друзей. Они радуются, но покупают редко, ведь у большинства людей из моего окружения доходы примерно такие же, как у меня.

Правда, в художественном салоне в этом году удалось продать две картины, но большинство их так и остаются в моей мастерской.

Иногда портреты пишу с фотографий, но люблю писать с натуры. Проблема в том, что редко кто может позировать.

Многие думают, что натурщиком работать просто. Но длительное пребывание в одной позе – изнурительный труд. За все годы моей работы лишь несколько моих знакомых успешно справились с этой задачей. В их числе поэты Али Байзуллаев и Руслан Семенов.

Основатель Государственного фольклорно-этнографического ансамбля танца «Балкария» Мухтар Кудиев на сеансе засыпал через пять минут. Не мог сидеть на месте Борис Кулиев – я ему давал гитару, он играл и пел, и так удавалось ловить моменты для написания портрета режиссера.

Несколько раз я писал портреты Танзили Зумакуловой. Она народный поэт Ка-

бардино-Балкарии и моя соседка – наши дома стоят рядом. Танзилю Мустафаевну я знаю хорошо, однако никак не могу поймать то, что хотел бы отразить на холсте.

Танзиля добродушная, на ее лице постоянно живет неуловимая улыбка, которую сложно передать на живописном полотне.

Считаю, что характер проявляется, когда человек о чем-то задумался. Женщин пишу очень мало, потому что их изображать сложнее. Думаю, что женщины – существа не только с другой планеты, но с другого созвездия.

С мужчинами больше общаюсь, они чаще бывают в моей мастерской, я наблюдаю за ними в разных ситуациях. Когда планирую писать портрет, улавливаю каждую черточку, чтобы использовать это наблюдение в работе.

Станковая живопись – будь то портрет или пейзаж – увлекательное занятие, и от него невозможно оторваться, исходит ли оно от природы или от Бога.

На полотнах – запечатленное время. Они живут со мной, и я живу в мире картин, в ускользающем времени.

В 2017 году Владимир Баккуев представил свои работы в Музее изобразительных искусств КБР им. Н. Л. Ткаченко на персональной выставке – юбилейной, посвящённой 75-летию художника.

Председатель Союза художников КБР Геннадий Темирканов тогда сказал: «С удивлением узнал, что Владимиру – 75, а не меньше. Цифры значат не много, главное – внутреннее ощущение, которое видно в работах».

*Мухамед ШОМАХОВ,
ветеран труда*

О «ДЕТЯХ ВОЙНЫ»

В день грандиозного праздника Дня Победы мы склоняем голову перед участниками войны. Но в этот день было бы справедливо вспомнить и о поколении детей войны, рано шагнувших в большую взрослую жизнь. Ведь старшие из них уже в преклонном возрасте, им уже 70 и более лет.

Наше поколение, родившиеся в 30–40-е годы прошлого века, прожило нелегкую жизнь. Эти люди испытали холод, голод, ужасы бомбежек, страшную нужду и горькое сиротство.

Несмотря на трудности, они совмещали учебу с работой, многие из них стали высокообразованными людьми, наравне с матерями, потерявшими своих мужей, после страшной войны они поднимали из руин Родину, трудясь там, где это было необходимо для ее блага.

При непосредственном активном участии «детей войны» создан промышленный потенциал одного из мощнейших государств в мире. «Дети войны» стояли у истоков восстановления разрушенных отраслей промышленности, сельского хозяйства СССР, в том числе нашей республики. Благодаря настойчивости и упорству этого поколения были созданы достойные условия жизни народа, будущих поколений.

Случилось то, что очень нужные стране люди сегодня по разным причинам забыты и превратились в лишние, реформы в стране больно ударили по поколению «детей войны».

Их пенсии превратились в мизерную подачку, не обеспечивающую достойной жизни. В странах, опаленных войной, принят и действует многие годы социальный статус «детей войны», со всеми правами и льготами. Указанный вопрос подняли и положительно решили с помощью общественных организаций, действующих в России, – в Астраханской, Владимирской, Ульяновской, Воронежской, Амурской, Тверской, Белгородской, Омской областях, Алтайском крае и в других регионах страны, за счет собственных бюджетов. У «детей войны» не осталось времени ждать, поэтому органы власти должны, даже обязаны создать им нормальные условия жизни.

Мы продолжаем надеяться, что депутаты региональных Парламентов рассмотрят на своих заседаниях вопрос о социальном статусе «детей войны» и обратятся в Госдуму с законодательной инициативой о внесении поправок в статьи 2 и 20 федерального закона «О ветера-

нах», касающиеся включения «детей войны» в реестр федеральных льготников.

К этому поколению (1936–1945 годов рождения) должны относиться с большим вниманием, почитанием и уважением.

Уверен, что Глава Кабардино-Балкарской Республики Ю. А. Коков и Парламент Кабардино-Балкарской Республики сделают все, чтобы решить проблему с учетом опыта вышеуказанных регионов РФ, и позаботятся о материальном благополучии «детей войны».

«Дети войны» своим самоотверженным трудом на благо отчизны заслужили более внимательного отношения со стороны государства, большинство из них поставлены на грань выживания. По некоторым данным, сегодня в стране проживает менее 40 миллионов таких людей, это, естественно, будет нагрузкой для государства, но если оно привлечет к этому делу олигархов, то вопрос сдвинется с места.

Сегодня средняя пенсия граждан в побежденной Германии составляет в переводе на российские деньги более 40 тысяч рублей, а в нынешней России чуть больше 8500 рублей, большая часть из которых уходит на оплату коммунальных услуг, которые из года в год все больше и больше повышаются.

Закон о «детях войны» принят в семнадцати регионах Российской Федерации. Но федерального закона до настоящего времени нет, также нет и республиканского, так что многим «детям войны» еще ждать и ждать, а ждать им, к сожалению, нет времени.

Законопроект «О внесении дополнений в статью 2 и статью 20» Федерального закона «О ветеранах труда» предусматривает приравнять «детей войны» к труженикам тыла с предоставлением льгот, предусмотренных действующим законодательством.

Общероссийская общественная организация и республиканское отделение «Дети войны» ставит своей целью помочь этим людям в борьбе за их права и улучшение условий жизни. Это именно то, что давно угнетало внутри, требуя выхода, что называется – накопело, прорвало. Молчат – значит, мирятся с этим, соглашались с тем, что так все и останется без изменений, так все и будет продолжаться.

Вот почему я все-таки решаюсь вынести на суд читателя эту тему, с просьбой высказать все, что думает каждый. Я далек от мысли выражать свое видение через толпы, сборы, митинги, демонстрации и т. д., в которых ничего конкретно не решается, где экстремисты стараются будоражить народ против настоящей стратегии существующей власти. Я за то, чтобы каждый гражданин высказывал свое мнение через СМИ, а они предоставляли всем, кто этого желает, слово через газеты, журналы, телевидение, радио. Граждане Кабардино-Балкарской Республики должны о себе напоминать руководителям, от которых зависит благополучие и

достойная жизнь граждан, это и будет иметь результат, о котором мечтает большинство населения.

Все вышеизложенное больше всего касается российских чиновников во главе с Президентом РФ, Правительства РФ и законодателей Государственной Думы РФ, обязанных повернуться лицом к беднейшим людям, которые ежедневно умирают, многие от недоедания, болезней, отсутствия одежды и жилья.

Государство сильно, если его народ живет достойной жизнью, а сегодня, к великому сожалению, этого нет.

С уважением отношусь ко всем руководителям РФ и КБР, но на сегодня по другому думать не получается, так как я один из «детей войны», ветеран труда, инвалид II группы, с пятидесятилетним (1939 г. р.) непрерывным трудовым стажем.

3 мая 2018 г.

Шомахов Мухамед Хатукович

Шомахов Мухамед Хатукович родился 12 мая 1939 года в сел. Кызбурун-2 Баксанского района КБАССР.

Трудовую деятельность начал в ноябре 1958 года после окончания СШ № 1 сел. Кызбурун-2.

С 1960 по 1963 гг. служил в Советской Армии. После службы работал слесарем Баксанского р/о «Сельхозтехника».

С 1964 по 1969 гг. учился и окончил химический факультет КБГУ.

С 1969 по 1980 гг. работал в НЗПП на разных должностях.

С 1980 по 1983 гг. работал главным инженером Нальчикского химзавода Министерства местной промышленности.

С 1983 по 1984 гг. работал заместителем директора Московской экспериментальной фабрики спортивных изделий и одновременно занимал должность директора филиала указанной фабрики.

С 1984 года занимал должности в разных отраслях народного хозяйства КБР. 3 декабря 2015 года уволился с последнего места работы по собственному желанию. Был лучшим рационализатором КБР, за что многократно награждался.

Ветеран труда. Награжден медалью «Отличник гражданской обороны СССР».

Женат, трое детей, шесть внуков и две внучки.

Хахов Борис Мухадинович

Родился 03.01.1937 г. в сел. Исламей Баксанского р-на КБР.

В 1945 году поступил в школу родного села и окончил её в 1955 году.

В 1955 году поступил в Кабардино-Балкарский госуниверситет на историко-филологическое отделение. Участь в университете, по зову Родины, ездил три раза на целину.

В 1958 году Указом Президиума Верховного Совета СССР награждён медалью «За освоение целинных земель».

В 1960 году окончил университет и был направлен на работу в с. Исламей, в СШ № 2 учителем.

С 1969 по 1977 гг. работал в названной школе организатором по внеклассной работе.

В этой же школе – заместителем директора по учебно-воспитательной работе с 7.02.1977 г. по 22.08.1982 г.

Потом, с 22.08.1982 г., переведен в 3-ю среднюю школу с. Исламей – директором, где проработал до августа 1999 г.

29.12.1986 г. награждён значком «Отличник народного просвещения».

Неоднократно избирался депутатом сельского Совета народных депутатов.

С августа 1999 г. перевёлся в СШ № 2 с. Исламей – учителем истории КБР и традиционной культуры народов КБР.

Педагогический стаж в сельской школе с. Исламей – 50 лет.

Воспитал и дал образование четверым сыновьям.

Отец, Хахов Мухадин Талибович, был фронтовиком. Был три раза ранен, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалями. Домой вернулся без правой руки. Отдал много энергии и труда в восстановление народного хозяйства. Ушел из жизни от ран в 1947 году.

Мать, Хахова Женя Патовна, вырастила и дала образование троим детям, трудилась в колхозе воспитателем детского сада.

Награды:

Указом Президиума Верховного Совета КБ АССР от 30 марта 1988 года награждён медалью «Ветеран труда» за долголетний добросовестный труд.

ЦК КПРФ наградил памятной медалью «70 лет Великой Победы».

ЦК КПРФ наградил памятной медалью «90 лет Великой Октябрьской Социалистической революции».

*Суфьян ХАЧЕТЛОВ,
кандидат педагогических наук,
заслуженный работник образования КБР,
почётный работник образования РФ*

РЕЖИССЕР СВОЕЙ СУДЬБЫ

Очерк

Ничто в мире не происходит случайно, просто так. Во всём есть смысл, и у каждого человека, живущего на Земле, есть своё предназначение, миссия, которая ему дана и которую он должен выполнить. Случается так, что человек исполняет своё предназначение всю жизнь и делает это так хорошо, что незамеченным оставаться не может. Тогда о нём говорят, что он мастер своего дела, что судьба не зря именно так распорядилась им. Таким человеком является Борис Нахупшевич Кудаев – начальник Нальчикской объединённой технической школы ДОСААФ РОССИИ КБР.

Борис Нахупшевич Кудаев

Человек – существо биосоциальное, и потому свойственно ему проектировать свою жизнь, создавать ее нужной, оправданной и полезной. Он на деле воплощает высокие цели, что позволяет ему стать творцом не только своей судьбы, но и всего общества. Каждый человек на нашей грешной, но прекрасной планете, чаще всего в юности, спрашивает себя: кто я, каков я, кем и каким мне быть?

Подобные вопросы не раз возникали у Бориса Нахупшевича в юные годы, когда стал задумываться о себе и пытался представить, как будет он выглядеть, став взрослым человеком...

Родился он в 1960 году в селении Нартан Чегемского района в семье уважаемых и почётных сельчан Нахупша Батырбековича и Хазизат Башировны. Отец Бориса всю жизнь работал в Автотранспортном управлении №1 г. Нальчика, неоднократно поощрялся предприятием грамотами и медалями, получил звание «Ветеран труда». В трудовой книжке у него была одна запись: водитель самосвала АТУ № 1. Мать была домохозяйкой.

Нахупш и Хазизат Кудаевы воспитали четверых замечательных детей, всем дали высшее образование. Родители для детей были образцом для подражания в жизни. Борис был средним в семье – получил специаль-

ность инженера-механика в КБГУ, старшая сестра Римма по образованию преподаватель химии и биологии, работает учительницей технологии в школе №2 селения Нартан, старший брат Аслан – по образованию химик и биолог, работает директором филиала Сочинского мясокомбината в Нальчике. Младший брат Валера получил педагогическое образование, но служил в органах МВД в звании майора. В 2005 году, 13 октября, защищая Нальчик от террористов, героически погиб. Валера посмертно награждён Орденом Мужества. Сегодня одна из улиц Нартана носит имя героя. А в школе, где учился Валера, установлена мемориальная доска.

По окончании университета у молодого специалиста начинается трудовая деятельность в качестве учителя машиноведения в средней школе №2 селения Нартан в 1982 году. В общей сложности Борис Нахупшевич отдал педагогической работе в школе более 20 лет. За эти годы из стен школы выпущены сотни учащихся, которые получили права механизатора широкого профиля. Очень многие сегодня благодаря своему наставнику трудятся в отраслях сельского хозяйства Кабардино-Балкарии.

Борис Кудяев в совершенстве владел методикой преподавания своего предмета. Он никогда не отказывался от проведения открытых уроков, не раз их проводил по своей инициативе, широко использовал на своих занятиях наглядные пособия, раздаточный материал, увязывал учебный материал с жизнью и практикой. Он мог плавно, незаметно переходить от одного элемента урока к другому. На его занятиях не бывало скуки, вялости.

На любом проводимом в школе мероприятии Борис Нахупшевич не оставался в стороне. Он имел солидный опыт организации разного рода встреч с выпускниками школы, с передовиками сельскохозяйственного производства, с руководителями и работниками правоохранительных органов. Он умел на высоком уровне проводить с учащимися мероприятия на морально-этические, правовые и молодежные темы. Такова беспокойная натура Кудяева – педагога, ветерана труда, профсоюзного

активиста, члена административного совета школы и скромного собеседника. Он всегда был в движении, в поисках нового и передового в учебно-воспитательном процессе. Душа его никогда не искала покоя, ибо ему нравится быть всегда среди людей, но не среди инертных и равнодушных, а среди подобных себе – с активным мышлением. Кабинет машиноведения, который был создан Кудяевым в то время, был единственным, и равных ему не было в республике.

За заслуги перед образованием Кабардино-Балкарии Б. Н. Кудяев в 2003 г. был удостоен звания «Почетный работник общего образования РФ».

Учитывая большой педагогический опыт, а также техническое образование, Б. Н. Кудяев руководством регионального отделения ДОСААФ РОССИИ КБР в 2007 году был приглашен на работу в Оборонное общество. По сей день Борис Нахупшевич работает начальником нальчикской объединенной технической школы ДОСААФ РОССИИ. Он всегда бодр, энергичен, общителен с курсантами и коллегами. Оптимист по натуре, Б. Кудяев любит пошутить, развеселить хмурого, поднять настроение у пессимиста, любого собеседника.

За время работы Кудяева образовательное учреждение полностью преобразилось. Создана современная учебно-материальная база, обновлен кадровый потенциал школы молодыми энергичными преподавателями. Парк автомобильной техники укомплектован последними образцами современных транспортных средств, состоящими на обеспечении войск, типа «Урал» и «КамАЗ», а также легковыми автомобилями. Совместно с

ГИБДД школа разрабатывает методику обучения вождению транспортных средств. Оформлена комната военно-патриотического воспитания.

Борис Нахупшевич считает, что одними из важных задач, которые должна решать Нальчикская объединённая техническая школа ДОСААФ, являются военно-патриотическое воспитание молодых людей, их адаптация к жизни в обществе, всесторонняя подготовка к служению Отечеству, развитие военно-прикладных видов спорта.

По инициативе Кудаяева в ПОУ НОТШ курсанты автошколы в классах автомобильной подготовки, центре стрелковой подготовки могут заниматься многими спортивными и техническими направлениями. Благодаря настойчивым усилиям начальника автошколы, сегодня в ОУ проводится реорганизация, формируется команда профессионалов. От старой команды остались специалисты, которые на самом деле могут и желают участвовать в возрождении Нальчикской автомобильной школы ДОСААФ, в укреплении авторитета ДОСААФ России в массовом сознании граждан Кабардино-Балкарской Республики. А это смогут сделать только убежденные люди, патриоты и профессионалы своего дела.

За многолетний и добросовестный труд в Оборонном обществе Б. Н. Кудаяев награждён грамотой правительства Кабардино-Балкарской Республики, медалью трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина, юбилейными медалями ДОСААФ России, медалями от Совета ветеранов войны и труда, военного комиссариата республики.

Следует отметить, что ОУ осуществляет свою деятельность в основном за счёт средств, которая школа зарабатывает благодаря дальновидности Кудаяева.

ПОУ НОТШ ДОСААФ РОССИИ КБР не только осуществляет подготовку к военной службе по военно-учебным специальностям. Сегодня школа готовить водителей категорий А, В, С, Е, Д, но готова ещё начать подготовку по массовым рабочим профессиям (тракторист, газо-электросварщик, крановщик, бульдозерист-экскаваторщик, портной, закройщик, специалист по перевозке опасных грузов и т. д.), школа имеет лицензию.

Древнегреческий философ Платон, отвечая на вопросы о том, что такое человек и чем он отличается от животных, остроумно ответил: «Человек – это двуногое животное без перьев». Через 2 тысячи лет Б. Паскаль, известный французский физик и математик, возразил Платону: «Человек без ног все же остается человеком, петух без перьев человеком не становится».

Борис Нахупшевич не раз вспоминает эти два афоризма, чтобы соизмерить, сопоставить свою жизнь с жизнью других и не прожить ее впустую, бесцельно, бессмысленно. Человек должен быть достоин своего высокого призвания и предназначения.

Коллектив ПОУ НОТШ ДОСААФ РОССИИ встречает 90-летний юбилей общества. Хочется поздравить Бориса Нахупшевича Кудаяева и его коллектив со славной датой и пожелать им успехов в жизни и труде!

В номере:

С днем Великой Победы	2
Русско-кавказская война глазами очевидцев. <i>Ист. очерки</i>	6
Борис Бербеков. Мудрость и благородство, пронесенные сквозь века. <i>Статья</i>	16
Хасан Тхазеплов. Экспедиция – 2615. <i>Главы из романа</i>	22
Мадина Хакуашева. Адыгская литература в эпоху глобализма. <i>Статья</i>	45
Бурхан Берберов. Запеленутые яйца. <i>Рассказ</i>	57
Джамбулат Кошубаев. Идущий следом. <i>Рассказ</i>	64
Амир Макоев. Возвращенное небо. <i>Новеллы</i>	78
Тахир Толгуров. Налоги, булыжник, Будена. <i>Рассказ</i>	94
Константин Елевтеров. Ковер. <i>Глава из романа</i>	100
Ибрагим Гукемух. Бордю. <i>Рассказ</i>	111
Асият Кармова. <i>Стихи</i>	119
Дарья Шомахова. <i>Стихи</i>	123
Марина Мазуренко. <i>Стихи</i>	129
Михаил Лурье. <i>Стихи</i>	136
Азамат Тазов. Отпечаток мгновенья. Шесть улиц. <i>Рассказы</i>	139
Залим Маиров. Молитва. Против терроризма. Искры и Гоголь. <i>Рассказы</i>	146
Николай Шиков. Возвращение к вечности. <i>Очерк</i>	154
Аслан Кумахов. Кварцевый круг, светящийся синим пламенем. <i>Статья</i>	160
Алена Чернова. Достойный офицер Отчизны. <i>Очерк</i>	167
Ирина Богачева. «Я пережил двадцатый век...» <i>Очерк</i>	176
Мухамед Шомахов. О «Детях войны» <i>Статья</i>	183
Дети войны. <i>Очерки</i>	185
Суфьян Хачетлов. Режиссер своей судьбы. <i>Очерк</i>	187

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*Тематическую подборку прозы и стихов подготовил В. Мамишев
В номере использованы фотографии
Ж. Кандоровой, Е. Бит-Сава, Л. Холаевой, А. Елканова, К. Толгурова*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 03.05.18. Подписано к печати 31.05.18.
Выход в свет 26.06.18. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 840 экз. Заказ № 199. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

**Нальчик, 21 мая 2018 года.
У мемориала «Древо жизни»**

Нальчик, 9 мая 2018 г. Возложение цветов к мемориалу «Вечный огонь славы»